A 207/362

2007044168

362

СИЛЬВЕСТРЪ II,

КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ ЧЕТВЕРТИНСКІЙ,

ЕПИСКОПЪ МОГИЛЕВСКІЙ,

и состояніе при немъ православной церкви въ Могилевской епархіи

(1704—1728 г.г.).

И. Петропавловскаго.

Могилевъ на Днѣпрѣ.
Скоропечатня и Литографія Ш. Фридланда.

1893.

СИЛЬВЕСТРЪ II,

КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ ЧЕТВЕРТИНСКІЙ,

ЕПИСКОПЪ МОГИЛЕВСКІЙ,

и состояніе при немъ православной церкви въ Могилевской епархіи

(1704—1728 г.г.).

М.П.М.
БИБЛІОТЕКА

И. Петропавловскаго.

Могилевъ на Днѣпрѣ.
Скоропечатня и Литографія Ш. Фридланда.

1893.

От С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, ноября 27 дня, 1892 г.
Цензоръ Протоіерей *А. Автономовъ*.

СИЛЬВЕСТРЪ II, КНЯЗЬ СВЯТОПОЛКЪ ЧЕТВЕРТИНСКІЙ, ЕПИСКОПЪ МОГИЛЕВСКІЙ, И СОСТОЯНІЕ ПРИ НЕМЪ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ВЪ МОГИЛЕВСКОЙ ЕПАРХІИ

(1704—1728 г.).

Время епископствованія Сильвестра II обращаетъ на себя вниманіе, во первыхъ, тѣмъ, что начало его совпадаетъ съ событіями великой Сѣверной войны, которыя, происходя въ Бѣлоруссіи, причинили много бѣдствій православной Церкви въ Могилевской епархіи вообще и особенно въ главномъ городѣ ея, Могилевѣ; во вторыхъ,—оно начинаетъ собою сильнѣйшія преслѣдованія православныхъ Бѣлоруссіи, предпринятыя латинянами Польши съ особенною энергіею для осуществленія давно задуманнаго и къ этому времени въ полной и окончательной формѣ своей составленнаго и отпечатаннаго плана искорененія въ Польшѣ русской вѣры и народности.

Сильвестръ II, въ мірѣ Сергій Вячеславичъ, князь Святополкъ Четвертинскій, на каѳедру Могилевской епархіи избранъ былъ въ 1704 году, вскорѣ послѣ смерти предшественника своего, епископа Серапіона Полховскаго, послѣдовавшей въ этомъ году. До избранія своего въ епископы онъ игуменствовалъ на Волыни, родинѣ своей, въ Четвертинскомъ монастырѣ[1]).

Родъ князей Святополковъ Четвертинскихъ, изъ котораго происходилъ Сильвестръ, былъ древнимъ владѣльцемъ на Волыни и съ давнихъ поръ представлялъ собою одну изъ опоръ православія въ той мѣстности. Такъ, въ 1569 году одинъ изъ предковъ Сильвестра, князь *Янушъ Четвертинскій*, не смотря на строгій универсалъ Сигизмунда Августа, подъ угрозою конфискаціи имѣній требовавшій

[1]) Чистовичъ, Оч. Зап.-Русск. Ц., ч. II, стр. 258—259.

отъ Волынскихъ дворянъ присягою подтвердить свое согласіе на унію, отказался вмѣстѣ съ другими приверженцами православія, владѣтелями земли Волынской, исполнить приказаніе короля, готовый изъ ревности къ православію жертвовать всѣмъ своимъ состояніемъ[1]). Тѣ же Четвертинскіе на родинѣ своей въ Четвертинѣ или Четвертнѣ, надъ р. Стыремъ, для защиты и утвержденія православія основали два монастыря—мужескій Преображенскій, построенный въ концѣ XVI или началѣ XVII в., и женскій, захваченные въ началѣ XVIII в. уніатами[2]). Въ первомъ изъ этихъ монастырей Сильвестръ и былъ игуменомъ до избранія своего въ Могилевскіе епископы[3]). Кромѣ Сильвестра, фамилія князей Четвертинскихъ еще ранѣе, во второй половинѣ XVII в., дала православной Церкви другаго, болѣе знаменитаго, іерарха—Гедеона, сперва епископа Луцкаго, потомъ митрополита Кіевскаго. Гедеонъ, въ мірѣ Григорій Захарьевичъ, былъ двоюроднымъ братомъ Сильвестра и по племяннику своему, князю Юрію, находился въ родствѣ съ малороссійскимъ гетманомъ Самойловичемъ, по предложенію котораго избранъ былъ въ Кіевскіе митрополиты[4]). Въ санѣ епископа и митрополита Гедеонъ, князь Четвертинскій († 1690 г.), прославилъ себя благочестіемъ и ревностію къ православію, обширнымъ умомъ и твердостію духа[5]). Но съ XVII в., за нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ вступленіемъ на высшія церковно-іерархическія должности Гедеона и Сильвестра—этихъ ревнителей исповѣданія своихъ знатныхъ предковъ—родъ князей Четвертинскихъ начала постигать общая участь всѣхъ православныхъ знаменитыхъ родовъ Западной Руси, имѣвшихъ несчастіе сдѣ-

---

[1]) Сборн. докум., уясн. отнош. Латин.-пол. пропаганды къ русск. вѣрѣ и народности, вып. 2-й, № 1. Вильна 1866.

[2]) Чист., Очер. З.—Р. Ц., II, 280.

[3]) При монастырях этих, между прочим, находилась и типографія, въ которой въ 1625 г. напечатаны были двѣ книги—Псалтырь и Часословъ (Чистовичъ, тамъ же, II, 344). Типографія, по всей вѣроятности, также основана была князьями Четвертинскими

[4]) Князь Юрій Четвертинскій извѣстенъ своею службою въ русскомъ войскѣ при Петрѣ Великомъ. Числясь въ Большомъ полку, онъ участвовалъ въ Крымскомъ походѣ. Съ Самойловичемъ онъ вступилъ въ родство, женившись на дочери его въ февралѣ 1690 г., когда этотъ славный и несчастный гетманъ былъ уже въ опалѣ, сосланный въ Сибирь по подозрѣнію въ измѣнѣ (Исторія Малой Россіи ч. III, примѣч. 19).

[5]) Чистовичъ, Оч. З.—Р. Ц., II, 147—149.

латься подданными католической Польши. Первый изъ Четвертинскихъ измѣнилъ православію князь Степанъ Степановичъ, за нимъ братъ Сильвестра князь Гавріилъ Вацлавовичъ, за которымъ послѣдовало все его потомство[1]). Тѣмъ не менѣе въ началѣ XVIII в., во время епископства Сильвестра, фамилія Четвертинскихъ была едва ли не единственнымъ княжескимъ родомъ Южной Руси, котораго хотя одна вѣтвь оставалась вѣрною православію.

Хотя Сильвестръ избранъ былъ въ епископы Могилевскіе еще въ 1704 г., но принялъ санъ епископа въ Кіевѣ и въ Могилевъ прибылъ въ 1707 г., привиллегію же на епископство получилъ отъ короля Августа II только въ 1713 г.[2]). Главною причиною поздняго прибытія Сильвестра на свою каѳедру, а также, можетъ быть, и поздняго посвященія его въ санъ епископа было то, что избраніе его въ епископы совпало съ тѣмъ временемъ великой Сѣверной войны, когда она, направляясь къ Бѣлоруссіи, стала уже угнетать страну эту множествомъ бѣдствій гражданскихъ и церковныхъ. Бѣдствія эти въ различной степени коснулись почти всѣхъ городовъ Бѣлоруссіи, но едва ли не болѣе всѣхъ изъ нихъ пришлось пострадать Могилеву[3]).

---

[1]) Россійск. род. кн., изд. Долгорукова, ч. I., стр. 120. СПБ. 1855; у Чистов. Оч. З.—Р. Ц., II, 147.

[2]) Собр. соч. Георгія Конисскаго, архіеп. Бѣлорус., изд. протоіер. Іоанномъ Григоровичемъ, ч. II, СПБ. 1835 стр. 202.

[3]) Такъ какъ, происходившія въ Могилевѣ и задержавшія собою пріѣздъ на свою каѳедру новопосвященнаго епископа Сильвестра, событія Сѣверной войны имѣли важное значеніе въ жизни этого города не только гражданской, но и церковной, то мы считаемъ необходимымъ представить здѣсь очеркъ наиболѣе выдающихся изъ нихъ, заимствуя ихъ изъ Хроники лѣтописца г. Могилева Трубицкаго, переведенной съ польск. Н. Г. Гортынскимъ, и изъ записокъ игумена Брат. Могил. монаст. Ореста, помѣщен. въ приложеніи ко 2-му т. Вилен. Археогр. сб. докум. изд. 1867 г. и въ прилож. къ V т. изд. 1871 г.—Хронику Трубицкаго мы цитуемъ по рукописи ея, хранящейся въ библіотекѣ Могилевской семинаріи; но она уже напечатана была въ Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ и вышла въ отдѣльномъ изданіи подъ заглавіемъ: „Хроника Бѣлорусскаго города Могилева“, Москва 1887,—съ предисловіемъ бывшаго ректора Могилевской семинаріи, архим. Сергія, нынѣ епископа Чебоксарскаго, и добавленіями Н. Г. Гортынскаго. Цитація наша однако не затруднитъ желающаго навести справку въ печатномъ изданіи Хроники, потому что, кромѣ листа рукописи, мы указываемъ главнымъ образомъ годъ, подъ которымъ слѣдуетъ искать данное мѣсто; по означенію года легко можетъ быть сдѣлана справка и по печатному изданію.

Движеніе войскъ чрезъ Могилевъ началось еще съ 1700 г., и къ 1703 г. переходы и стоянки разныхъ армій, весьма отяготительные для города, до того усилились, что происходили въ немъ безпрерывно и продолжались такъ почти до самаго окончанія войны. 1704 годъ, ознаменованный, по свидѣтельству Могилевскихъ лѣтописей, явленіемъ на небѣ необыкновенной кометы, принятой жителями, по обычаю того времени, за худое предзнаменованіе, открываетъ собою рядъ величайшихъ притѣсненій и бѣдствій въ городѣ, отъ которыхъ много пострадала въ немъ и православная Церковь[1]). Въ этомъ году Могилевскіе горожане и духовенство испытали сильное притѣсненіе отъ Литовскаго генералъ-майора Бончи-Синицкаго, который проживалъ съ войсками своими въ Могилевѣ и называлъ себя протекторомъ и защитникомъ его[2]). Не желая брать жалованье для себя и войска изъ королевской казны, Синицкій исходатайствовалъ себѣ отъ короннаго гетмана ассистенцію, по которой городъ Могилевъ долженъ былъ изъ доходовъ своихъ и податей, ежегодно вносимыхъ въ королевскую казну, уплатить ему, Синицкому, 100000 битыхъ талеровъ[3]). Такъ какъ всѣ городскіе доходы и подати не могли составить такого количества денегъ и вообще городъ по бѣдности своей не въ состояніи былъ уплатить такую сумму, то Синицкій, не обращая на это вниманія, „тяжко налегъ

---

[1]) Вечеромъ, 26 іюня (по Хрон. Трубницкаго—20 іюля, въ день св. прор. Иліи) появилась на небѣ комета въ видѣ небольшой звѣзды; къ полночи она достигла большихъ размѣровъ и необыкновенною величиною своею привела городъ въ такой страхъ, что жители, по замѣч. лѣтописца, начали молиться Богу и ночью служить молебны въ церквахъ „о сохраненіи отъ казни Божіей“ (Зап. Ореста, стр. XXXVIII). Фактъ этотъ обращаетъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что онъ, какъ бы то ни было, свидѣтельствуетъ о набожности тогдашнихъ Могилевцевъ. И дѣйствительно, теплыя молитвы ихъ о заступленіи Божіемъ были услышаны: милосердый Богъ, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, явно показалъ имъ свое покровительство и помогъ перенести тѣ величайшія бѣдствія, которыя вскорѣ затѣмъ постигли ихъ городъ.

[2]) Начальствуя надъ Литовскими войсками короля польскаго, Бонча-Синицкій занялъ ими Могилевскую экономію въ 1701 г., съ тѣмъ, чтобы дѣйствовать отсюда противъ войскъ Виленскаго воеводы Павла Сапѣги (графа на Быховѣ, Барколабовѣ и Буйничахъ), враждовавшаго съ королемъ и перешедшаго на сторону шведовъ (Описаніе Могил. губ., кн. 1, стр. 80).

[3]) Талеръ—крупная польская серебряная монета; за періодъ времени отъ 1676 до 1717 г. онъ въ переводѣ на русскія деньги имѣлъ цѣну около 1 р 35 к. (Горбачевскій, Словарь древн. акт. языка С.-З. края, стр. 357. Вильна, 1874).

экзекуціею (постоемъ войскъ) на дома горожанъ.“ Стѣсненные до крайности, Могилевцы стали просить его уволить „ихъ отъ несноснаго платежа“ и освободить отъ экзекуціи. Вслѣдствіе просьбы этой Синицкій подалъ имъ совѣтъ, чтобы они за неимѣніемъ у себя наличной суммы одолжили 5000 талеровъ у жившаго съ нимъ товарища его, короннаго регента, пана Краевскаго. Магистратъ, видя, что нѣтъ средствъ къ избавленію отъ платежа, принужденъ былъ взять у Краевскаго въ долгъ 5000 талеровъ въ счетъ города и, давши въ томъ росписку, вручилъ эти деньги Синицкому; остальную же сумму всю сполна, по гетманской ассистенціи, уплатилъ ему разновременно. Долгъ Краевскому оставался не выплаченнымъ. Между тѣмъ панъ этотъ умеръ и, какъ набожный католикъ, завѣщалъ взыскать съ горожанъ свои деньги Могилевскимъ ксендзамъ, а именно: одну тысячу талеровъ — іезуитамъ, другую — бернардинамъ, третью—миссіонерамъ, четвертую—кармелитамъ, пятую же Оршанскимъ доминиканамъ. Обѣднѣвшій городъ не только не могъ уплатить ксендзамъ этой суммы, но даже и 20 процентовъ ея оказался не въ состояніи ежегодно вносить имъ за неуплату всего долга. Неплатежъ процентовъ продолжался нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе чего долгъ въ 5000 талеровъ еще болѣе увеличился, такъ что граждане только чрезъ продолжительное время могли уплатить его, принужденные къ тому, по жалобѣ ксендзовъ, трибунальскими судами[1]).

Принудивши городъ уплатить громадную сумму денегъ и тѣмъ истощивши городскую казну и имущество гражданъ, Синицкій въ томъ же 1704 г. (по Хроникѣ—въ маѣ 1706 г.) особою гетманскою ассигнаціею потребовалъ себѣ уплаты большой суммы денегъ и отъ Могилевскаго духовенства, принуждая къ тому военною экзекуціею „монаховъ Ератскаго и Спасскаго монастырей и всѣхъ Могилевскихъ священниковъ“. Когда же духовенство не могло уплатить всей требуемой суммы, то онъ (будучи католикомъ) запретилъ отправлять Богослуженіе во всѣхъ православныхъ церквахъ города, пока не будетъ удовлетворено его требованіе. Вслѣдствіе этого въ теченіе двухъ недѣль всѣ православныя церкви въ Могилевѣ были заперты. Только просьбы и „довольные подарки“ городскаго магистрата умилостивили жаднаго протектора и онъ, уволивши духовенство отъ пла-

[1]) Зап. иг. Ореста, стр. XXXVIII и XXXIX и Хрон. Трубницкаго, подъ 1704 г.

тежа „позволилъ имѣть служеніе“[1]).

Въ слѣдующіе годы Сѣверной войны продолжало усиливаться непрестанное движеніе чрезъ Могилевъ русскихъ, польскихъ, малороссійскихъ и шведскихъ войскъ подъ предводительствомъ разныхъ полководцевъ, а потомъ и самихъ государей—русскаго, Петра Великаго, и шведскаго—Карла XII[2]). Переходы и проѣзды всѣхъ этихъ войскъ, принуждавшихъ истощенный Могилевъ давать имъ провіантъ, постой и квартиры; пребываніе въ городѣ полководцевъ, ихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. XXXIX; ср. Хронику Трубн. подъ 1706 г.—Этотъ Синицкій и въ послѣдующее время вмѣстѣ съ братомъ своимъ подстолiемъ, по исповѣданію—кальвинистомъ, не переставалъ притѣснять городъ военнымъ постоемъ и денежными вымогательствами до самаго 1707 г., когда братья эти за измѣну союзнымъ государямъ, русскому и польскому, сосланы были въ Сибирь. „Изъ всѣхъ дѣйствій Синицкихъ, характеризуетъ ихъ въ своихъ запискахъ иг. Орестъ, (стр. XLVII), видно, что оба они чрезъ все семилѣтнее пребываніе въ Могилевѣ были самые безсовѣстнѣйшіе и безчеловѣчнѣйшіе обидчики города Могилева. Они своимъ алчнымъ ненасытимымъ сребролюбіемъ и корыстолюбіемъ, своими разбойническими экзекуціями Могилевскихъ жителей привели до самой крайней бѣдности,—совершенные разорители и разбойники, а между тѣмъ называлися протекторами Могилева и за мнимое свое протекторство, которое по справедливости можно назвать разорительствомъ, безсовѣстно обдирали жителей требованіемъ награды себѣ за плутовство свое.“ Не смотря на все это, когда Синицкіе везены были въ Сибирь чрезъ Могилевъ съ позорною церемоніею, то Могилевскіе граждане, по словамъ Ореста, снабдили ихъ „по добродушію своему“ деньгами. Въ старинныхъ рукописныхъ, на польскомъ языкѣ писанныхъ, замѣчаніяхъ, добавляетъ къ тому Орестъ, написано, что Могилевцы таковое благодѣяніе учинили Синицкимъ, основываясь на старинной пословицѣ: когда папа ведутъ вѣшать на висѣлицу, то и тогда не раздражай его, покланяйся ему, дабы, въ случаѣ сорвавшись съ висѣлицы, не учинилъ отмщенія (Зап. стр. XLVII и XLVIII).

[2]) Государь Петръ Алексѣевичъ былъ въ Могилевѣ 21 іюня 1706 г. Городъ радушно встрѣтилъ его съ подобающею церемоніальностію и необыкновенною пушечною пальбою, такъ что царь обратилъ на нее вниманіе и, выражая свое удовольствіе, замѣтилъ: „право су изрядно“. Въѣхавши въ городъ, Петръ направился въ церковь Братскаго монастыря, гдѣ настоятель, игуменъ Сильвестръ Трусевичъ, отслужилъ для него молебенъ. Послѣ того, въ квартирѣ, члены магистрата подносили ему хлѣбъ и соль; государь „былъ очень доволенъ“. Вообще Петръ Великій, не смотря на то, что поступокъ Могилевцевъ, 45 лѣтъ тому назадъ вырѣзавшихъ въ своемъ городѣ Московскій гарнизонъ (см. Хронику подъ 1661 г.), былъ хорошо еще памятенъ русскимъ, отнесся къ Могилеву во время пребыванія своего въ немъ съ полною благосклонностію и справедливостію. Это, между прочимъ, выразилъ онъ въ слѣдующихъ словахъ, случайно встрѣтившись въ городѣ съ сыномъ одного изъ главныхъ участниковъ кроваваго дѣла: «полно, не пугайся: я знаю, что при твоемъ батюшкѣ Москву въ Могилевѣ вырѣзали; на то война была, а Москва дурна тогда была» (Зап. Ореста, стр. XLIII; Хрон. подъ 1706 г., л. 54).—Во время Сѣверной войны, сопровождая войска свои, Петръ Великій былъ и

поборы и разные имъ подарки, „дабы милосерды были“; строеніе мостовъ черезъ Днѣпръ, удовлетвореніе сборщиковъ денежныхъ налоговъ, отправка депутатовъ съ деньгами и подарками,—все это невыносимо стѣсняло и до послѣдней степени истощало средства Могилевцевъ, подвергая ихъ „столь тяжкимъ затратамъ, которыя всѣ подробно, по словамъ лѣтописца, и описывать трудно“[1]).

Особенно тягостенъ и ужасенъ былъ для Могилева послѣдній годъ Сѣверной войны въ Бѣлоруссіи, 1708-й[2]), когда городъ вытерпѣлъ двухмѣсячное пребываніе въ немъ прихотливаго и мстительнаго князя Меньшикова, постой и грабежи шведскаго короля съ его войскомъ и, наконецъ, страшный пожаръ отъ Московскихъ татаръ. Бѣдствія эти, выпавшія на долю города, были столь ужасны, что жители его могли вынести ихъ только при явной помощи Божіей, при видимыхъ знаменіяхъ одобренія и укрѣпленія всемогущею силою свыше. Господь Богъ и Пресвятая Матерь Его, однажды уже чудесно спасшая Могилевъ[3]), и въ эту тягостнѣйшую годину несчастій не оставили своею помощію вѣрныхъ святому православію Могилевцевъ,—снова чудеснымъ образомъ показали имъ свое заступничество и помогли перенести величайшія бѣдствія.

Къ началу 1708 года, когда шведскій король съ своею арміею направлялся изъ Литвы въ Бѣлоруссію, переходы и переѣзды войскъ чрезъ Могилевъ, требованіе постоя и провіанта, насиль-

---

въ прочихъ, почти всѣхъ, городахъ Бѣлоруссіи. Въ интересахъ исторіи мѣстной церкви обращаетъ на себя вниманіе пребываніе его въ Оршѣ и Чаусахъ. Когда государь былъ въ Оршѣ, произошелъ слѣдующій характерный фактъ, записанный въ Могилевскихъ лѣтописяхъ (въ Хрон. Трубицкаго подъ 1076 г., л. 50, и въ Записк. игум. Ор. стр. XL): „во время аудіенціи Могилевскихъ депутатовъ у царя (принятыхъ имъ ласково и милостиво) вошли къ нему два бернардина, прося милостыни, и, объясняя свою бѣдность, говорили, что имъ нечѣмъ жить. Царь спросилъ: много ли васъ? Бернардины отвѣтили, что всѣхъ ихъ шесть человѣкъ. Тогда царь сказалъ: убирайтесь,—Богъ всю вселенную питаетъ, только на васъ шестерыхъ не стало пропитанія, и вынувши изъ кармана горсть копѣекъ, отдалъ ихъ бернардину.“ Въ Чаусахъ пребываніе свое Петръ Великій, по преданію, ознаменовалъ тѣмъ, что въ память побѣды надъ шведами построилъ въ этомъ городѣ деревянную Николаевскую церковь; въ 1873 г. церковь эта сгорѣла и недавно, въ 1880 году, возстановлена изъ камня (Опис. Могил. губ., кн. 2, стр. 133).

[1]) Хроника, подъ 1706 г.

[2]) Въ концѣ этого года гроза войны удалилась отъ Бѣлорусскаго края на югъ, въ Малороссію [См. Хрон., л. 96 на обор.].

[3]) См. Записки Ореста, стр. XIV и Хрон. подъ 1655 г.

ственное забираніе подводъ и принужденіе жителей къ работамъ при постройкѣ мостовъ до такой степени усилились, что, по выраженію лѣтописца, „въ городѣ въ это время все какъ въ горшкѣ кипѣло“[1]).

Положеніе города еще болѣе ухудшилось, когда 14-го марта этого года „князь Россійскій, Александръ Даниловичъ Меньшиковъ, съ весьма знатною помпою въѣхалъ въ Могилевъ и въ Могилевскій замокъ со множествомъ каравановъ на верблюдахъ и мулахъ, провождаемый драбантами въ аппаратѣ“[2]). Съ войскомъ и дворомъ своимъ онъ пробылъ въ Могилевѣ цѣлыхъ два мѣсяца,—самъ квартировалъ въ замкѣ, а офицеры въ домахъ почетнѣйшихъ Могилевскихъ купцовъ и мѣщанъ. Въ теченіе этого времени, постоянно питая злобу на Могилевъ за извѣстное избіеніе въ немъ русскаго гарнизона и задумавши отмстить за это, Меньшиковъ заявилъ себя въ высшей степени требовательнымъ къ городу. Продолжительное пребываніе его, сопряженное съ ежедневнымъ удовлетвореніемъ всевозможныхъ провіантныхъ и денежныхъ требованій, было поистинѣ великимъ несчастіемъ для Могилева, къ этому времени и безъ того до крайности обѣднѣвшаго. Въ самый день пріѣзда князя Могилевскіе магистратскіе члены, „видя и слыша, что князь Меньшиковъ былъ злой и на городъ Могилевъ немилостивъ, ходили къ нему съ дарами, чтобы склонить къ милости.“ Но дары не помогли городу; принявши ихъ, Меньшиковъ на слѣдующій же день, утромъ, чрезъ секретаря своего отдалъ приказъ ратушѣ, чтобы магистратъ изъ города „ежедневно доставлялъ ему напитки всѣ и съѣстные припасы отъ мала до велика“, и городъ нашъ, говоритъ игуменъ Орестъ[3]), „хотя отъ войскъ и военачальниковъ уже былъ до крайней бѣдности доведенъ, однако принуждены были мѣщане требуемые княземъ Меньшиковымъ фуражи и съѣстные припасы доставлять на содержаніе какъ его особы, такъ и дворовыхъ его людей и на балы и пиршества его... А если чего когда либо случится не доставить, то вдругъ магистратскіе члены (забираемы) были подъ стражу и екзеквованы, штрафованы.“ Лѣтописи Могилева въ подробности описываютъ всѣ повинности и продукты, которые городъ поставлялъ Меньшикову на содержаніе „какъ его особы, такъ и дворо-

---

[1]) Хроника подъ 1708 г., рукоп. л. 69; ср. Записки иг. Ореста, стр. LI.

[2]) Зап. иг. Ореста, стр. LII.

[3]) Зап. стр. LIII.

выхъ людей его", при чемъ замѣчаютъ, что „всего доставленнаго городомъ по требованіямъ Меньшикова не возможно ни описать, ни исчислить", и вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ удивленіе, какъ городъ Могилевъ могъ вынести всѣ эти отягощенія[1]).

Удивленіе лѣтописцевъ Могилева, описывающихъ это событіе естественно раздѣлить всякому, читающему эти прискорбнѣйшія страницы въ исторіи города. Но что кажется удивительнымъ и невозможнымъ для исполненія людьми, предоставленными своимъ силамъ и средствамъ, то нисколько не удивительно и является полнѣйшею возможностію, коль скоро совершается при помощи и покровительствѣ Божіемъ. И Могилевъ, всегда неизмѣнно хранившій св. православіе, дѣйствительно, какъ мы сейчасъ и далѣе увидимъ, находился въ это время подъ особымъ покровительствомъ Божіимъ.

Отягощая городъ массою провіантныхъ повинностей, Меньшиковъ въ своей мести Могилеву не довольствовался тѣмъ, что требованіями своими отнималъ у жителей послѣднее имущество; для полнаго удовлетворенія своей мести онъ замышлялъ лишить ихъ жизни. „Пребывая въ Могилевѣ, говоритъ лѣтописецъ[2]), князь Меньшиковъ часто подумывалъ, какимъ бы образомъ отомстить городу за избіеніе (въ 1661 году) Москвитянъ, и какъ бы склонить на то Царя, чтобы перебить всѣхъ жителей". Не смотря на то, что самъ Царь, Петръ Алексѣевичъ, во время пребыванія своего въ Могилевѣ

[1]) Трубицкій подробное исчисленіе свое издержекъ Могилева на содержаніе Меньшикова заключаетъ слѣдующими трогательными и мѣткими словами... „Вотъ, любезный читатель, не возможно и описать всѣхъ переносимыхъ тогда тягостей, о которыхъ предлагаю обратиться къ находящемуся въ Ратушномъ архивѣ кассовому реестру; при чтеніи его со слезами будешь удивляться, какъ Могилевъ возмогъ вынести такія и другія подобныя тягости! Проклятый этотъ червякъ, стоявшій въ замкѣ со своимъ дворомъ съ 14 марта по 19 мая точилъ и объѣдалъ городъ, и какая на его прожорливость издерживалась сумма!" (Хрон. подъ 1708 г. рукоп. л. 74). А между тѣмъ самъ Меньшиковъ писалъ въ это время изъ Могилева къ Царю, увѣдомляя его о себѣ такого рода извѣстіями: „здѣсь отъ самого Свѣтлаго Христова Воскресенья и по се число по вся дни и нощи шелъ дождь; по токмо сего дня Богъ намъ свѣтъ даровалъ, будто нарочно для насъ: понеже за такою мокрою погодою на сей недѣлѣ впервыя изъ мѣста сюда выѣхали съ господами генералами *отчасти повеселиться*. И понеже сіе мѣсто въ данной мнѣ съ Новгородской рады отъ рѣчи Посполитой маетности (отъ Могилева въ полуторѣ миля) лежитъ, именуемое Полуковичи (Полыковичи), того ради сего дня мы окрестили и именовали Александровичи, гдѣ *во имя Господня позабавилися*..." (Журн. Русск. Архивъ, 1875 г., кн. 3, стр. 57).

[2]) Хрон. подъ 1708 г., рукоп., л. 75.

показалъ полную благосклонность къ нему и прямо выразилъ, что у него нѣтъ мысли о мести городу[1]), а также и на стараніе русскихъ полководцевъ и приближенныхъ Меньшикова убѣдить его не дѣлать зла городу, который всѣ средства свои тратитъ на ихъ содержаніе,— этотъ могущественнѣйшій сподвижникъ Великаго Петра, не разъ заслуживавшій своими дѣйствіями справедливый гнѣвъ его, не хотѣлъ оставить кровавыхъ замысловъ на Могилевъ и не переставалъ изыскивать къ тому способы[2]). Въ это-то время, когда надъ городомъ висѣла гроза кроваваго бѣдствія, Небесная Заступница и явила ему свою дивную помощь.

Не переставая питать въ сердцѣ своемъ злую мысль объ избіеніи города, могучій сподвижникъ великаго государя, пребывая въ Могилевѣ, ходилъ по обыкновенію своему на Богослуженіе въ церковь Братскаго монастыря. Здѣсь, стоя однажды предъ чудотворною иконою Божіей Матери, онъ обдумывалъ планъ своей мести; но Усердная Заступница всѣхъ скорбящихъ и обидимыхъ посрамила его жестокость. Въ тотъ моментъ, когда Меньшиковъ, можетъ быть, придумалъ самое ужасное и вѣрное средство мести, онъ вдругъ обомлѣлъ и упалъ. Устрашенный столь явнымъ внушеніемъ гнѣва Божія, онъ оставилъ всякую мысль о мести и, вмѣсто Братской церкви, сталъ послѣ этого случая ходить уже въ Спасскую [3]).

Такимъ образомъ помощію Пресвятой Богородицы, этимъ заступленіемъ своимъ видимо показавшей небесное покровительство свое городу, ужасное намѣреніе Меньшикова осталось безъ исполненія.

Князь Меньшиковъ оставилъ Могилевъ 19-го мая, выѣхавши изъ него съ тою же „важною помпою“, съ какою въѣхалъ. Рус-

---

[1]) См. примѣч. объ этомъ выше, въ предъид. №№ 5—6, ч. неоф., стр. 10.

[2]) Князь Шереметьевъ, напр., такъ убѣждалъ Меньшикова, когда этотъ однажды на пиру высказался ему о своемъ намѣреніи отомстить Могилеву: „полно, Александръ Даниловичъ, говорить, вѣдь на то война была, и наши сами были виноваты; смотри и нонче не мало ли нашихъ побито, да будемъ ли за это мстить? Во всемъ изволеніе Божіе! Плюнь на это и посмотри, какъ нонче городъ Могилевъ и насъ самихъ, и солдатъ драгунъ, и офицеровъ царскихъ хлѣбомъ и солью кормитъ, а бѣды никакой намъ не творитъ и мы имъ благодарны, то пусть себѣ здравствуютъ. Такимъ же образомъ, по замѣчанію лѣтописца, и другіе старшіе офицеры о намѣреніяхъ Меньшикова отозвались“. (Хрон., подъ 1708 г. 14 мар., рукоп. л. 75; ср. Зап. стр. LIV).

[3]) Хрон., подъ 1708 г. 14 мар., л. 75 об. и слѣд.; Зап., стр. LIV.

скіе полководцы, бывшіе въ Могилевѣ послѣ Меньшикова, намѣренно брали съ него какъ можно больше провіанта, чтобы ничего не осталось шведамъ. Московскія войска, по выраженію одного Могилевца того времени, „доѣли городъ до костей“ своими провіантными требованіями[1]). Но вскорѣ послѣ того, когда Могилевъ заняли шведскія войска, положеніе его еще болѣе ухудшилось; съ этого времени онъ сталъ испытывать такія отягощенія, какихъ въ немъ никогда еще не было.

7-го іюля того года со всею своею арміею, съ великимъ обозомъ и артилеріей прибылъ въ Могилевъ самъ шведскій король и расположился лагеремъ со всѣмъ своимъ войскомъ за городомъ, по правому берегу Днѣпра, на Буйницкомъ полѣ [2]). По прибытіи своемъ въ Могилевъ Карлъ немедленно отдалъ строгій приказъ магистрату, чтобы „войску его доставлено было всякое довольство“. Послѣ этого приказа городъ обложенъ былъ реквизиціею и, раздѣленный на 15-ть частей, обязанъ былъ съ каждой части ежедневно доставлять 12,500 фунтовъ печенаго хлѣба и 960 гарнцевъ пива. Отъ налога, кромѣ богадѣленъ никто не освобождался—ни ксендзы, ни священники, ни монахи. Жители стали терпѣть такія стѣсненія, что нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ удалились изъ города и оставили свои дома на произволъ шведамъ, которые, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, разбирали ихъ и возили къ себѣ въ лагерь на дрова. Послѣ выдачи семи порцій означеннаго количества хлѣба и пива съ каждой части города обѣднѣвшіе Могилевцы не въ состояніи были ежедневно платить положенное количество провіанта натурою; поэтому объявлено было, что вмѣсто провіанта они могутъ вносить деньги, считая каждый фунтъ хлѣба въ 9-ть ноговъ или грошей[3]).

---

[1]) Зап. стр. LIV.

[2]) Предоставивши лучшія квартиры города знатнѣйшимъ своимъ офицерамъ, самъ король во все время пребыванія своего въ Могилевѣ оставался въ лагерѣ. Въ городъ онъ ѣздилъ безъ всякой свиты съ однимъ изъ прислужниковъ. По описанію Трубницкаго, Карлъ былъ въ то время еще молодымъ человѣкомъ не болѣе 30 лѣтъ,—высокаго роста, тонокъ, съ продолговатымъ лицемъ, рябоватъ, съ большимъ носомъ, плечистъ, остриженъ подъ гребенку, съ чуприной и всегда въ одномъ костюмѣ: штаны и камзолъ лосиные, а верхнее платье суконное темно-синее, отороченное по краямъ галуномъ; ѣздилъ на неособенно щегольской лошади, запузданной мундштукомъ (Хрон., подъ 1708 г. 3 іюля, л. 84; срав. Зап. Вил. игумен. Ореста въ V т. Арх. сб., стр. 80).

[3]) Хрон., подъ 1708 г. 3 іюля, л. 80—82; Зап., стр. LVI и слѣд.

Между тѣмъ голодныя шведскія войска, получая недостаточное количество провіанта, въ первые же дни своего прибытія къ Могилеву взялись за грабежъ его окрестностей. Расположившись на берегу Днѣпра, въ пространствѣ между Могилевомъ и подгородными селомъ Буйничами, они заняли своимъ лагеремъ и монастырь Буйничскій. Разогнавши монаховъ и всѣхъ монастырскихъ служителей, они своевольно разграбили этотъ монастырь, разорили до основанія всѣ монастырскія строенія и, въ довершеніе погрома, разобрали древнюю деревянную монастырскую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы; дерево же, утварь и даже иконы этой церкви употребили на мосты черезъ болотистыя и топкія мѣста на лугахъ. Грабежъ шведской арміи могъ принять ужасающіе размѣры, но Премилосердый Богъ и Пресвятая Матерь Его не допустили до этого. Особое покровительство Божіе здѣсь снова чудеснымъ образомъ явлено было этому городу. Однажды шведскій король, объѣзжая съ своимъ штабомъ войско и форпосты, подъѣхалъ къ одному изъ мостовъ, устроенныхъ его воинами. Ѣхавшіе впереди офицеры безпрепятственно переѣхали этотъ мостъ, но королевская лошадь, не смотря на всѣ понужденія, не пошла черезъ него. Удивленный король, осмотрѣвши мостъ, увидѣлъ на немъ двѣ доски и приказалъ перевернуть ихъ; доски оказались иконами Спасителя и Божіей Матери, взятыми изъ разобранной монастырской церкви. Вмѣсто иконъ король приказалъ положить простыя доски; послѣ того лошадь его свободно пошла чрезъ мостъ. По изслѣдованіи этого дѣла, двухъ главныхъ виновниковъ, допустившихъ разореніе монастыря и поруганіе святыни, король приказалъ повѣсить, иконы же возвратить монастырю[1]). Такимъ образомъ чудесное вмѣшательство свыше прославило поруганную святыню и въ то же время оказало видимое заступленіе городу, такъ какъ обратило вниманіе шведскаго короля на поведеніе его воиновъ и тѣмъ удержало ихъ отъ дальнѣйшаго подобнаго грабежа, послѣ этого случая болѣе уже не повторявшагося въ Могилевѣ, хотя самъ Карлъ во время своей стоянки здѣсь, какъ увидимъ, не удержался отъ святотатства.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Могилевѣ шведской арміи городъ, кромѣ хлѣбнаго и пивнаго провіанта, обязанъ былъ

---

[1]) Хрон., подъ 1708 г. 3 іюля., л. 83; Зап. стр. LVII и слѣд.

вносить на содержаніе ея и денежную контрибуцію, которую онъ дѣйствительно и уплачивалъ, истощая послѣднее свое состояніе. Контрибуціи этой было внесено 9516 битыхъ талеровъ. Когда же этой суммы оказалось недостаточно, а между тѣмъ городъ до крайности истощился и мѣщане пришли въ убожество,—шведскій король принялъ безчеловѣчнѣйшія мѣры противъ зажиточнѣйшихъ гражданъ: ихъ сажали въ погреба и склепы, обнаженныхъ погружали въ холодную воду со льдомъ, подвѣшивали къ балкамъ подъ потолки и, подвергая разнымъ истязаніямъ, вымучили такими средствами еще 1133 битыхъ талера[1]).

Вскорѣ шведскій король прибѣгъ къ другой еще болѣе несправедливой мѣрѣ. Когда деньги, вытянутыя истязаніями, были израсходованы, припасы изсякли и добывать ихъ было не откуда, то онъ, изыскивая другія средства для продовольствованія своей арміи, обратилъ вниманіе на городскія церкви. Съ этою цѣлью Карлъ самъ осмотрѣлъ наиболѣе богатыя изъ нихъ; но мало видѣлъ цѣнныхъ вещей, такъ какъ все лучшее заранѣе скрыто было въ землѣ. Тогда услужливые жиды донесли ему, что въ церквахъ хранится значительное количество серебра, вслѣдствіе чего Карлъ отдалъ приказъ, чтобы немедленно выдано было изъ церквей серебряныхъ вещей на нѣсколько сотъ фунтовъ; въ противномъ случаѣ угрожалъ насильно разграбить церкви и сжечь городъ. Находясь въ рукахъ грознаго непріятеля, Могилевскіе мѣщане принуждены были уступить силѣ и выдать требуемое. Изъ Братской Богоявленской церкви выдана была тогда серебряная риза съ иконы Божіей Матери,—три меньшаго размѣра серебряныя ризы, шесть висячихъ паникадилъ, двѣ кадильницы и сто большихъ серебряныхъ таблицъ. Изъ Братской Богословской церкви—одна риза съ иконы Пресвятой Богородицы, стоявшей при клиросѣ, тридцать таблицъ и ломаное серебро въ разныхъ штукахъ—кубкахъ, бокалахъ,—которое собрано было на ризу Братской иконы Божіей Матери[2]). Изъ Николаевской церкви выдана серебряная риза съ образа святаго великомученика Димитрія, большая серебряная кадильница, четыре ви-

[1]) Хрон., подъ 1708 г. 3 іюля, л. 85 и об.; Зап., стр. LIX.

[2]) По Запискамъ иг. Ореста (стр. LIX) серебро это собрано было въ малой Братской церкви для ризы на икону Пресвятой Богородицы, стоявшей на Олейной брамѣ.

сѣнихъ паникадила и пятьдесятъ большихъ таблицъ. Также и изъ другихъ Могилевскихъ церквей взято было не малое количество серебряныхъ ризъ, паникадилъ, кадильницъ, крестовъ, таблицъ, привѣсокъ, чашъ, подсвѣчниковъ и другихъ серебряныхъ вещей. Все серебро, выданное шведскому королю, вѣсило 364 фунта или 9 пудъ и 4 фунта. Все оно немедленно перелито было на монету, которая чеканилась тогда въ шведскомъ лагерѣ[1]).

Пробывъ въ Могилевѣ съ войскомъ своимъ пять недѣль, Карлъ 14-го августа переправился черезъ Днѣпръ въ пригородную часть Могилева, на Луполовъ, и на слѣдующій день со всѣмъ войскомъ своимъ оставилъ Могилевъ. По выходѣ изъ Могилева Карлъ и въ другихъ мѣстахъ не щадилъ святынь, встрѣчавшихся ему на пути. Велика была милость для жителей Могилева, что онъ только ограбилъ ихъ церкви, а не разрушилъ до основанія; но въ другихъ мѣстахъ епархіи были примѣры и разрушенія святынь. Такъ, въ городѣ Черниковѣ, въ которомъ Карлъ былъ по выходѣ изъ Могилева, войска его сожгли Охорскій монастырь и поставили батареи на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла церковь[2]).

Ужасное время 1708 года, представлявшее собою, какъ мы видѣли, рядъ прогрессивно увеличивавшихся несчастій для Могилева, завершилось страшнымъ событіемъ въ немъ—грабежемъ и сожженіемъ его Московскими татарами. „Долготерпѣливый Богъ, говоритъ лѣтописецъ[3]), наказывая Могилевъ за тяжкія наши прегрѣшенія, допустилъ, чтобы городъ, ограбленный шведами, но остававшійся еще при строеніяхъ, храмахъ Господнихъ, торговыхъ лавкахъ,—въ одинъ день обратился въ прахъ и пепелъ“.

Указомъ царя Петра Алексѣевича повелѣно было Московскимъ полкамъ, татарскому и калмыцкому, выжечь городъ Могилевъ[4]). По

---

[1]) Орестъ, тамъ же, и Хрон., подъ 1708 г. 3 іюля, л. 86.

[2]) Могилев. Губ. Вѣд. 1846 г., № 27.

[3]) Хрон., подъ 1708 г. 8 сент., л. 90.

[4]) Полки татарскій и калмыцкій стояли тогда, въ качествѣ наблюдательнаго отряда, за Днѣпромъ въ Холмѣ и другихъ лѣсистыхъ мѣстахъ недалеко отъ города. По Зап. иг. Ореста (стр. LXI) царь Петръ Алексѣевичъ далъ такое повелѣніе этимъ полкамъ, будто бы, по той причинѣ, что „недоволенъ былъ Могилевскими жителями за то, что они провіанты и денежныя контрибуціи шведской арміи давали“. Слова эти едва ли вѣрны. Они не согласны ни съ полною благосклонностію, съ какою Петръ обыкновенно относился къ Могилеву (см., напр., въ тѣхъ же Запискахъ, подъ 1706 г., объ облегченіи этимъ царемъ жителей Мо-

царскому приказу въ 8-й день сентября злополучнаго 1708 года, утромъ, при восхожденіи солнца, полки татарскій и калмыцкій и Московскіе солдаты окружили городъ, заперли городскія ворота и ударили въ барабаны на тревогу. Жители, приведенные въ отчаяніе, вышли изъ города и умоляли войска о помилованіи, но едва могли упросить отсрочить гибель города хотя на одинъ часъ, чтобы тѣмъ временемъ, прежде чѣмъ зажжены будутъ дома ихъ, возможно было имъ хотя что-нибудь спасти изъ бѣднаго своего имущества. Въ те-

---

гилева въ разныхъ воинскихъ повинностяхъ, вслѣдствіе чего городъ имѣлъ „нѣкоторую отраду", а также—грамоты этого царя о льготахъ Могилеву въ 1709 г., №№ 50 и 51 въ Бѣлорусск. арх. древн. грам.), ни съ тою справедливостію, которую онъ такъ явно показалъ этому городу, прямо высказавшись, во время пребыванія своего въ немъ, что у него нѣтъ мести къ городу (см. выше стр. 6, прим. 2-е). Благосклонный и справедливый къ Могилеву, Великій Преобразователь Россіи и въ этомъ случаѣ не могъ быть несправедливымъ къ этому городу и несомнѣнно также далекъ былъ отъ мести къ нему, какъ и прежде, потому что хорошо зналъ, что горожане, давая провіантъ и деньги на шведскую армію, не могли противиться грозному непріятелю, въ рукахъ котораго была ихъ жизнь. Мѣстный историкъ Могилева г. Фурсовъ (см. Опис. Могил. губ., кн. 1, стр. 93), не соглашаясь съ приведеннымъ мнѣніемъ ист. Ореста, объясняетъ этотъ фактъ просто самовольнымъ дѣйствіемъ татаръ и калмыковъ, которые, побуждаемые, какъ и всѣ степные народы, хищническими наклонностями, воспользовались беззащитнымъ положеніемъ города и, ворвавшись въ него, зажгли съ цѣлію грабежа. Вѣрнѣе полагать, что приказъ этотъ дѣйствительно данъ былъ Петромъ Великимъ, который рѣшился пожертвовать Могилевомъ въ тѣхъ видахъ, чтобы Карлъ, продержавшійся въ этомъ городѣ со всею арміею пять недѣль, болѣе уже не могъ воспользоваться этимъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Уничтожить Могилевъ и тѣмъ отнять у Карла всякіе расчеты на этотъ городъ—русскіе считали необходимымъ еще и раньше того. Подъ тѣмъ же 1708 г., іюля 3 дня, слѣдовательно за 4 дня до вступленія Карла въ Могилевъ, лѣтописцемъ отмѣчено: „въ это время Москвитяне хотѣли выжечь городъ, но значительными подарками такое предположеніе устранено. Гибельное это намѣреніе имѣлъ генералъ-адъютантъ Шилингъ (см. Хрон. подъ указан. годомъ, л. 78-й). Такимъ образомъ не только русскій царь, но и полководцы его считали Могилевъ важною опорою для непріятеля и потому естественно желали лишить его этой опоры, жертвуя городомъ по необходимости. По этой же причинѣ русскими войсками въ томъ же году и мѣсяцѣ подъ командою одного и того же лица преданы были пламени и другіе города Бѣлоруссіи не подалеку отъ Могилева. Въ лѣтописи г. Витебска, перев. съ польскаго, читаемъ: „Въ лѣто 1708. Капитанъ Salawow (Соловьевъ?) съ 5000 конныхъ казаковъ и калмыковъ, мѣсяца сентября 28 дня, выжегъ цѣлый Витебскъ... Этотъ же злодѣй съ злодѣями казаками выжегъ передъ тѣмъ Могилевъ, Быховъ, Дубровну, Оршу и Кадинъ, не пощадивъ ни господскихъ дворовъ и никого" (см. Вит. стар. т. 1, IX, стр. 466). Города эти несомнѣнно выжжены были по приказу Петра. О Витебскѣ такъ же, какъ о Могилевѣ, прямо засвидѣтель-

ченіе этого часа возлѣ ратуши стоялъ караулъ изъ татаръ и калмыковъ, ожидая пока городскія книги и важнѣйшій архивъ не вынесены были изъ нея въ склепъ; прочее же татарское воинство устремилось въ это время отбивать запоры и грабить церкви и купеческія лавки, искать деньги по домамъ и на улицахъ сдирать одежду съ гражданъ. Послѣ того зажгли городъ. Когда загорѣлись замокъ, ратуша, запылали съ своими колокольнями церкви Спасская, Братская и Воскресенская, костелы іезуитскій и фарный, купеческія лавки и другія городскія строенія, то калмыки и татары бросились на городскія предмѣстья, которыя также зажгли, предварительно ограбивъ лучшіе дома. Изъ церквей предмѣстій они напали на Николаевскую, ворвались въ нее, разбили мѣщанскіе сундуки, поставленные въ этой церкви отъ пожара, и, ограбивши, зажгли ее. Когда огонь распространился по городу, нѣкоторые изъ мѣщанъ, въ довершеніе ужаса и смятенія жителей, отъ страха закричали: „Москва вырѣзываетъ городъ!“ Услышавши такой крикъ, горожане подумали, что и въ самомъ дѣлѣ татары и солдаты, по повелѣнію русскаго Государя, начали уже рубить всѣхъ жителей; поэтому, оставивъ въ пламени дома свои, схвативши малыхъ дѣтей, убѣгали изъ города въ лѣса, овраги, въ Буйничи, въ деревню Котушъ и куда кто могъ. Въ суетѣ и страхѣ мужъ не зналъ о женѣ, гдѣ находится, а жена о мужѣ[1]). Лѣтописецъ города Трубицкій всю силу душевнаго состоянія въ то время Могилевцевъ и картину этого событія изображаетъ въ слѣдующихъ словахъ: „...Не одинъ тогда изъ обитателей города, въ ужасѣ восклицалъ слова Апокалипсиса: „горы, падите на насъ, кто стерпитъ день гнѣва Господня!“ Въ такомъ положеніи народъ набожно и съ окаменѣвшимъ сердцемъ изливалъ послѣднюю слезу, видя пылающіе храмы Божіи и украшающіе ихъ кресты, отъ пожара склоняющіеся внизъ и падающіе на землю; дорого стоившіе церковные куполы горятъ, а оторванные отъ нихъ вѣтромъ желѣзные листы, какъ птицы, летаютъ въ воздухѣ; колокола сами звонятъ, а частные хозяйскіе дома безъ всякой обороны обращаются въ пепелъ. Всю эту страшную тревогу, любезный читатель, и описать невозможно. Устрой, Господи,

---

ствовано, что „лѣта 1708 *царь Петръ Алексѣевичъ выжегъ* городъ Витебскъ мѣсяца сентября“ (тамъ же, стр. 467).

[1]) Хрон., подъ 1708 г. 8 сент., л. 90; Зап., стр. LXI.

не испытывать намъ подобной кары до суднаго дня![1])“ Тѣмъ не менѣе городъ подвергался опасности испытать несчастіе еще болѣе страшное. „Къ сему припоминаю, замѣчаетъ лѣтописецъ, что послѣ сего происшествія было извѣстіе, что ежели бы мѣщане присланнымъ для сожженія города калмыкамъ татарамъ и москвитамъ, хотя немного воспротивились или стали вооруженно обороняться, то за двѣ мили отъ города стоявшіе нѣсколько полковъ имѣли указъ, за полученіемъ извѣщенія о сопротивленіи, мечемъ и огнемъ совершенно истребить городъ, *но Богъ отъ меча городъ охранилъ*“[2]).

Пожаръ этотъ уничтожилъ почти весь городъ; пламя до такой степени было сильно, что многіе колокола церквей расплавились. Огонь до основанія истребилъ деревянную каѳедральную церковь Св. Спаса, на постройку которой дерево съ давнихъ поръ доставлялось изъ лѣсовъ съ Гвоздевки, въ то время еще не населенной; большіе благозвучные колокола этой церкви расплавились. Сгорѣла также до основанія деревянная церковь Ближне-Воскресенская и колокола ея расплавились[3]). Въ Братской церкви обгорѣли верхъ и позлащенные куполы; внутри ея алтарь стараніемъ народа сохраненъ въ цѣлости. На колокольнѣ Братской часы и колодки колоколовъ сгорѣли, самые же колокола, ставши на окнахъ, уцѣлѣли. Куполы Николаевской церкви также обгорѣли; внутри ея выгорѣли двери и стали было горѣть лавки, но народъ разломалъ ихъ и тѣмъ спасъ отъ огня иконостасъ. У колоколовъ этой церкви сгорѣли только колодки, но большой колоколъ, опершись на свое било, далъ трещину. Такъ какъ прихожане Николаевской церкви помѣстили въ нее отъ огня часть своего имущества, то послѣ пожара она постоянно наполнена была народомъ, особенно женщинами, которыя, отыскивая свои вещи, разграбленныя и разбросанныя здѣсь татарами, ходили по церкви и алтарю; вслѣдствіе этого двѣ недѣли не совершалось здѣсь Богослуженія и церковь потребовалось вновь освятить. Прочія церкви, какъ-то: Дальне-Воскресенская, Ильинская[4]), Успенская, Кре-

---

[1]) Хрон., подъ тѣмъ же годомъ, л. 91 и обор.

[2]) Тамъ же, л. 97.

[3]) Она построена была на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время стоятъ дома Каптелева и Савицкаго (прим. переводчика въ хроникѣ Трубн., на об. л. 91; въ печат. изд. Хроники стр. 68, прим.).

[4]) Церкви эти были деревянныя. Изъ нихъ первая стояла на мѣстѣ нынѣшняго Іосифскаго собора, вторая—недалеко отъ Успенской церкви, почти на са-

стовоздвиженская, Покровская и двѣ Луполовскія остались невредимыми. Послѣднія двѣ не пострадали по той причинѣ, что Луполова въ то время миновало это несчастіе, такъ какъ моста на Днѣпрѣ тогда не было, а паромъ и лодки Луполовцы заранѣе спустили внизъ по Днѣпру, и татары, поэтому, не могли переѣхать къ нимъ съ городской стороны, чтобы зажечь ихъ предместье[1]). Въ прочихъ частяхъ города дома и строенія до того были опустошены пожаромъ, что многіе Могилевскіе мѣщане, доведенные до крайней бѣдности, совсѣмъ послѣ этого пожара оставили Могилевъ, переселившись изъ него въ другіе города и мѣстечки Бѣлоруссіи, а нѣкоторые и въ Малороссію.

Въ числѣ Могилевскихъ святынь, истребленныхъ пожаромъ, сгорѣла икона Божіей Матери, съ давнихъ поръ стоявшая на Олейной брамѣ[2]). Икона эта была весьма почитаема набожными Могилевцами, считавшими ее чудотворною, и потому лишеніе ея для нихъ было особенно горестно. Но вскорѣ послѣ пожара для брамы этой Могилевскимъ мѣщаниномъ Мирономъ Пигаревичемъ, вмѣсто сгорѣвшей, написана была другая икона Божіей Матери—копія съ первой и въ такихъ же большихъ размѣрахъ, какъ и сгорѣвшая. Вновь написанная икона несена была съ крестнымъ ходомъ, при колокольномъ звонѣ по всѣмъ церквамъ, въ сопровожденіи многочисленнѣйшаго собранія горожанъ, и съ величайшимъ благоговѣніемъ поставлена на Олейной брамѣ. Духовенство при этомъ служило молебны и говорило проповѣди. Народъ, молясь предъ иконою, горько плакалъ и, вспоминая недавно испытанныя имъ величайшія несчастія, просилъ премилосердную Заступницу защитить

момъ берегу Днѣпра (см. планъ гор. Могилева, приложен. къ рукоп. Хроникѣ Трубницкаго переводчикомъ ея П. Г. Гортынскимъ; въ печатномъ изданіи Хроники этого плана нѣтъ). Церковь Ильинская упразднена была въ 1832 г., при архіеп. Могилевскомъ Гавріилѣ, по малочисленности прихожанъ (Зап. Ореста. стр. XCIX).

[1]) Хрон., подъ 1708 г. 8 сент., л. 91 и 92; Зап. стр. LXII.

[2]) Каменныя ворота, построенныя въ царствованіе короля Владислава IV и служившія для схода съ горы къ еврейскому школьницу (Хрон. подъ 1646 г., л. 18.). Они стояли на нижней сторонѣ вала, недалеко отъ Ратуши, при углѣ зданія нынѣшняго Губернскаго Правленія, гдѣ теперь съѣздъ къ рѣкѣ и устроены были съ подваломъ для храненія городскаго пороха и пуль. Олейными ворота эти назывались потому, что возлѣ нихъ продавались съѣстные припасы и преимущественно постное масло, по мѣстному названію, *олей* или *алей* (Гортынскій, Прилож. къ

городъ на будущее время отъ бѣдствій, подобныхъ бывшимъ. Образъ этотъ стоялъ на Олейной брамѣ болѣе 50-ти лѣтъ и потомъ, по волѣ Могилевскаго архіепископа Георгія Конисскаго, перенесенъ былъ во вновь построенную каменную Спасскую церковь, гдѣ и теперь стоитъ въ серебряной ризѣ на правой сторонѣ при столбѣ[1]).

Въ описанное смутное и тяжелое для Могилева и всей Бѣлоруссіи военное время новопосвященный Могилевскій епископъ Сильвестръ два раза пріѣзжалъ въ Могилевъ на свою епархію, но такъ какъ положеніе города и всей страны постепенно ухудшалось вслѣдствіе войны, то онъ два раза принужденъ былъ возвращаться изъ Могилева на родину свою въ г. Четвертинъ. Въ первый разъ преосвященный Сильвестръ прибылъ въ Могилевъ въ сентябрѣ 1707 года. Граждане и цѣхи встрѣтили своего архипастыря съ цѣховыми знаменами, а духовенство, въ облаченіи, съ церковными хоругвями и колокольнымъ звономъ въ всѣхъ градскихъ церквахъ. Магистратъ ѣздилъ къ нему для поднесенія подарка. При всемъ томъ встрѣча эта по причинѣ военнаго времени была „не очень великолѣпна“, какъ замѣчаетъ лѣтописецъ, т. е. не отличалась такою церемоніальностію, съ какою встрѣченъ былъ въ Могилевѣ предмѣстникъ Сильвестра, Серапіонъ Полховскій[2]). Пробывши въ Могилевѣ около трехъ мѣсяцевъ, преосвященный Сильвестръ, въ началѣ слѣдующаго 1708 года, вслѣдствіе „большихъ военныхъ замѣшательствъ, выѣхалъ изъ него обратно въ наслѣдственныя владѣнія свои, въ Четвертинъ. Въ 6-й день марта того года онъ снова посѣтилъ Могилевъ и остановился въ домѣ загородной архіерейской дачи, Печерскѣ. Члены Могилевскаго магистрата, извѣстясь о пріѣздѣ его преосвященства, и

Хрон., л. 9; по печатному изд. стр. 99). Когда именно и кѣмъ поставлена была на нихъ сгорѣвшая икона Божіей Матери—неизвѣстно.

[1]) Хрон., подъ 1708 г. 28 сент., л. 97; Зап., стр. LXIV. Вмѣсто сгорѣвшей Спасской церкви, въ январѣ 1709 года построена была на ея мѣстѣ изъ байдачныхъ досокъ новая, по выраженію игумена Ореста, „очень безобразная“. Чрезъ нѣсколько лѣтъ она была расширена такими же досками, тѣмъ не менѣе была тѣсна и построена весьма непрочно, такъ какъ вся держалась на подпоркахъ, угрожая своимъ паденіемъ во время сильныхъ вѣтровъ. Вслѣдствіе этого въ церкви Спасской, хотя и считалась она каѳедральною, архіерей, за тѣснотою и опасностію, не совершали Богослуженія, а вмѣсто нея служили въ Братской церкви. Построенная на малое время, Спасская церковь существовала въ такомъ состояніи 32 года—до 1740 года, когда на мѣстѣ ея заложена была каменная, нынѣшняя Спасо-Преображенская церковь (Хрон., подъ 1709 г., л. 98; Зап., стр. LXV).

[2]) Хрон. подъ 1707 г. и стр. 221 въ арх. сб., т. 5-й.

на этотъ разъ ѣздили къ нему для выраженія должнаго почтенія, какъ своему архипастырю. Въ этотъ пріѣздъ Сильвестръ пробылъ въ своей паствѣ всего одну недѣлю, и 13-го марта, наканунѣ въѣзда въ Могилевъ князя Меньшикова, по причинѣ наступившаго здѣсь еще болѣе тревожнаго военнаго времени, въ другой разъ принужденъ былъ отъѣхать изъ Могилева въ Четвертинъ[1]). Неизвѣстно, когда именно преосвященный Сильвестръ, послѣ этого отъѣзда, въ третій разъ прибылъ въ Могилевъ уже на постоянное свое пребываніе здѣсь. Надо полагать, что третій пріѣздъ въ епархію, послѣ котораго началось постоянное жительство его въ Могилевѣ и непрерывное управленіе своею епархіею, состоялся уже по прошествіи тяжкихъ бѣдствій Сѣверной войны, испытанныхъ его паствою, т. е. въ концѣ того же 1708, или въ началѣ слѣдующаго 1709 года, когда война эта изъ Бѣлоруссіи направилась на югъ, въ Малороссію. Такимъ образомъ преосвященный Сильвестръ Четвертинскій, рукоположенный въ санъ епископа въ 1707 г., около двухъ лѣтъ, по причинѣ военныхъ дѣйствій въ Бѣлоруссіи, не могъ начать постояннаго жительства своего въ Могилевѣ и вступить въ дѣйствительное и непрерывное управленіе своею епархіею.

Сохранились свѣдѣнія, что преосвященный Сильвестръ въ теченіе этого промежутка времени пребывалъ не только на родинѣ своей, въ Четвертинѣ, но и въ другихъ мѣстахъ, напр., въ г. Слуцкѣ, который онъ посѣтилъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Предмѣстникъ Сильвестра, преосвященный Серапіонъ Полховскій, сдѣлавшись епископомъ Бѣлорусскимъ, удержалъ за собою право управленія Слуцкими монастырями и православными приходами, которыми завѣдывалъ прежде по должности Кіевскаго митрополичьяго намѣстника. Это право Серапіона дало поводъ къ весьма важнымъ и вреднымъ пререканіямъ между преемникомъ его, епископомъ Сильвестромъ, и Кіевскимъ митрополитомъ, Іоасафомъ Кроковскимъ. При посвященіи Сильвестра въ Бѣлорусскіе епископы митрополитъ Варлаамъ въ обѣтъ, подписанный Сильвестромъ, включилъ обязательство, чтобы этотъ послѣдній не распространялъ своей власти за предѣлы Бѣлорусской епархіи[2]). Чрезъ нѣсколько времени послѣ хиро-

[1]) Зап., стр. L—LII; ср. Хрон. подъ 1708 г., мартъ.

[2]) Изъ очерка исторіи Западно-Русс. Цер., Чистовича, ч. II, стр. 189, видно, что Сильвестръ посвященъ былъ во епископа Могилевскаго Кіевскимъ мит-

тоніи своей случилось Сильвестру быть въ Слуцкѣ. Съ пріѣздомъ его сюда пошли здѣсь разногласія и споры въ средѣ православнаго духовенства, въ которые увлеченъ былъ и Сильвестръ. Одна часть желала признать надъ собою власть Бѣлорусскаго епископа, другая же, во главѣ съ преемникомъ Полховскаго по званію Слуцкаго архимандрита, Іоасафомъ Лапецкимъ, отстаивала подчиненіе Кіевскому митрополиту. Лапецкому не хотѣлось упустить изъ рукъ своихъ власть. Горячность съ обѣихъ сторонъ довела споръ до ожесточенной борьбы. Сильвестръ сталъ рукополагать священниковъ въ Слуцкѣ и раздавать духовныя должности; архимандритъ, а вслѣдъ за нимъ и митрополитъ, протестовали въ окружныхъ грамотахъ, объявляли распоряженія Сильвестра недѣйствительными и предавали анаѳемѣ духовныхъ, признавшихъ надъ собою его власть. Сильвестръ объявилъ Лапецкаго низложеннымъ и назначилъ на его мѣсто другаго архимандрита. Протесты, пререканія и отлученія посыпались съ обѣихъ сторонъ. Митрополитъ жаловался русскому посланнику въ Варшавѣ; Лапецкій искалъ защиты у владѣльца Слуцка, князя Нейбургскаго и у его управляющихъ. Послѣдніе приняли сторону Лапецкаго и стали изгонять ставленниковъ Сильвестра. Съ этого времени споръ изъ-за церковной власти въ Слуцкѣ продолжался около 20 лѣтъ и имѣлъ весьма вредныя послѣдствія, такъ какъ уніаты и католики, пользуясь этою смутою въ православной церкви, завладѣли почти всѣми монастырями и церквами въ спорной области[1]). Въ теченіе столь продолжительнаго времени Сильвестръ, не обращая вниманія на протестующія грамоты митрополита, владѣтельныхъ князей Слуцка и даже самаго короля, настойчиво старался удержать за собою

рополитомъ Іоасафомъ Кроковскимъ. Но этотъ послѣдній былъ избранъ въ митрополиты Кіевскіе изъ архимандритовъ Кіево-Печерскихъ 19 октября 1707 г., на митрополію же посвященъ былъ 15 августа 1708 года въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ экзархомъ Стефаномъ, блюстителемъ патріаршаго престола (Истор. Малой Россіи, ч. III, стр. 256. Москва 1830 г.). Поэтому необходимо признать, что Сильвестръ, пріѣзжавшій въ Могилевъ въ сентябрѣ 1707 г. и въ мартѣ 1708 г. уже въ санѣ епископа, не могъ быть посвященнымъ отъ Іоасафа, а принялъ епископскій санъ отъ предмѣстника его, митрополита Варлаама Ясинскаго, въ началѣ или половинѣ 1707 года, къ которому относитъ посвященіе Сильвестра архіепископъ Георгій Конисскій въ своемъ краткомъ очеркѣ Бѣлорусской іерархіи (См. Соч. Георгія Конисск., часть II, стр. 202, изд. прот. Григоровича).

[1]) См. Оч. Исторіи Западно-Русск. Церкви, Чистовича, ч. II, стр. 189 и дал., съ ссылкою на Арх. Юго-Зап. Р., ч. I, т. IV, предъ стр. 72 и №№ 124, 136, 169, 173—175, 186 и 187.

управленіе Слуцкими монастырями и церквами, считая себя законнымъ наслѣдникомъ верховной власти надъ ними, которою пользовались предмѣстники его, епископы Могилевскіе, Ѳеодосій Василевичъ и Серапіонъ Полховскій[1]).

Это прискорбное событіе въ исторіи Западно-Русской церкви, характеризующее съ невыгодной стороны главныхъ участниковъ въ немъ, засвидѣтельствовано также сохранившимся до нашего времени письмомъ, отъ ноября 1707 года, Слуцкаго Братства къ Могилевскому Братству съ жалобнымъ сѣтованіемъ на смуты въ православномъ духовенствѣ и на притѣсненія Бѣлорусскаго епископа. Письмо это въ неприглядномъ свѣтѣ изображаетъ дѣйствія Сильвестра, допущенныя имъ, быть можетъ, отъ той крайней возбужденности, которая съ первыхъ же дней его пріѣзда въ Слуцкъ охватила здѣсь обѣ враждующія стороны. Для характеристики времени и виновника этого письма приводимъ здѣсь этотъ историческій документъ: „Благородные милостивые господа, ставропигіальное Могилевское Братство, наши весьма милостивые господа и братья. Удивительныя дѣла творятся на свѣтѣ, когда въ самомъ даже православномъ нашемъ духовенствѣ нѣтъ надлежащаго согласія. Это—язва для мірянъ, а стыдъ и срамъ предъ иновѣрцами. Кто долженъ бы служить примѣромъ благочинія, тотъ ввелъ въ соблазнъ не одну тысячу людей. Не входя въ подробное описаніе и изложеніе этого предмета, извѣщаемъ теперь только о важномъ дѣлѣ, именно о гибели ставропигіальныхъ братствъ. Епископъ Бѣлорусскій, прибывши нѣсколько недѣль тому назадъ въ Слуцкъ, не любовію, но нуждою старается насильственнымъ образомъ подчинить себѣ наше, не подвѣдомственное ему, ставропигіальное братство (первое въ Литвѣ: на него излилъ онъ первый свой гнѣвъ). По прибытіи своемъ въ Слуцкъ онъ наложилъ прежде всего, на третій день по пріѣздѣ, на насъ запретъ. Потомъ присылалъ трижды, безъ всякаго законнаго основа-

[1]) Митрополитъ Кіевскій Іоасафъ Кроковскій предписывалъ, напр., въ 1709 г., чтобы Слуцкое духовенство признавало себя зависящимъ отъ него, а не отъ Бѣлорусскаго епископа. Владѣтель Слуцка, князь Карлъ Филиппъ Радзивиллъ, 1709 и 1717 гг. предписывалъ, чтобы архимандрія и капитулъ Слуцкіе со всѣмъ духовенствомъ по прежнему зависѣли отъ митрополита Кіевскаго, а не отъ епископа Бѣлорусскаго. Польскій король Августъ II грамотою своею 1718 г. освобождалъ архимандрію Слуцкую и ея имѣнія отъ подчиненія епископу Бѣлорусскому Сильвестру Четвертинскому (Истор.-стат. опис. Минской еп., стр. 115—116).

нія, въ монастырь, нами основанный, духовныхъ лицъ, забралъ драгоцѣнности нашихъ отцовъ и другое движимое имущество, разогналъ нашихъ иноковъ и привелъ въ совершенное запустѣніе братскую церковь, первую въ городѣ Слуцкѣ, такъ что въ ней уже болѣе трехъ недѣль не совершается богослуженія. А все это сдѣлано имъ особенно потому, что наше братство, пользующееся правами, данными святыми патріархами, преосвященными митрополитами и свѣтскою властію, августѣйшими королями и князьями, изъято изъ подъ власти епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и намѣстниковъ митрополичьихъ; что мы не ходили къ нему на поклоненія въ частные дома, гдѣ онъ остановился, и что мы не подчинились незаконной власти его преосвященства. Наконецъ предалъ онъ наше братство ничѣмъ не заслуженному проклятію, опубликованному въ церкви женскаго монастыря въ заговѣнье передъ Филипповымъ постомъ, и такимъ образомъ вмѣшался въ чужую епархію, вопреки канонамъ Св. Отцевъ. О чемъ расположенные къ вамъ, увѣдомляя васъ, нашихъ весьма милостивыхъ господъ, мы сами рѣшились во всемъ дальнѣйшемъ стоять твердо за свои права и поддерживать ихъ. Кончаемъ сіе наше горестное изліяніе тѣмъ, что остаемся навсегда вашими доброжелательными и нижайшими слугами. Слуцкое Свято-Спасское ставропигіальное братство, находящееся подъ благословеніемъ святыхъ православныхъ патріарховъ. Ноября 1707 года въ Слуцкѣ[1])". Хотя письмо это и принадлежитъ партіи противной Сильвестру, слѣдовательно способной преувеличить дѣйствія своего противника, тѣмъ не менѣе, сопоставляя его съ вышеприведенными свѣдѣніями о церковныхъ смутахъ въ Слуцкѣ, возбужденныхъ пріѣздомъ туда Сильвестра, едва ли будетъ справедливо считать этотъ документъ много преувеличивающимъ дѣло. Какъ бы то ни было, письмо это и вышеприведенныя свѣдѣнія о пребываніи Сильвестра въ Слуцкѣ во всякомъ случаѣ указываютъ на то, что и онъ при всей своей ревности къ православію, по извинительнымъ однакоже причинамъ, которыя мы укажемъ ниже, не чуждъ былъ недостатковъ своего времени, въ существѣ дѣла все-таки не мало вредившихъ общимъ для всѣхъ интересамъ православной Церкви въ ту бѣдственную эпоху ея въ Западно-Русскомъ краѣ.

---

[1]) Виленъ. Археогр. Сборн. докум., т. 2-й 1867 г., № 64, стр. 93—95.

Исторія свидѣтельствуетъ и о другихъ подобныхъ дѣйствіяхъ Сильвестра въ мѣстахъ, не принадлежащихъ его управленію. Въ послѣдніе годы своего епископствованія въ Могилевѣ онъ показалъ себя въ такомъ родѣ, посѣтивши Полоцкій Богоявленскій монастырь, который издавна находился подъ особымъ покровительствомъ Московскихъ патріарховъ, Св. Синода и Кіевскихъ митрополитовъ[1]). Посѣщеніе это вызвало, вѣроятно, небезпристрастный доносъ въ Св. Синодъ отъ братіи Полоцкаго Богоявленскаго монастыря на самоуправство Могилевскаго епископа. Въ отвѣтъ на это, Св. Синодъ въ 1725 году отправилъ къ Сильвестру такое посланіе: „Радуемся духовно о вашемъ благочестіи, въ которомъ Бѣлорусская епархія въ томъ же съ великороссійскою и всею восточною церковію соединеніи непоколебимо пребываетъ. О семъ радуемся яко о общемъ нашемъ и вашемъ спасеніи. Не безпечальни же есьмы, слышаще о другихъ дѣлахъ твоихъ неприличныхъ православному епископу, а именно будто ты, господинъ епископъ, не по Бозѣ и не по доброй совѣсти, но по властолюбію православные монастыри, не подлежащіе твоей власти, вооруженною силою наѣзжая, подъ власть свою подбиваешь, и по сребролюбію своему грабишь, противящихся озлобляешь и убиваешь, и своего, похищеннаго тобою, просящихъ предаешь анаѳемѣ и прочая и прочая. Аще убо помянутое непотребная дѣла въ тебѣ обрѣтаются, господинъ епископъ, престани, по доброжелательному нашему совѣту, оными славитися себѣ на безчестіе; не простирай насильно власти твоея за предѣлы епархіи твоея, въ монастыри подлежащіе Кіевской каѳедрѣ; похищенное тобою возврати Полоцкому Богоявленскому монастырю по реестру, при семъ написанному, и къ клятвѣ не буди скоръ[2])." Изъ словъ посланія: „не простирай насильно власти твоея въ монастыри, подлежащіе Кіевской каѳедрѣ", слѣдуетъ, что Полоцкій Богоявленскій монастырь находился въ то время подъ непосредственнымъ управленіемъ Кіевскаго митрополита, зависѣвшаго отъ Св. Синода. Такимъ образомъ и въ этомъ случаѣ, какъ и въ дѣлѣ о Слуцкомъ монастырѣ, Сильвестръ является, хотя быть можетъ и не намѣренно, нарушителемъ правъ Кіевскаго митрополита. Но въ слѣдующемъ

---

[1]) См. Бѣлорус. арх. древ. грамотъ, грам. патр. Никона № 39 и ссылку на грамоты другихъ іерарховъ, тамъ же, стр. III-я.

[2]) Исторія Россіи, Соловьева, т. XIX, стр. 36.

1726 году Сильвестръ, по новому недоразумѣнію, является непосредственно нарушителемъ правъ и самаго Св. Синода. Въ этомъ году намѣстникъ Виленскаго Свято-Духовскаго монастыря Евѳимій Власевичъ, отправилъ въ Синодъ съ проповѣдникомъ Іоасафомъ Швабовскимъ челобитную, въ которой, прописывая обиды, чинимыя монастырю разными лицами, жаловался также и на Бѣлорусскаго епископа, отнимающаго въ свою епархію Друйскій монастырь, подчиненный Виленскому, находившемуся съ 1722 года въ ставропигіонѣ Св. Синода[1]).

Факты этого рода, свидѣтельствующіе о стремленіи тѣхъ или другихъ епископовъ распространить свою власть на мѣста, не подлежащія ихъ вѣдѣнію, не были тогда рѣдкостію въ Западно-Русскомъ краѣ. Возможность ихъ въ то время объясняется, главнымъ образомъ, ненормальнымъ положеніемъ высшей церковной власти—митрополичьей и патріаршей, а впослѣдствіи синодальной—въ православныхъ монастыряхъ и церквахъ Польши за Днѣпромъ, такъ называемыхъ, „зарубежныхъ“, гдѣ власть эта по дальности разстоянія отъ центра своего была чисто номинальною[2]). Сами монастыри „зарубежные“, какъ митро-

---

[1]) Чистовичъ, Оч. Ист. З.-Р.-Ц., II, стр. 162 и 176.

[2]) Въ Могилевской или (какъ наиболѣе она называлась тогда) Бѣлорусской епархіи непосредственному вѣдѣнію Кіевскаго митрополита принадлежали въ то время монастыри: *Мстиславскій—Тупичевскій, Оршанскіе—Лутенскіе, Соломирецкій Мазоловскій, Барколабовскій* и даже *Буйницкій*—возлѣ самаго Могилева, такъ что, не смотря на безпорядки, которые за дальностію митрополичьей власти нерѣдко, къ немалому соблазну, въ этихъ монастыряхъ происходили, Могилевскій епископъ не долженъ былъ входить „ни въ какія дѣла, до оныхъ монастырей касающіяся. Впрочемъ архіерей Бѣлорусскій,“ говорится, напр. въ грамотѣ, отъ 1710 г., экзарха Стефана (Яворскаго), подтверждающей права митрополитовъ на эти монастыри, „да рукополагаетъ, если настоятели монастырей, по уваженію отдаленности отъ Кіева, будутъ о томъ его просить“ (Бѣлорус. арх. др. гр., № 53, стр. 134). Вообще въ то время географическія границы непосредственнаго завѣдыванія высшей церковной власти не только митрополичьей, патріаршей, или синодальной, но даже и епархіальной, были иногда крайне неправильны. Епархія Бѣлорусская въ этомъ отношеніи особенно выдавалась. Епископу ея, не имѣвшему права входить ни въ какія дѣла монастырей, ближайшихъ къ мѣсту его каѳедры, вслѣдствіе непосредственнаго подчиненія ихъ другой церковной власти, въ тоже время подвѣдомственны были монастыри болѣе и даже очень отдаленные отъ постояннаго мѣстожительства его, каковы: *Витебскій Марковъ* по подалеку отъ Витебска (по Оч. Ист. З.—Р. Ц., Чистовича, II, 247, примѣч., монастырь этотъ былъ внѣ управленія Бѣлорусскаго епископа, но въ Исторіи Россійской Іерархіи, Амвросія, ч. V, стр. 48—причисляется къ Бѣлорусской епархіи), *Невельскій* (въ 3-хъ в. отъ г. Невеля), *Дисненскій* (надъ р. Двиною въ Минскомъ воеводствѣ), *Борисовскій* (въ предмѣстьѣ г. Борисова Минскаго воев.) и даже *Якобштадтскій*, въ

поличьи, такъ и патріаршіе нерѣдко въ дѣлахъ своихъ, за отдаленностію отъ своей, обращались къ чужой, ближайшей къ нимъ, церковной власти и тѣмъ самымъ давали этой послѣдней поводъ вмѣшиваться въ ихъ управленіе[1]).

Когда военныя дѣйствія въ Бѣлоруссіи прекратились и Сильвестръ, пользуясь наступившимъ спокойствіемъ, прибылъ въ Могилевъ на постоянное жительство для управленія своею епархіею, то пришлось ему здѣсь во все время епископства, до самой смерти своей, испытать вмѣстѣ съ паствою своею жестокое преслѣдованіе и множество бѣдъ отъ фанатизма католиковъ и уніатовъ.

Гоненія на православныхъ Бѣлоруссіи начались вскорѣ по окончаніи Сѣверной войны, на время отвлекшей католиковъ отъ дѣлъ вѣры. Съ наступленіемъ послѣ этой войны мирнаго времени, вслѣдъ за тяжкими политическими несчастіями постигаютъ, по неисповѣдимымъ путямъ Промысла, многострадальную Бѣлорусскую страну бѣдствія религіозныя, возникающія здѣсь въ это время съ силою гораздо большею, чѣмъ прежде. Усиленіе этихъ бѣдствій въ Бѣлоруссіи было слѣдствіемъ того обстоятельства, что вообще съ конца XVII в. послѣ, такъ называемаго, договора вѣчнаго мира въ рус-

г. Якобштадтъ Курляндскаго герцогства [Чист., Оч. Ист. З.-Р. Ц., II, 247—254.]

[1]) Примѣръ этому представляетъ тотъ же Полоцкій Богоявленскій монастырь, который, нуждаясь въ подтвержденіи своего права посылать для отправленія Богослуженія монаховъ своихъ въ шведскій городъ Ригу, обращался съ просьбою объ этомъ къ еп. Бѣлорусскому Веодосію Василевичу, къ администратору Бѣлорусской епископіи игумену Сильвестру Волчанскому, къ епископу Бѣлорусскому Серапіону Полховскому, каковое право и было подтверждено отъ Волчанскаго, видѣвшаго, „привилейный листъ“ на это еп. Василевича и „склонившагося на слушную и пристойную просьбу велебныхъ отцовъ монастыря Полоцкаго“,—грамотою отъ 8 іюля 1686 г. (Бѣлор. арх. др. грам., № 45) и отъ Полховскаго—грамотою 1699 г. на имя „приспѣвшаго (для этой цѣли) въ каѳедру епископіи Бѣлорусской Богоспасаемаго града Могилева превелебнаго въ Бозѣ отца Стефана Ивановича, игумена монастыря Богоявленскаго Полоцкаго“ (тамъ же, подъ № 45, грам. 4-я, стр. 130). Дальность разстоянія въ отношеніи церковнаго управленія принималась во вниманіе и высшею церковною властію—патріархами; есть основанія полагать, что по этой причинѣ Полоцкій Богоявленскій монастырь впослѣдствіи подчиненъ былъ ими на нѣкоторое время управленію Бѣлорусскаго епископа, которое продолжалось, по крайней мѣрѣ, до 1715 г., когда подтвердительною грамотою мѣстоблюстителя патріаршаго престола Стефана монастырь этотъ „совершенно освобожденъ былъ отъ суда (Бѣлорусской) верховной епаршеской власти, предоставленнаго (ей) по уваженію того, что они (игуменъ и братія Полоцк. мон.) въ далекомъ разстояніи отъ архипастыря своего (Кіев. митрополита) живутъ“ (тамъ же, грам. № 54. стр. 137).

скихъ областяхъ Польши наступаетъ болѣе рѣшительный поворотъ къ уніи и къ преобладанію польскаго элемента. Договоръ вѣчнаго мира былъ крайне непріятенъ полякамъ и пробудилъ въ нихъ страшный религіозный и національный фанатизмъ къ русской вѣрѣ и народности, повлекшій за собою наибольшее водвореніе католицизма въ православномъ населеніи Польши путемъ насилія. „За вѣчнымъ миромъ, говорилъ Львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій русскому резиденту, стольнику Михайлову, 30 апрѣля 1692 г.,—*мало не все благочестіе привели неволею* въ унію[1])“ Вслѣдъ за договоромъ вѣчнаго мира, поляки, побуждаемые подогрѣтыми религіознымъ фанатизмомъ національными стремленіями къ давнишнему желанію устранить всякое вмѣшательство русскаго правительства въ дѣла отчизны, приняли, подъ руководствомъ и подстрекательствомъ іезуитовъ, мѣры къ прямому совращенію православныхъ въ латинство и къ совершенному подавленію русской народности въ Польшѣ. Чрезъ тридцать лѣтъ послѣ этого договора, какъ-бы въ отвѣтъ на него, окончательно разработанъ былъ, напечатанъ и пущенъ въ дѣло планъ искорененія въ Рѣчи Посполитой православія и русской народности. Планъ этотъ, озаглавленный: „Проэктъ объ уничтоженіи православнаго и уніатскаго вѣроисповѣданій, равно и русской народности“, несомнѣнно вышедшій изъ рукъ іезуитовъ, въ первый разъ отпечатанъ былъ (для избранниковъ) около 1717 г. Представленный въ этомъ году Варшавскому сейму и разосланный на сеймики, онъ *обрекалъ*, какъ видно изъ самаго заглавія, *на уничтоженіе не только православную, но и уніатскую вѣру*, на которую самъ авторъ проэкта, поляки и руководители ихъ, іезуиты, смотрѣли не болѣе, какъ на неизбѣжную временную ступень для перехода въ

---

[1]) Оч. ист. З.-Р. П., Чистовича, II, 318.— Говорившій эти слова, въ душѣ былъ уже самъ тогда уніатомъ. Въ уніатскомъ архивѣ, хранящемся при Св. Синодѣ, находится письмо Шумлянскаго (по всему видно) къ папскому нунцію отъ 1677 г. съ изъявленіемъ желанія принять унію, и отвѣтъ на это письмо отъ того же года съ полнымъ согласіемъ нунція и папы на это дѣло (см. Литовскую церк. унію, Кояловича, II, прим. 325). Чрезъ восемь же лѣтъ послѣ этого разговора Шумлянскій публично (изъ личныхъ расчетовъ своихъ) измѣнилъ православію. Въ 1700 г. онъ пріѣхалъ въ Варшаву и въ маѣ, на Троицынъ день, во время совершаемой кардиналомъ примасомъ обѣдни, въ присутствіи всѣхъ сенаторовъ предъ престоломъ торжественно отрекся отъ православія и далъ присягу въ принятіи уніи со всею своею епархіею (Бантышъ-Каменскій, Истор. изв. объ уніи, стр. 136, изд. 1866 г.).

въ полное католичество[1]). Хотя проэктъ іезуитовъ съ самаго появленія своего и не безъизвѣстенъ былъ русскому правительству, но у враговъ православія онъ долгое время хранился въ секретѣ, и получилъ всеобщую извѣстность въ русскомъ переводѣ только въ

---

[1]) Какъ средство для уничтоженія православія и вмѣстѣ съ тѣмъ для ополяченія русскихъ подданныхъ Польши, унія распространяема была польскимъ правительствомъ изъ политическихъ, а духовенствомъ изъ религіозныхъ видовъ. Сами уніаты, какъ-бы не понимая своего положенія, ревностно служили этимъ цѣлямъ, всячески совращая православныхъ въ свою новоизмышленную вѣру. Въ качествѣ такого средства унія являлась для поляковъ и духовенства ихъ какъ-бы усердною прислужницею и существовала такъ около ста лѣтъ. По прошествіи же этого времени, т. е. съ наступленіемъ XVIII в., когда появился въ Польшѣ іезуитскій проэктъ и унія сильно распространена была, католическое духовенство, полагая, что уже достаточно сдѣлано для перехода русиновъ въ полное католичество, стало думать, помимо тайныхъ средствъ, указанныхъ въ проэктѣ, и о средствахъ наружныхъ, которыми можно было бы постепенно уничтожить унію, т. е. совершенно и навсегда слить ее съ католицизмомъ. Въ противность первоначальному типу уніи и торжественнымъ обѣщаніямъ папъ сохранить восточный обрядъ неприкосновеннымъ, начали съ богослуженія, вводя въ него такіе обряды, какихъ въ восточной церкви никогда не существовало. Въ церквахъ уніатскихъ явились открытые алтари, органы, шопотомъ читаемыя обѣдни, колокольчики во время освященія даровъ, преклоненіе одного колѣна священникомъ или причетникомъ и т. под. Самое облаченіе священнодѣйствующихъ и причетниковъ измѣнено по образцу латинской церкви. Пѣвъ во время общей обѣдни (суммы) введенъ былъ латинскій. Во время архіерейскаго служенія епископъ садился патронъ, поставленномъ у стѣны на лѣвой сторонѣ возлѣ иконостаса. Апостолъ и Евангеліе читаемы были не на срединѣ противъ царскихъ дверей, а на боку предъ тропомъ архіерея. Однимъ словомъ, если бы кто-нибудь изъ православныхъ вошелъ въ уніатскую церковь, онъ никогда бы не узналъ своего богослуженія, и одинъ только славянскій языкъ далъ бы ему почувствовать, что прихожане ея принадлежали нѣкогда къ церкви его предковъ. Далѣе, чиноположеніе и управленіе іерархіей введены были по образцу латинскихъ. Составились капитулы, явились офиціалы-прелаты, каноники, сурогаты и другія званія, какъ въ католической іерархіи. Между бѣлымъ духовенствомъ явилось множество неженатыхъ, которые одни только допускаемы были къ занятію высшихъ духовныхъ званій. Наконецъ, въ самой частной жизни уніатскаго духовенства произошли измѣненія противныя постановленіямъ православной Церкви. Какъ бѣлое духовенство, такъ и монашествующіе стали обстригать волосы и брить бороды. Самая одежда у нихъ появилась не соотвѣтствующая ихъ званію: прелаты и каноники ходили во фракахъ, а монахи въ длинныхъ сюртукахъ (см. Истор. зам. о Литвѣ, Кукольника, стр. 179 и д.). Такимъ образомъ ко времени XVIII столѣтія унія значительно приблизилась къ указанной ей цѣли,—далеко удалилась не только отъ православія, но даже и отъ первоначальнаго своего вида. Она въ это время, по прекрасному сравненію профессора Коялловича, „какъ раба одѣлась въ убранство своей госпожи—Латинской церкви по ея волѣ, но безъ малѣйшаго вкуса“ (Литов. церк. унія, т. I, стр. 204; ср. т. 2., стр. 239).

концѣ 40-хъ и въ 50-хъ годахъ текущаго столѣтія[1]). Составленный съ знаніемъ глубокаго политика и ревностію патріота для той цѣли, чтобы уничтоженіемъ православія и русской національности достигнуть сліянія Литовско-Русскихъ областей въ одно органическое цѣлое съ Польшею,—проэктъ этотъ (въ переводѣ съ польскаго) читается такъ:

„Если цѣлость и безопасность государствъ основывается на взаимной любви гражданъ, а любовь болѣе всего поддерживается единствомъ вѣры, то мы—поляки, желая быть цѣлыми и безопасными въ своемъ государствѣ, должны стараться съ особеннымъ усиліемъ о единствѣ вѣры между обитателями его. А какъ это единство въ русскихъ странахъ, принадлежащихъ коронѣ и великому княжеству литовскому, повидимому, настолько нарушается, насколько есть разности обрядовъ въ простомъ народѣ; то *чины королевства и каждый въ особенности поляк*ъ, желающій сохранить и обезопасить цѣлость своего отечества, *должны вмѣнить себѣ въ обязанность греческій законъ*, противный закону римскому, *уничтожать: презрѣніемъ преслѣдованіемъ, притѣсненіемъ послѣдователей онаго, и наконецъ, другими, сколь возможно дѣйствительнѣйшими, средствами.*

Происходя отъ древнихъ поляковъ латинскаго закона и желая отъ души благоденствія моему отечеству и большаго распространенія римско-католической вѣры,—я съ своей стороны признаю и предлагаю всѣмъ истиннымъ ревнителямъ вѣры и отечества *къ искорененію* суевѣрныхъ, или *какихъ бы то ни было, греческихъ обрядовъ и къ введенію на мѣсто ихъ вѣры святой римской церкви*—нижеслѣдующія средства.

1. Чтобы намъ совершить столь спасительное и вожделѣнное дѣло, мы должны стараться *хранить мнимую дружбу съ Москвою* и возводить на польскій престолъ такихъ государей, къ которымъ бы расположена была сія держава. Ибо если справедливо, что на поступки врага болѣе обращаютъ вниманіе, чѣмъ друга,—то и Москва, будучи съ нами въ дружбѣ, не станетъ слѣдить за нашими дѣйствіями, къ чему они клонятся, и дѣла безъ помѣхи пойдутъ своимъ порядкомъ,—тѣмъ съ большею для насъ пользою, чѣмъ съ значительнѣйшимъ для Москвы и всей Руси вредомъ.

2. *Шляхта русскаго закона*, хотя и состоящая въ уніи, а тѣмъ болѣе схизматики (schyzmatycy), *не должны быть допускаемы*

[1]) Объ этомъ ниже—въ примѣчаніи послѣ проэкта.

ни къ какимъ государственнымъ должностямъ, особенно же къ такимъ, въ которыхъ они могли бы пріобрѣсть друзей, нажить себѣ имѣніе и получить какое либо уваженіе, и за тѣмъ почетъ русиновъ. Это слѣдуетъ ограничить новою, болѣе строгою, чѣмъ прежде сеймовою конституціею. Въ особенности же—каждый полякъ обязанъ, находясь въ собраніяхъ, *чуждаться русскаго*, по сосѣдству *не заводить съ нимъ никакой дружбы* развѣ для своей выгоды, въ разговорахъ, въ присутствіи русскаго, *болѣе всего распространяться о суевѣріи русскихъ* и т. п. Послѣ сего я почти могу увѣрить, что *каждый лучше захочетъ перемѣнить вѣроисповѣданіе и отказаться отъ того, что былъ нѣкогда русскимъ, нежели терпѣть всю жизнь огорченія, равняющіяся смерти.*

3) Зажиточнѣйшіе граждане отечества *не должны допускать русиновъ до такихъ услугъ, которыя доставляли бы имъ случай получать просвѣщеніе*, развѣ только если имѣютъ надежду, что они отступятъ отъ своихъ обрядовъ. Такимъ образомъ русины, оставаясь въ невѣжествѣ, дойдутъ до большей нищеты и будутъ въ крайнемъ презрѣніи, а слѣдовательно принуждены будутъ или погибать въ своей бѣдности, или перемѣнить, для какого нибудь повышенія, законъ.

4. Какъ въ городахъ и мѣстечкахъ русскихъ находится еще значительное число зажиточныхъ *русиновъ*, то и ихъ *нужно довести до нищеты и невѣжества*, дабы они не могли ни деньгами, ни умомъ помочь себѣ. Этого достигнуть можно слѣдующимъ образомъ: если города находятся въ земскихъ имѣніяхъ,—то владѣльцы, однимъ *допущеніемъ жидовъ и помѣщеніемъ ихъ въ центръ города, погубятъ русиновъ; ибо жиды, по природной своей пронырливости, приберутъ въ свои руки всѣ доходы и, вытѣснивъ русскихъ изъ города въ предмѣстье, вышлютъ ихъ на барщину.* Если же будутъ города, такъ называемые *королевщина*, то въ меньшихъ изъ нихъ *(старосты)* (1) исподоволь, подъ разными предлогами, пусть понуждаютъ и пріучаютъ русиновъ къ барщинѣ. Въ нѣкоторыхъ же, кромѣ допущенія жидовъ, для вышеупомянутой цѣли, нужно помѣстить, хотя не много, римско-католиковъ, а потомъ *отстранить русиновъ отъ начальства и всякихъ должностей*, доставляющихъ какой бы то ни было доходъ, предоставивъ таковыя только однимъ

1) Пожизненные владѣльцы королевскихъ, т. е. государственныхъ, населенныхъ имѣній, раздаваемыхъ королемъ за заслуги отечеству.

римско-католикамъ. Равнымъ образомъ нужно имѣть и ту предосторожность, чтобы всѣ декреты и другія *бумаги*, выходящія изъ Магденбургіи, *были писаны на польскомъ, а не на русскомъ языкѣ*, чрезъ это русскіе сдѣлаются еще большими невѣжами и не будутъ имѣть въ городахъ никакой силы, ни значенія.

5. Самый трудный для разрѣшенія, въ этомъ спасительномъ проэктѣ, узелъ составляютъ *владыки и попы*, изъ коихъ *первыхъ нужно ослѣпить*, чтобъ не могли всего видѣть, *а вторыхъ стѣснить*, дабы не могли ни повышаться, ни думать, ни дѣлать, что пожелаютъ. Какъ слѣдуетъ поступать, въ томъ и другомъ отношеніи, съ владыками и съ попами, изложу слѣдующія средства. *Владыкъ*,—кромѣ того, что они согласно съ древними конституціями должны быть изъ шляхты,—слѣдуетъ *назначать изъ такихъ, которые находятся въ родственныхъ связяхъ съ фамиліями римскаго вѣроисповѣданія*, дабы, помогая симъ послѣднимъ, при жизни не собирали бы большихъ богатствъ, и то, что останется по ихъ смерти, доставалось бы въ наслѣдство не русинамъ, но полякамъ. Сверхъ того, мы и преемники наши никогда *не* должны *допускать русскихъ епископовъ къ засѣданію въ сенатѣ*, чтобъ они не доставляли своему вѣроисповѣданію никакого значенія, не заботились о повышеніи своихъ русиновъ и не заводили дружбы съ почетными и знатными въ отечествѣ лицами,—*а болѣе всего*, что касается до настоящаго предмета, *чтобъ они и догадаться никакъ не могли, что подобный проэктъ въ разсужденіи ихъ и цѣлой Руси предпринимается и выполняется.*

6. Всѣ вообще преосвященные—наши епископы, взявшись, такъ сказать, за руки, должны исподоволь, но съ усиленнымъ стараніемъ, достигать того, *чтобы владыки имѣли только титулъ викаріевъ*, дабы такимъ образомъ, состоя подъ такою зависимостію и властію, *они и ихъ попы подвергаемы были ревизіи нашихъ прелатовъ*, за непристойное поведеніи *были бы публично наказываемы* и отъ суевѣрій были бы отклоняемы, ибо такимъ образомъ владыки не будутъ имѣть довольно силы противиться всему этому, а народъ, будучи понуждаемъ римскимъ начальствомъ, удобнѣе склонится къ тому, чтобъ отступить отъ существеннѣйшихъ своихъ обрядовъ.

7. *Попы*, въ наши времена,—*большіе невѣжи, неспособные наукѣ, и если они таковыми на всегда останутся, то это* не помѣшаетъ, а *еще болѣе будетъ способствовать къ удобнѣйшему вы-*

полненію сего проэкта. Ибо *они, будучи оставлены безъ образованія и въ невѣжествѣ, не въ состояніи будутъ ни знать начала своихъ обрядовъ, кѣмъ и когда они установлены, ни понимать причинъ, по которымъ они введены въ русскую церковь, ни научать народъ, что обряды эти дѣйствительно происходятъ отъ греческихъ св. отцевъ, ни ясно и доказательно изслѣдовать, что они ни въ чемъ не измѣнены, ни суевѣрны, ни, наконецъ, оказать разумное сопротивленіе при ихъ уничтоженіи,* а для того, *чтобъ удержать поповъ въ этомъ, весьма для насъ вожделѣнномъ, грубомъ невѣжествѣ, я считаю самымъ дѣйствительнымъ средствомъ бѣдность,* въ которой они какъ доселѣ оставались, такъ изъ оной никогда не выйдутъ, если станемъ поступать съ ними слѣдующимъ образомъ: *во первыхъ* нужно, *чтобы ктиторы не дѣлали въ пользу церквей никакихъ записей, ни эрекцій* (1) для того, чтобы новопосвященный попъ принужденъ былъ, для прокормленія себя и своего семейства, самъ купить ту землю, которою владѣлъ его предмѣстникъ и продающіе подобнымъ образомъ не будутъ подвергаться симоніи, какъ учили меня наши богословы; *во вторыхъ,* если гдѣ находятся древнія эрекціи, то и тамъ имѣющіе право на *подаванье*(2), при выдачѣ *презенты*(3), могутъ *брать деньги отъ поступающихъ въ священники безъ всякаго зазрѣнія совѣсти,*—не за презенту (чтобъ это не имѣло вида продажи посвященныхъ Богу вещей), но *дабы* тутъ же, *въ самомъ началѣ, поставить попишку въ невозможность запастись схизматицкими и суевѣрными книгами. Въ* выданной же *презентѣ не слѣдуетъ подробно означать земель,* ибо таковыя презенты могли бы замѣнить эрекцію, и не упоминать о всѣхъ тѣхъ свободахъ (льготахъ), какія имѣютъ наши ксендзы; достаточно только составлять ихъ такимъ образомъ, какъ я читалъ одну копію: „я N. N. даю презенту N. N., освобождая отъ всякихъ повинностей господскихъ, *подорожчизны,* (4) и проч.“ Съ такимъ-то благоразуміемъ

---

1) Иначе—фундушъ, учрежденіе, дарственная запись на земли и угодія въ пользу церкви.

2) Juspatronatus, p. colatorstwo,—право вотчинниковъ отдавать церковные приходы въ ихъ имѣніяхъ лицамъ по собственному выбору (Горбачевскій, Словарь древн. акт. яз. Сѣв. Зап. края, стр. 176).

3) Письменное заявленіе вотчинника объ избраніи того или другаго лица въ приходскіе священники церкви, состоящей въ его имѣніи. Презенты эти обыкновенно писались на имя епископовъ (тамъ же, стр. 277).

4) Пошлина, взимая съ обывателей на починку дорогъ.

поступали древніе поляки, предки наши, достойные безсмертной славы, а потому, если не болѣе, то наравнѣ, или мало чѣмъ меньше, получали дохода отъ попа, какъ и отъ мужика; ибо *попишкъ* нигдѣ не дозволено было брать водку, какъ только у жида шинкаря, а если жидъ ловилъ попа съ водкою на дорогѣ, или отыскивалъ у него въ домѣ привезенную изъ другихъ мѣстъ,—то тотчасъ выводилъ изъ хлѣва поповскаго пару воловъ; попу запрещено было молоть хлѣбъ на другой какой-либо мельницѣ, кромѣ указанной, и въ случаѣ, если бы *попишка*, нарушилъ это постановленіе, то жидъ, разбивши амбарь или кладовую, забиралъ муку и все съѣстное. *Этими и подобными средствами предки наши многихъ схизматиковъ заставили обратиться въ унію. Употребляя сіи средства, и мы успѣемъ, при помощи Божіей, перевести и прочихъ по крайней мѣрѣ на уніатовъ, а со временемъ всѣхъ обратить въ римскихъ католиковъ.* (1) Дѣлу нашему будетъ споспѣшествовать и то, если мы воспретимъ попамъ обирать нашихъ крестьянъ и посредствомъ ихъ обогащаться. Въ семъ случаѣ и экономы, и управители имѣній, если смерть переселитъ кого-нибудь въ другую жизнь, должны *призвать* къ себѣ *наслѣдниковъ умершаго* хозяина *и опредѣлить имъ, что они должны будутъ заплатить за погребеніе:* если же попъ назначаемымъ вознагражденіемъ не будетъ доволенъ и умершаго погребать не станетъ,—то *община пусть занесетъ трупъ ему на дворъ.* Тоже *за совершеніе* и прочихъ *требъ дворъ* (экономія) *долженъ назначать самую ничтожную плату,*—чѣмъ воспрепятствуемъ попамъ брать съ крестьянъ лошадей, коровъ, воловъ и недвижимое имущество, отказываемое по завѣщанію, а не рѣдко и вынужденное,—прекратимъ всякіе ихъ поборы и грабежи какъ за таинства, такъ и за вымышленные ими обряды, а черезъ то *доведемъ ихъ до такой бѣдности, что они не въ состояніи будутъ имѣть приличной* и тѣмъ болѣе богатой *одежды.* Какъ же послѣ, того находясь въ нуждѣ, будутъ они запасаться книгами, или, что важнѣе, давать дѣтямъ своимъ хорошее воспитаніе? Ибо эти поборы и труды ихъ рукъ составляютъ источникъ всѣхъ ихъ доходовъ, всего имѣнія и всѣхъ средствъ въ жизни. Вообще же *всѣ мы должны стараться предложить на сеймахъ римско-католическимъ епископамъ нашимъ сей проэктъ,*

1) *Сами* паписты называютъ здѣсь себя не просто католиками, а *римскими* католиками.

чтобы они соборомъ (synodaliter) *постановили, сколько и за какія требы должно платить русскимъ попамъ, и обязали бы епископовъ, чтобы предписали протопопамъ или намѣстникамъ, чѣмъ и за что долженъ довольствоваться попъ. Поступая такимъ образомъ, мы удержимъ поповъ въ полезной для насъ, а для русиновъ несносной нищетѣ и* сверхъ того *возбудимъ* еще въ *крестьянахъ*, посредствомъ таковой потачки, *приверженность къ себѣ, а къ попамъ ненависть*, чѣмъ удобнѣе и преклонимъ ихъ, когда ни захотимъ, на свою сторону.

8. *Семейства поповъ во всемъ должны подлежать суду дворовой экономіи*, и для большаго ихъ уничиженія за каждый *малѣйшій проступокъ или неповиновеніе слѣдуетъ наказывать ихъ строже.* Кромѣ того нужно разглашать, что *сыновья поповъ*, называемые обыкновенно поповичами, за исключеніемъ одного, который поступаетъ на мѣсто отца, *отъ крестьянства, не освобождаются* и что они *не имѣютъ права поселяться въ вольныхъ городахъ и переходить на жительство изъ одного мѣста въ другое.* Когда же они, сдѣлавшись умнѣе, не станутъ вѣрить симъ неосновательнымъ слухамъ, то нужно будетъ сдѣлать таковое, напр., постановленіе (подъ предлогомъ, будто-бы понужденіе ихъ къ ученію), что тѣ изъ *поповичей*, которые не достигнутъ полнаго образованія, *пусть навсегда остаются крестьянами* своихъ господъ помѣщиковъ. А какъ они имѣютъ свободный доступъ въ наши публичныя училища, подобно всѣмъ шляхетскимъ дѣтямъ, то *шляхта должна ихъ преслѣдовать.* Отцы незамѣтнымъ образомъ подадутъ къ тому средство, *наставники*, какъ люди умные (знаю, ибо и самъ испыталъ), не только не станутъ препятствовать сему, но и *сами даже могутъ преслѣдовать.* Впрочемъ, пусть никто не думаетъ, что было бы полезно запрещать *всѣмъ* поповичамъ поступать въ училища, отъ того, во 1-хъ, что *дѣти шляхты*, сдѣлавши какой-либо *проступокъ* или шалость, какъ обыкновенно водится въ буйной молодости, *могутъ свалить на русиновъ*, во 2-хъ, что русины, будучи хорошо наставлены нашими ксендзами, въ состояніи будутъ лучше увѣрять народъ, что римскія таинства столько же важны и дѣйствительны, какъ и русскія, что эти два обряда одинъ другому не противорѣчатъ, и что римская вѣра съ греческою одна и та же;—а это все, съ теченіемъ времени, къ удобнѣйшему преклоненію упорныхъ умовъ русскихъ послужитъ можетъ.

9. Но если бы, по какому нибудь случаю (чего впрочемъ не надѣюсь), русскіе достигли надлежащаго образованія, то слѣдуетъ, кажется, поступать съ ними такимъ образомъ: *тѣхъ, которые захотятъ оставаться въ духовномъ званіи, уговаривать, чтобъ они вели жизнь безбрачную*, и оказывать симъ болѣе, нежели другимъ, уваженія, давать болѣе свободы, увеличивать доходы и проч. *Когда такимъ образомъ всѣ поступающіе во священники съ охотою станутъ избирать жизнь безбрачную, тогда намѣренія наши вполнѣ достигнутъ своей цѣли; ибо, по смерти безбрачныхъ священниковъ, некому будетъ заступать ихъ мѣста: мѣщанскимъ и крестьянскимъ дѣтямъ запретимъ учиться*, поповичей не будетъ, мелкой шляхты немного, и та безъ всякаго образованія; *и такъ, дѣло дойдетъ до того, что мы станемъ опредѣлять на сіи мѣста своихъ приходскихъ священниковъ* (plebanow), *нашего римскаго обряда;* больше же намъ ничего и не нужно.

10. Болѣе всѣхъ непреклонны,—это міряне изъ простаго русскаго народа, умѣющіе читать свои книги: стоитъ только уничтожить причину этого упрямства, и упрямство само собою уничтожится. Этого намъ полякамъ легко достигнуть, если *запретимъ крестьянскимъ сыновьямъ учиться при церквахъ*. Отъ чего не только получимъ вышесказанную пользу, но, кромѣ того, предохранимъ себя отъ убыли въ крестьянахъ, что не рѣдко мы испытываемъ; ибо мужичекъ, выучившись въ простой сельской школѣ, уходитъ отъ своего господина за нѣсколько десятковъ миль и ищетъ свободы, на что жалуются воеводства русскія, волынскія и брацлавскія, съ прилежащими къ нимъ землями. Посему экономы и управители должны бы имѣть въ своихъ инструкціяхъ приказаніе *строго наблюдать за тѣмъ, чтобы русскія крестьянскія дѣти пріучиваемы были не къ книгамъ, но къ плугу, сохѣ, балу и цѣпу.*

11. Для лучшаго со временемъ обличенія русиновъ слѣдовало бы *собрать и отмѣтить* въ особомъ спискѣ *всѣ встрѣчающіяся въ ихъ обрядахъ несообразности, оскорбительныя слова и дѣйствія противъ римлянъ*, частыя похожденія поповъ (которыя, между такою ихъ многочисленностію, пріискать не трудно), дабы, когда этотъ проэктъ будетъ приводиться въ исполненіе, міръ увидѣлъ справедливыя причины къ таковымъ дѣйствіямъ поляковъ. Но если бы въ таковыхъ осуждающихъ русиновъ, дѣйствительныхъ обличеніяхъ

оказался недостатокъ (чего быть не можетъ въ самомъ даже просвѣщенномъ и лучшемъ народѣ), *то полезно будетъ, къ подкрѣпленію нашихъ замысловъ, разглашать хорошо обдуманные противъ нихъ вымыслы, а еще полезнѣе секретно распространять отъ имени ихъ поповъ, или же самихъ владыкъ, русскія сочиненія, вредныя Рѣчи Посполитой*, имени польскому и римско-католической вѣрѣ. *Это служило* бы въ свое время не маловажнымъ *поводомъ къ уничтоженію въ Польшѣ греческой религіи*, и сильнымъ побужденіемъ какъ для духовнаго, такъ и для свѣтскаго состоянія, какъ для сенаторовъ, такъ и для рыцарства къ выполненію дѣла.

12. Когда эти приготовленія будутъ исподволь совершены,—этого дѣла не слѣдуетъ вдругъ приводить въ исполненіе и одновременно во многихъ мѣстахъ, но постепенно: нужно начать съ тѣхъ уголковъ страны, гдѣ болѣе р. католиковъ, чѣмъ русиновъ, и при томъ начинать не безъ причины, а напр., *уличая поповъ въ дурномъ поведеніи, въ соблазнительномъ образѣ жизни, въ незнаніи или неприлежаніи въ ученіи вѣры, въ нерадѣніи при совершеніи нужныхъ для спасенія таинствъ* и въ другихъ симъ подобныхъ несообразностяхъ. Такимъ образомъ *постепенно, съ осмотрительностію и благоразумiемъ, когда успѣемъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то поощреніемъ то обманомъ, то угрозою, передѣлать русиновъ на римлянъ, то*, безъ предосужденія, *дойдетъ до того, что, по милости Божіей, во всей странѣ русской, къ общему всѣхъ желанію, процвѣтутъ римскіе обряды.*

13. Но такъ какъ народъ украинскій, подольскій и волынскій отстаивая свою вѣру, готовъ взбунтоваться, то въ такомъ случаѣ, если трудно будетъ *перебить*, или, по малочисленности польскихъ войскъ, усмирить бунтующихъ, республика не должна жалѣть той потери, если всѣхъ таковыхъ ревнителей *отдастъ въ рабство татарамъ:* они скоро переловятъ ихъ, какъ своихъ, - а оставшійся послѣ нихъ край—заселитъ народомъ польскимъ и мазовецкимъ. Нечего въ семъ случаѣ и думать, чтобы Москва интересовалась русинами, когда они уже сдѣлаются уніатами; ибо нужно знать, что уніатовъ, болѣе нежели насъ, ненавидятъ (русскіе) и рады бы видѣть ихъ, за отступленіе отъ схизмы, въ крайнемъ бѣдствіи: но хотя бы Москва и расположена была къ уніатамъ, все же мы можемъ сдѣлать ее для нихъ такою, какою захотимъ.

Поступая такимъ образомъ съ русинами, мы, безъ всякаго сомнѣнія, достигнемъ со временемъ того, что народъ польскаго королевства утвердится во взаимной любви, согласіи и единствѣ, и что Польша сдѣлается почетнѣе, сильнѣе и страшнѣе для иностранцевъ, что римско-католическая религія процвѣтаетъ на пространствѣ болѣе 160 кв. миль, словомъ, что всѣ мы сдѣлаемся сильными и будемъ внѣ всякой опасности.

Здѣсь подъ конецъ замѣтимъ, что такъ какъ Русь, будучи оставлена при своемъ законѣ, или въ слѣдствіе отступленія отъ московской схизмы, или вслѣдствіе возвращенія къ оной, стала бы грозить Польшѣ паденіемъ, то, *если передѣлаемъ ее въ римлянъ,—лишимъ сначала Москву надежды когда либо возвратить оную, а потомъ тѣсно связанную съ нами, сдѣлаемъ ее непріязненною Москвѣ. Что дай Богъ. Аминь.*“ (1)

Неизвѣстно съ точностію, въ какомъ именно году составленъ

---

1) Сборникъ документовъ, уясняющихъ отнош. латино-польской пропаганды къ русской вѣрѣ и народности, вып. 1, док. № 1, Вильна 1865 г.—Нѣкоторые изъ историковъ, напр. Эккель въ своемъ соч. Pohlens Staats—Veraenderungen und lezte Verfassung, называютъ проэктъ произведеніемъ фанатика. По поводу этого мнѣнія Зубрицкій въ лѣтописи Львовскаго братства, подъ 1717 г., замѣчаетъ: „нѣтъ это было дѣло политика, польскаго патріота, который ошибся только въ томъ, что преждевременно объявилъ то, что до времени должно было составлять государственную тайну“ (См. Оч. Ист. З.-Р. Ц., II, Чистовича, примѣч. 2-е на стр. 53). Какъ мы выше сказали, проэктъ уже вскорѣ послѣ составленія своего сдѣлался извѣстнымъ русскому правительству, хотя и долженъ былъ храниться между наиболѣе важными секретными бумагами у каждаго изъ начальствующихъ лицъ даже не іезуитовъ, а напр. изъ базиліанъ (уніатскихъ монаховъ), близко стоявшихъ къ русскому народу. Въ 1852 г. одинъ экземпляръ проэкта найденъ былъ въ базиліанскомъ, нынѣ православномъ, Тадухинскомъ монастырѣ, Полоцкой епархіи, въ связкѣ рукописей подъ № 13, на которой надписано было: Litterae secretae, а внизу: Religio, съ помѣткою 1758 г. (Сборн. докум. латин.-польск. пропаг. вып. 1, примѣч. къ док. № 1). Въ печати проэктъ этотъ впервые опубликованъ былъ только въ началѣ настоящаго столѣтія. Онъ приводится въ указанномъ соч. Эккеля, изданномъ въ 1803 г. въ Вѣнѣ, и послѣ того напечатанъ былъ нѣсколько разъ. Въ 1849 г. на польскомъ яз. помѣщенъ былъ въ Supplement. ad Hist. Russiae monumenta, № 81; откуда перепечатанъ съ французскимъ переводомъ въ Документахъ, объясняющихъ исторію Западно-русскаго края, № 23. СПБ. На русскомъ яз. вмѣстѣ съ польскимъ подлинникомъ напечатанъ былъ въ половинѣ нынѣшняго столѣтія, именно въ 1858 г. въ Витебскихъ Губ. Вѣд., № 42, въ 1862 г.,—въ Днѣ № 17 и въ Вѣстникѣ Югозападной и Западной Россіи, Іюль (См. у Чистовича, также и въ Сборн. докум. латино-польск. проп. въ томъ же примѣч.).

былъ приведенный проэктъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ есть помѣтка — 1717 годъ[1]). Въ этомъ ли году онъ составленъ, или раньше, во всякомъ случаѣ исторія Западной Руси показываетъ, что, начиная съ XVII и особенно во все продолженіе XVIII вѣка, онъ былъ для поляковъ основою дѣйствій по отношенію къ православнымъ и уніатамъ. Въ проэктѣ прямо выражено то, къ чему всегда съ самаго появленія іезуитовъ въ Польшѣ и начала уніи стремилось, движимое ими и ревностными слугами ихъ, польское правительство. Мысли, изложенныя въ проэктѣ, вообще составляли систему польской политики іезуитовъ. Являясь инструкціею для дѣйствій іезуитовъ въ Польшѣ, проэктъ этотъ, въ то же время былъ для нихъ отличнымъ дополненіемъ къ общей іезуитской инструкціи, извѣстной подъ названіемъ: „Тайныя наставленія общества іезуитовъ[2])". Изъ проэкта ясно видно, что онъ ставилъ себѣ прямою задачею то, чтобы *чины королевства и каждый въ особенности полякъ вмѣнили себѣ въ долгъ уничтожать Греческій законъ: презрѣніемъ, преслѣдованіемъ, притѣсненіемъ послѣдователей онаго, и другими, сколь возможно, дѣйствительнѣйшими средствами такъ, чтобы постепенно съ осмотрительностію и благоразуміемъ то поощреніемъ, то обманомъ, то угрозою передѣлать русиновъ въ истыхъ поляковъ, обративши всѣхъ ихъ, по крайней мѣрѣ, въ уніатовъ, а со временемъ въ римскихъ католиковъ.* Достигать этого рекомендуется тайными путями, *чтобъ они (русины) и догадаться никакъ не могли, что подобный проэктъ въ разсужденіи ихъ и цѣлой* (польской) *Руси предпринимается и выполняется.*

Послѣ шведской войны задачу эту во всѣхъ, выработанныхъ въ проэктѣ, деталяхъ ея съ особенною энергіею начинаютъ преслѣдовать іезуиты и ихъ ревностные друзья-сподвижники, латинская шляхта и духовенство. Но другая, болѣе опытная и болѣе осто-

---

[1]) Оч. З.-Р.-Ц., Чистовича, II, 54.

[2]) Наставленія эти напечатаны въ Сборн. докум., уясн. отнош. Лат.-пол. пропаг. къ русск. вѣрѣ и нар. (вып. 1, докум. № 2-й) и переведены съ латинскаго изъ книги, изданной въ 1852 г. въ Аѳинахъ, содержащей латинскій подлинникъ этого документа съ переводомъ его на новогреч. яз. Въ Императорской Публичной Библіотекѣ находятся два изданія „Наставленій"—1-е 1652 г. подъ заглавіемъ: Constitutiones, sive monita secreta Societat. Jesu, a Michaele Rucart, Groningae, apud viduam Johannis Nikolai (Примѣч. къ этому документу въ Сборникѣ).

рожная, часть польскаго духовенства и шляхты не могла при тогдашнемъ положеніи Польши принять іезуитскій проэктъ со всѣми его крайностями и пришла къ другой мысли. Необходимо было, по ея мнѣнію, прочно устроить самую унію и послѣдовательно провести въ ея жизнь католическія начала внутреннія и внѣшнія, стереть мало по малу различія между католическимъ и уніатскимъ ученіемъ и обрядами и, затѣмъ, укрѣпленную такимъ путемъ, унію направить къ окончательному подавленію православія и всего русскаго. Рѣшившись дѣйствовать въ такомъ смыслѣ чрезъ самихъ же уніатовъ и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ уже наклонность къ католичеству и полонизму, партія эта для введенія въ уніатскую церковь латинскихъ догматовъ и для освященія въ ней высшею церковною властію латинскихъ обрядовъ какъ существующихъ уже, такъ и имѣющихъ быть введенными, созываетъ въ 1720 г. соборъ въ Замостьѣ. На соборѣ уніатскимъ членамъ его первымъ долгомъ предложено было къ прочтенію и подписанію исповѣданіе вѣры папы Урбана VIII съ римскими догматами filioque и непогрѣшимости папъ, съ признаніемъ VIII-го вселенскаго собора противъ патріарха Фотія и другими нововведеніями Западной церкви, утвержденными на Флорентійскомъ соборѣ. Многіе изъ бывшихъ на соборѣ уніатовъ сначала возмущены были этими нововведеніями; но потомъ уступили и согласились на постановленіе, „чтобы къ Символу вѣры, гдѣ только на будущее время онъ будетъ печататься или произноситься, будетъ ли то всенародно или частно, прибавлялась частица „и отъ Сына (filioque), которою обозначается происхожденіе Св. Духа отъ Отца и Сына“, и чтобы противящихся сему считать схизматиками и отлучать. Рѣшено было, чтобы имя папы римскаго внесено было въ помянники и на литургіи во время перенесенія Даровъ произносимо было внятно, громко и ясно, дабы понятно было, что римскій, а не другой какой епископъ провозглашается. Введя католическіе догматы въ уніатскую церковь, соборъ занялся исправленіемъ греческаго обряда, будто бы упавшаго. Сохранивъ нѣкоторые древніе обычаи восточной церкви, онъ постановилъ ввести читальныя шепотныя литургіи (мши), запретилъ пріобщать младенцевъ, уничтожилъ употребленіе губокъ, для вытиранія дискоса, и повелѣлъ вытирать его пальцемъ, какъ это дѣлается въ римской церкви, назначилъ праздники св. Іосафата (Кунцевича)

и тѣла Христова, распространилъ на уніатское духовенство постановленіе Тридентскаго собора объ одѣяніи священниковъ и проч. Чтобы ввести всѣ эти нововведенія въ общее употребленіе, соборъ предписалъ ввести ихъ въ богослужебныя книги и, сообразно съ тѣмъ, напечатанныя уже книги передѣлать съ указаніемъ, „какое слово или мѣсто вымазати, если выкинути треба“. Въ заключеніе соборъ провозгласилъ *унію единственною законною церковію греческаго обряда въ Рѣчи Посполитой*. Всѣ захваченныя уніатами епархіи, монастыри и церкви объявлены законно принадлежащими уніи; постановилъ *принять мѣры къ обращенію на унію бѣлорусской епархіи*, а также и находящихся внѣ ея православныхъ монастырей и церквей[1]). Съ наступленіемъ такихъ отношеній къ русской вѣрѣ и народности, къ концу уже XVII вѣка ставшихъ въ положеніе господствующее, православная церковь въ началѣ XVIII вѣка въ Литовско-Русскихъ областяхъ Польши начинаетъ терпѣть сильнѣйшія гоненія, которыя во многихъ изъ нихъ совершенно уничтожили православіе. Къ этому времени изъ четырехъ православныхъ епархій Польши одна только Могилевская вслѣдствіе поддержки изъ центровъ сосѣдняго съ нею православнаго государства—Москвы и Кіева, осталась не совращенною въ унію и потому естественно обращаетъ на себя особое вниманіе враговъ православія и постепенно становится главнымъ мѣстомъ театра дѣйствій, направленныхъ къ искорененію всего русскаго. На монастыри и церкви этой епархіи, равно какъ и на тѣ изъ нихъ, которые подвластны были Кіевской митрополіи, налагались тяжелыя подати и отнимались у нихъ владѣнія. Положеніе Бѣлоруссіи въ этомъ отношеніи было тѣмъ худшее, что страна эта, разоренная войною, истощила всѣ средства свои и потому не могла умилостивлять корыстолюбивыхъ сильныхъ людей изъ польскаго міра, за богатые подарки охотно давав-

[1]) Чист., Оч. З.-Р.-Ц., II, 380 и 56; Батюшкова Холмская Русь, стр. 126—128. СПБ. 1887 г.—Со времени Замостьскаго собора нововведенія латинской церкви въ уніатскую и порча восточнаго обряда, подъ санкціей этого собора и подъ вліяніемъ новоисправляемыхъ по требованію его богослужебныхъ уніатскихъ книгъ, быстро пошли впередъ, такъ что въ 30-хъ годахъ XVIII вѣка уніаты стали вносить въ свои книги не только молитвы и разныя послѣдованія римской церкви, но цѣлыя службы латинскимъ святымъ—Игнатію Лойолѣ, польскому королевичу Казиміру, Кунцевичу, Яну Непомуцену, въ честь праздника Божьяго тѣла и пр. (Чист., тамъ же, 381). Унія, слѣдовательно, пришла къ этому времени въ такой видъ, что принять ее значило то же, что принять латинство и сдѣлаться поляком[illegible]

шихъ привиллегій схизматикамъ—русинамъ. Лишеніе матеріальныхъ средствъ отразилось и на нравственныхъ силахъ страны: православныя братства ея, такъ могущественно защищавшія родную вѣру въ прежнія времена, были ослаблены контрибуціями и грабежами шведской войны, братства же другихъ областей Польши частію отъ жестокаго разоренія этой войны, а наиболѣе отъ усилившагося латинскаго и уніатскаго фанатизма падали почти повсемѣстно и потому страна ни въ своихъ, ни тѣмъ болѣе въ чужихъ, братствахъ не могла уже находить для себя нравственной опоры, какъ прежде. Вслѣдствіе этихъ причинъ православная церковь, духовенство и народъ ея въ Бѣлоруссіи стали терпѣть неслыханныя притѣсненія и поруганія: монахамъ стригли головы и бороды; священниковъ безчестили и грабили; св. Тайны были попираемы, утвари и сосуды увозимы; монастырскіе подданные терпѣли разнаго рода побои, мученія, томились въ оковахъ; православной шляхтѣ препятствовали засѣдать въ сенатѣ, а мѣщанамъ въ магистратѣ. Среди ужасовъ преслѣдованія множество православныхъ Бѣлоруссіи, не смотря на жестокія истязанія, съ непоколебимою твердостію сохранили истинную вѣру предковъ. Были между ними и такіе, которые преданность свою православію запечатлѣли смертію и тѣмъ удостоились мученическаго вѣнца первенствующихъ христіанъ. Самъ Бѣлорусскій архипастырь преосвященный Сильвестръ Четвертинскій,—въ то время единственный православный епископъ Польши, отстаивая православіе въ неравной борьбѣ съ врагами истинной вѣры, перенесъ отъ фанатизма ихъ не только величайшія оскорбленія и обиды, но, какъ увидимъ, даже побои и раны, и непрестанно былъ въ страхѣ за свою жизнь.

Терпѣть притѣсненія отъ католицизма православные Бѣлоруссіи начали при епископѣ князѣ Четвертинскомъ въ первые же годы епископствованія его. Уже къ 1710 г. положеніе всѣхъ вообще православныхъ Польши дѣлается отъ насилія католиковъ столь несноснымъ, что русскій государь Петръ I по просьбѣ настоятелей православныхъ монастырей Литвы и Польши счелъ нужнымъ въ январѣ этого года отправить въ Могилевъ стольника Богуслава Шипневскаго въ качествѣ коммиссара, для охраненія благочестивыхъ отъ всякихъ обидъ и притѣсненія[1]). Не обращая вниманія на это заступничество пра-

[1]) Бантышъ-Каменскій, Истор. изв. объ уніи, стр. 139.

вославныхъ отъ русскаго государя, католики продолжали свое дѣло, насильно захватывая церкви на унію въ разныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи[1]). Вскорѣ они начинаютъ тѣснить православныхъ возлѣ самаго г. Могилева и неподалеку отъ него. Монастыри Буйничскій (въ то время мужской) и женскій Барколабовскій подвергаются частымъ грабежамъ и наѣздамъ отъ сосѣднихъ съ ними владѣтелей, стольника вел. кн. Литовскаго Юрія Сапѣги и жены его Изабеллы. Выведенные изъ терпѣнія, монастыри эти обращаются съ жалобою на разорителей къ польскому правительству. Король Августъ II выдалъ имъ охранную грамоту и, вступаясь за обиды ихъ, особымъ рескриптомъ, отъ 12-го марта 1715 года, на имя виновниковъ притѣсненій запрещалъ этимъ послѣднимъ „чинить, вопреки всякой справедливости, жестокія и нестерпимыя притѣсненія монастырямъ этимъ, вторгаясь въ ихъ имѣнія и производя въ нихъ разрушенія и опустошенія. Такъ какъ ваша милость, писалъ король, не возбраняете всего этого вашимъ людямъ, а можетъ быть, и позволяете, то поэтому мы, желая подать руку помощи обиженнымъ, прибѣгающимъ подъ нашу защиту не только взяли ихъ подъ свое покровительство и приказали выдать имъ охранную грамоту изъ нашей королевской канцеляріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ симъ рескриптомъ настойчиво требуемъ и отъ васъ того, чтобы вы не позволяли ни себѣ, ни своимъ людямъ, нарушать законы, дѣлать притѣсненія и вторженія въ монастырскія имѣнія, и чтобы совершенно запретили производить беззаконныя вторженія въ наслѣдіе Христово: что однажды пожертвовано и посвящено Богу, то должно

---

[1]) Напр., въ воеводствѣ Мстиславскомъ февраля 10 того же 1710 г. отнята была на унію церковь въ мѣстечкѣ *Петровичахъ* помѣщиками Воловичами; февраля 15—церковь въ мѣстечкѣ *Хославичахъ* помѣщикомъ Криштофомъ Цѣхановецкимъ, старостою Хославскимъ; 1711 г. мая 5—церковь въ селѣ *Ботвиновкѣ* помѣщикомъ Жуковскимъ, обознымъ Мстиславскимъ; 1712 г. мая 30,—церковь въ с. *Юшковичахъ* помѣщикомъ Казиміромъ Каминскимъ; іюля 1—двѣ церкви въ с. *Красномъ*, Преображенская и Вознесенская, священникомъ Стефаномъ Валюжиничемъ; 1714 г. мая 15—церковь въ с. *Юрковщинѣ* помѣщикомъ Гуркой, Витебскимъ земскимъ писаремъ; іюля 30—церковь въ с. *Кожуховичахъ* помѣщиками Воловичами; 1715 г. мая 6—церковь въ с. *Хороповѣ* помѣщикомъ Георгіемъ Суходольскимъ, подстаростою Мстиславскимъ; 1716 г. апрѣля 16,—церковь въ с. *Днесинѣ* помѣщикомъ Казиміромъ Каминскимъ, каштелянцемъ Мстиславскимъ; мая 25—церковь въ с. *Вербѣ* помѣщикомъ Александромъ Величко, чашникомъ Мстиславскимъ; октября 30— церковь въ с. *Городкѣ* помѣщикомъ Гнопискимъ. Отнятія за это время происходили также и въ другихъ мѣстахъ какъ Мстиславскаго такъ и прочихъ воеводствъ Бѣлоруссіи (Бант.-Кам., тамъ же, Прилож. 2-е. стр. 371).

быть сохраняемо не нарушимымъ и не должно быть отнимаемо". Въ заключеніе рескрипта король выражаетъ увѣренность, что Сапѣги, мужъ и жена, „впередъ не допустятъ притѣсненій и вознаградятъ обиженныхъ за сдѣланныя имъ несправедливости и убытки"[1]). Но это и другія подобныя запрещенія исходили отъ короля, не имѣющаго власти въ своемъ королевствѣ, и потому обыкновенно не достигали своей цѣли.

Чтобы яснѣе видѣть характеръ политики короля Августа II въ отношеніи ко всѣмъ вообще православнымъ подданнымъ своимъ и въ частности къ Могилевской паствѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ русскому правительству, ходатайствовавшему предъ нимъ за своихъ польскихъ единовѣрцевъ, необходимо подробнѣе указать тѣ причины, отъ которыхъ зависѣла политика его въ этомъ отношеніи. Обязанный избраніемъ своимъ на польскій престолъ вліянію Россіи, новый король, повидимому, былъ подходящимъ лицомъ, для оправданія возлагавшихся на него русскимъ правительствомъ надеждъ въ отношеніи самой Россіи и польскихъ православныхъ. Воспитанъ онъ былъ въ лютеранской вѣрѣ и только впослѣдствіи перемѣнилъ ее на католическую, изъ политическихъ видовъ[2]). Уже поэтому онъ немогъ быть фанатикомъ и долженъ бы справедливо относиться къ разновѣрнымъ своимъ подданнымъ. Но оправдать надеждъ русскаго правительства и польскихъ православныхъ Августъ II, если бы даже и желалъ того, не могъ какъ въ силу общей политики Рѣчи Посполитой, обратившей насильственное искорененіе православія въ норму закона, такъ и по непостоянству и слабости характера своего, часто уступавшаго вліянію тѣхъ лицъ (изъ высшихъ представителей польской шляхты и духовенства), которыя съ особенною энергіею стремились къ этому искорененію. При самомъ вступленіи своемъ на престолъ онъ долженъ былъ, по примѣру предшественниковъ своихъ— Яна Собѣскаго, Михаила Вишневецкаго и Яна Казиміра, дать присягу въ томъ, что не представитъ ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одной должности, ни одного староства некатолику[3]). По правамъ польскимъ король ничего не могъ сдѣлать безъ сейма, а

[1]) Виленъ. Археограф. сб. докум., II, № 66, стр. 99.

[2]) Чист., Оч. З.-Р.-Ц., II, стр. 48.

[3]) Морачевскій, Польск. древности, I, 193. См. у Шолковича, Сборникъ татей. разъясн. польское дѣло, вып. 1, стр. 158.

на сеймахъ всѣ голоса были противъ схизматиковъ. На первомъ сеймѣ царствованія его, бывшемъ въ 1699 г., опредѣлено было противъ православныхъ изданіе новаго закона, по которому только уніаты допускались къ исправленію выборныхъ магистратскихъ должностей; православные же признавались неспособными къ исполненію ихъ. Православнымъ навсегда запрещалось также, наравнѣ съ евреями, жить въ Кременцѣ, самомъ торговомъ и пользовавшемся магистратскими учрежденіями, городѣ[1]). Вслѣдствіе этого распоряженія православныя церкви въ городѣ были опечатаны и духовенство было изгнано изъ него. На сеймѣ 1712 г. изданъ былъ законъ, въ силу котораго канцлерамъ запрещалось прикладывать государственную печать ко всякимъ актамъ, даже къ актамъ королевскаго помилованія, если только акты эти, прямо или косвенно, вообще или въ частности, содержали что-либо выгодное для лицъ не-католическаго вѣроисповѣданія[2]). Такимъ образомъ послѣдніе лишались покровительства закона и предоставлялись произволу враговъ вѣры своей.—Въ самыхъ личныхъ качествахъ короля не было основы для справедливыхъ и разумныхъ дѣйствій. Гуляка и развратникъ, какъ его называютъ польскіе историки, онъ думалъ болѣе объ удовольствіяхъ, нежели о дѣлѣ, и ввелъ въ польскіе нравы распущенность, какой не было до того времени[3]). Отъ короля отличавшагося такимъ личнымъ характеромъ и поставленнаго въ такую зависимость отъ закона и людей своего государства, конечно, какъ православные подданные его, такъ и само русское правительство, ходатайствовавшее за нихъ, ничего не могли ожидать, кромѣ непостоянства и несправедливости, которыя, дѣйствительно, и были во все время царствованія его господствующими въ отношеніи ко всѣмъ православнымъ подданнымъ его вообще и въ частности къ Могилевской паствѣ.

Разсылая своимъ латинскимъ подданнымъ грамоты, подобныя рескрипту къ Сапѣгамъ, съ запрещеніемъ преслѣдованія православныхъ и подтвержденіемъ правъ этихъ послѣднихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ связанный вышеприведенными конституціями и собственною присягою противъ этихъ правъ, Августъ II, находясь въ рукахъ

---

[1]) Volum. leg., VI, стр. 35, § 19 и 21,—у Шолковича, тамъ же.

[2]) Морачевскій, Польск. древ.,—у Шолковича, тамъ же.

[3]) Bobrzinskieg, Dzieje Polski. II, 254. См. Чистовича—Оч. З.-Р.-Ц., II, 49.

сейма и польскихъ вельможъ, подстрекаемыхъ іезуитами и духовенствомъ, самъ часто вынуждаемъ былъ нарушать давнія, утвержденныя его предшественниками и имъ же самимъ, права православныхъ. Уже на другой годъ (1716) послѣ замѣчательнаго въ своемъ родѣ рескрипта къ Саксонцамъ король этотъ, по происхожденію саксонецъ, доведя своихъ подданныхъ поборами на содержаніе саксонскихъ войскъ въ Польшѣ до возмущенія и принужденный вслѣдствіе того обратиться за помощью къ иностраннымъ державамъ, не только не былъ въ состояніи уважить предъявленнаго при этомъ случаѣ русскимъ посломъ Долгоруковымъ требованія возвратить православнымъ захваченныя уніатами епархіи[1]), но сдѣлалъ имъ еще большій вредъ; въ трактатѣ отъ 3 ноября того года съ русскимъ правительствомъ, въ статьѣ IV по вопросу о диссидентахъ реформатахъ въ Мазовіи, онъ утвердилъ въ неопредѣленной формѣ, безъ различія мѣстъ, постановленіе, чтобы „*церкви,* которыя послѣ и противъ древнихъ правъ *въ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и въ самыхъ даже домахъ вновь построены, были уничтожены;* также дабы тѣ, которые различнаго въ вѣрѣ мнѣнія *въ продолженіе настоящей шведской войны* никакихъ не имѣли ни публичныхъ сходбищъ и собраній, ниже говорены бы были тамо неприличныя проповѣди или бы пѣты нѣкакія духовныя вредныя пѣсни. А ежели кто дерзнетъ явно или тайно таковыя собранія для отправленія обрядовъ своея вѣры и проповѣдей заводить, таковые наказаны имѣютъ быть на первый случай денежною пенею, въ другой разъ посаженіемъ въ тюрьму, а въ третій изгнаніемъ съ ихъ проповѣдниками. Исключаются изъ сего только одни чужестранные министры, которымъ позволяется для себя и для своей свиты свободно отправлять исповѣданіе своей вѣры съ тѣмъ, однакожъ, дабы къ оному, подъ опасеніемъ помянутаго наказанія, никто не былъ допускаемъ изъ постороннихъ“[2]). Постановленіе это для православныхъ Бѣлоруссіи и прочихъ частей Польши имѣло весьма вредныя послѣдствія. Утвержденное собственно по отношенію къ Мазовецкимъ диссидентамъ и притомъ на время войны, оно распространено было на всѣхъ православныхъ Польши и *сдѣлалось,* какъ впослѣдствіи выразился о немъ императоръ Петръ I, *претекстомъ для оправданія постоянныхъ гоненій* на нихъ. Хотя въ февралѣ слѣдующаго 1717 г.

[1]) Чист., Оч. З.-Р.-Ц., II, 52.

[2]) Бант.-Кам., Истор. увіи, стр. 143, сн. 1-я.

по просьбѣ диссидентовъ не нарушать ихъ привиллегій, дарованныхъ древними конституціями, король, вопреки сильному протесту вельможъ, и повелѣлъ новымъ дипломомъ, чтобы статья IV указаннаго трактата „ни мало не вредила давнимъ вольностямъ“ диссидентовъ, но католики и уніаты не придали значенія этому диплому[1]).

При такомъ положеніи дѣла напрасны были ходатайства предъ этимъ кородемъ русскаго императора Петра Великаго за православныхъ Бѣлоруссіи по поводу особенно часто повторявшихся послѣ шведской войны жалобъ ихъ на притѣсненія и мученія отъ латинянъ.

Совершая грабежи и наѣзды возлѣ самаго Могилева, польская шляхта въ другихъ мѣстахъ епархіи для достиженія своей цѣли прямо прибѣгала къ истязаніямъ. Напр. въ 1716 году въ воеводствѣ Мстиславскомъ, въ селѣ Шамовѣ, шляхтичъ Антоній Шпилевскій, до нага раздѣвъ православнаго священника, велѣлъ привязать къ четыремъ столпамъ накрестъ и до тѣхъ поръ мучилъ его, пока не убѣдилъ сдѣлаться уніатомъ. Въ томъ же воеводствѣ шляхтичъ Ѳеодоръ Голынскій „многажды попа, въ кіи продѣвъ шестъ сквозѣ обѣ руки и ноги, къ томужъ шесту заворачивая, вязалъ, принуждая до уніи, наконецъ его выгналъ, а уніата поставилъ“[2]).

Вскорѣ послѣдовала общая жалоба Петру Великому отъ православныхъ Литвы и Бѣлоруссіи на невыносимыя притѣсненія, претерпѣваемыя ими за вѣру свою отъ католиковъ и уніатовъ, насильно принуждавшихъ къ уніи. Въ началѣ 1718 г. одновременно съ тѣмъ, когда Петръ узналъ о составленіи іезуитами проэкта объ окончательномъ истребленіи православія въ Рѣчи Посполитой, настоятели и настоятельницы православныхъ Литовскихъ и Бѣлорусскихъ монастырей прислали къ нему слѣдующую челобитную: (по титулѣ): „Бьютъ челомъ богомольцы твои отъ всѣхъ благочестивыхъ монастырей Литовскихъ и Бѣлорусскихъ мужскихъ и дѣвичьихъ игумены со всею о Христѣ братіею и игуменьи со всѣми сестрами, имянножъ: Виленскаго, Евейскаго, Крайскаго, Брестскаго, Слуцкаго, Минскаго;

[1]) Тамъ же, стр. 144.

[2]) Бант.-Кам., Ист. изв. о уніи, докум. сноска 1, стр. 184, 185; ср. Прилож. въ томъ же соч., стр. 357. Другіе примѣры подобныхъ насилій въ Могилевской епархіи какъ за это и даже болѣе раннее, такъ и за послѣдующее время епископствованія Сильвестра Четвертинскаго будутъ видны изъ документовъ, приводимыхъ ниже.

Бѣлорусскихъ же: *Кутеинскаго, Буйничскаго, Мстиславскаго, Соломерецкаго, Марковскаго, Могилевскаго, Шкловскаго, Горецкаго, Полоцкаго, Друцкаго, Дисенскаго, Крыжборскаго, Невельскаго, Вохарскаго, Гривенскаго,* и прочихъ многихъ мужескихъ пустынножительныхъ въ княжествѣ Литовскомъ обрѣтающихся; да дѣвичьихъ: *Кутеинскаго* жъ, *Баркалабовскаго, Мазаловскаго, Костюковскаго,* и прочихъ многихъ пустынножительныхъ же дѣвичьихъ монастырей, о благочестіи святомъ, которое поляки всеконечно хотятъ во всемъ государствѣ своемъ Польскомъ и великомъ княжествѣ Литовскомъ искоренити, и на сеймѣ Варшавскомъ унію вездѣ конституціею укрѣпити. Понеже въ государствѣ польскомъ ни единой монастырь или приходская церковь во благочестіи обрѣтается, но всѣ нуждою и насиліемъ превращены уже на унію; а въ великомъ княжествѣ Литовскомъ токмо сіи вышеписанные монастыри, великое и нестерпимое гоненіе день отъ дня и часъ отъ часа терпяще, православіе святое съ великою борьбою и преніемъ о вѣрѣ восточной православно-католической сохраняютъ, прочіе же премногіе уже принуждены суть на унію. И аще въ нынѣшнее нужное гонительное время отъ Вашего Царскаго пресвѣтлаго Величества, единаго намъ по Бозѣ упованія, яко крѣпкаго помощника и заступника о православіи восточномъ, вскорѣ не получимъ помощи, то весьма, яко въ королевствѣ Польскомъ истреблено, также и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, отъ древле насажденное благочестіе въ конецъ искоренится, и всегдашнее о здравіи Вашего Величества богомоліе весьма престанетъ. А монастыри, которые отъ благочестивыхъ создателей построены, и изъ начала Кіевской митрополіи во всякихъ духовныхъ и судовыхъ дѣлахъ подчинены, на костелы и унію превращены будутъ; намъ же богомольцамъ вашимъ, оные оставивши, въ различныя страны разбѣгнутися нужда будетъ отъ насилія многихъ указовъ гетманскихъ, бывшаго маршалка конфедерацкаго и его канцеляріи, нестерпимыхъ и податей стократно сугубыхъ, которыми убогія обители наши православныя въ конецъ разоряютъ, дабы насъ отъ вѣры благочестивыя принужденіемъ презельнѣйшимъ отвратити возмогли, яко уже нынѣ многіе монастыри сильно на унію превращены, и нашъ *Міорскій* монастырь, *Кутеинскому* послушанію приписанный, сильно на плебанію отняли, а у насъ нынѣ всѣ крѣпости на тотъ монастырь въ *Кутейнѣ* суть; такожде и *Лукомскій,* тому нынѣ четвертый годъ, от-

няли жъ на унію и двумъ іеромонахамъ головы и бороды совсѣмъ дочиста обрили, самихъ нещадно бивъ, замертво вонъ съ монастыря за ноги стягнули, отъ нихъ же единъ, именемъ Варлаамъ, преставися[1]).

„Всемилостивѣйшій Государь! просимъ Вашего Величества, чтобъ державство Ваше повелѣли къ королю Польскому Августу II, и Рѣчи Посполитой Коронной и Литовской писать, или именно къ полномочному послу своему, дабы онъ, съ крѣпкимъ на сеймѣ, или безъ сейма, гдѣ надлежитъ, договоромъ утвержденіе благочестія святаго укрѣпилъ и въ приговорныя книги вписалъ, а унію бы сеймовою конституціею утвердити и написати въ тѣхъ нашихъ монастыряхъ не попустилъ, и оные бы державство Ваше въ свою протекцію взялъ, и грамоту свою Царскую имъ на защищеніе отъ поляковъ и уніатовъ о свободномъ благочестія святаго состояніи, а православія врагамъ и ненавистникамъ страха ради дать повелѣлъ, со вписаніемъ въ ней всѣхъ тѣхъ вышеписанныхъ монастырей; ибо они зѣло имени Вашего Царскаго ужасаются и трепещутъ; и дабы статьи о вѣрѣ въ приговорныхъ книгахъ написанной не повреждали вѣчно, а монастыри на унію отнятые пока во благочестіе свято превращены-бъ были. Вашего Величества всегдашніе богомольцы игумены вышеписанныхъ монастырей. 1718, января 20. Къ сей челобитной, вмѣсто всѣхъ благочестивыхъ монастырей Литовскихъ и Бѣлорусскихъ игуменовъ и игуменій по ихъ упрошенію, *Мелетій Чайковскій*, игуменъ Кутеинскій, руку приложилъ“[2]).

Уважая просьбу угнетаемыхъ монастырей, русскій Государь, отъ 9-го марта того же 1718 года, отправилъ къ польскому королю Августу II грамоту, въ которой требовалъ, чтобы онъ не дозволялъ нарушать преслѣдованіемъ православнаго населенія Польши заключенный съ Россіею договоръ вѣчнаго мира, и въ сильныхъ выраженіяхъ напоминалъ королю, что насиліе въ дѣлѣ вѣры и совѣсти, которыя „ни какому государю, но единому токмо Богу подлежатъ“,— противно не одному только договору вѣчнаго мира, но и „всенародным правамъ“. Кромѣ того русскому послу въ Варшавѣ, князю

[1]) Подробнѣе объ отнятіи на унію Лукомскаго и Міорскаго монастырей сказано въ меморіалѣ русскаго правительства къ польскому, о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Бант.-Кам., Истор. изв. о уніи, докум. подъ сн. 1, стр. 144—146; Сб. докум., уясняющ. отн. лат.-пол. проп. къ рус. вѣрѣ и народ., вып. 2-й, № XXIX.

Долгорукову, рескриптомъ отъ 10 марта предписано было: при подачѣ этой Государевой грамоты сдѣлать сильное представленіе королю и чинамъ Рѣчи Посполитой о томъ, чтобы на основаніи договора вѣчнаго мира всѣ православные монастыри и церкви, отъ которыхъ прошеніе прислано и прочіе, находящіеся въ Польшѣ, свободны были отъ всякихъ стѣсненій и принужденій къ уніи,— требовать, чтобы тѣмъ изъ нихъ, которые насильно совращены въ унію, возвращено было право по прежнему свободно исповѣдывать свою вѣру, и наконецъ—объявить королю, примасу, польскимъ сенаторамъ и министрамъ, что Его Царское Величество на будущее время не можетъ снести, чтобы православіе въ Польшѣ, вопреки договору вѣчнаго мира, было гонимо. На такое ходатайство русскаго государя за православныхъ, отъ польскаго правительства не только не послѣдовало никакого удовлетворенія, но даже и отвѣта не дано было[1]).

Вмѣсто полученія удовлетворенія на свое требованіе отъ польскаго короля, Государь въ скоромъ времени, отъ 28 іюля того года, получилъ еще жалобу отъ Гомельскаго старосты, Николая Красинскаго, на свою мачиху, которая „насильно больнаго отца его принудила принять римскій законъ, ему же Николаю за то, что онъ не склонился принять римскаго закона, бѣдства и разоренія великія причинила и старается она всякими образы лишить его отеческаго наслѣдія“,—захватила одну церковь въ Гомелѣ и, выгнавъ изъ нея протопопа, обратила ее на унію, что и съ остальными православными церквами въ Гомелѣ угрожаетъ сдѣлать[2]). По этому случаю Петръ I снова, рескриптомъ отъ 21-го октября того же года, предписывалъ тому же послу своему въ Варшавѣ, чтобы онъ повторилъ свое представленіе правительству Польши объ освобожденіи православныхъ отъ всякихъ притѣсненій и, „ежели тому старостѣ Гомельскому отъ его мачихи приключится какая трудность и насильственная обида, именемъ Нашимъ за него пристойнымъ образомъ заступать и предстательствовать, дабы онъ для благочестія напрасно не былъ обиженъ; особливо же, требовалось отъ посла въ

[1]) Бант.-Кам., Ист. изв. о уніи, стр. 146—148.

[2]) Преосвященный Сильвестръ просилъ Виленскаго епископа возвратить эту церковь православнымъ и хотя доказывалъ, что она никогда не принадлежала уніи, ссылаясь на королевскую привиллегію и показанія подъ присягою шляхты и мѣщанъ, но старанія его были напрасны (тамъ же, прилож., стр. 363).

рескриптѣ, предостерегать вамъ на сеймѣ, дабы поляки чего тягостнаго вновь о благочестивыхъ греческаго исповѣданія въ Польшѣ и Литвѣ обрѣтающихся людяхъ ради превращенія ихъ къ уніи не постановили“ [1]).

Событія вскорѣ показали, что ходатайства эти русскаго государя и посла его въ Варшавѣ нисколько не облегчили участи православныхъ; напротивъ положеніе ихъ и вообще диссидентовъ Польши вступило въ фазисъ еще болѣе худшій. Гоненія на православныхъ усиливаются до того, что 1720 года отъ 1-го апрѣля къ Петру Великому принужденъ былъ отправить подробную жалобу на притѣсненія отъ латинянъ самъ преосвященный Могилевскій Сильвестръ Четвертинскій.

1) „Не обрѣтается подъ солнцемъ,—писалъ онъ,—утѣсненіе, каковое отъ вѣковъ давныхъ распространяющаяся древняя вѣра греко-россійская въ странахъ короны польской и великаго княжества литовскаго давно терпитъ напрасно; и воспоминать не довлѣетъ о всемѣрныхъ надежностяхъ, многими законами и уложеніями установленныхъ о вѣрѣ православной и совершенно описанныхъ, когда ни во единомъ пунктѣ установленія справедливости не узнаемъ, ниже пріемлемъ основанія, но и паче день ото дня чрезъ разные вымышленные способы до крайняго приводятъ насъ оскудѣнія, и часть оставшуюся цвѣтущаго православія разорить тщатся.

2) „Изъ заключенныхъ условій вѣчнаго между Россіею и Польшею мира явные доводы имѣемъ: что четыремъ епископамъ православнымъ въ странѣ здѣшней обрѣтатися надлежало, какъ то: Львовскому, Луцкому, Перемышльскому и Могилевскому или Мстиславскому, изъ которыхъ отъ непрестаннаго и неописаннаго отягченія одинъ токмо православный въ Могилевѣ еще держится единаго, точію ожидая ежечасно милостиваго монаршескаго призрѣнія и помощи.

3) „Тоже епископство Могилевское едва не во узахъ обрѣтается подъ видомъ вольности; понеже что было разныхъ церквей православныхъ, къ управленію онаго надлежащихъ, сіе все чрезъ мучительскіе побои, наѣзды, насильственныя у священниковъ отнятія на унію превращено; напослѣдокъ собственныя усадьбы къ монастырю Кіевопечерскому надлежащія изстари, за четверть мили

[1]) Бан.-Кам., Ист. изв. о уніи, стр. 149.

отъ Могилева обрѣтающіяся, чревъ силу неправедную ксендзы, кармелитане Могилевскіе отняли и къ своему присвоили стяжанію.

4) „Знатное и въ томъ мы претерпѣли разореніе, когда чрезъ нѣсколько лѣтъ, по ассигнаціямъ господъ гетмановъ, принуждаемы были тяжкія платить денежныя суммы; и къ тому жъ, хотя въ маетностяхъ епископства Бѣлорусскаго крестьянъ нѣсколько и обрѣталося, но и тѣ всѣ разогнаны; а ксендзы римскіе отъ всякой тягости свободны пребываютъ.

5) „Не нужно долгаго умысловъ противной стороны чинить изъясненія; довольно явно есть изъ сейма новаго уложенія, во время прешедшей недавно конфедераціи въ 1716 году окончаннаго, гдѣ написано: *кто не согласуетъ съ костеломъ римскимъ, штрафамъ въ той же конституціи изображеннымъ подлежать имѣетъ*[1]); и когда часъ отъ часу съ такими публичными статьями на разореніе православія вызываются, воистину впредь въ своемъ намѣреніи болѣе распространяться могутъ.

6) „Нарушенія и несодержаніе столь многихъ конституцій, основательно о вольности греко-россійской вѣры описанныхъ, заслуживаютъ особое вниманіе.

7) „Изъ таковыхъ гоненій и нападеній вновь нынѣ сдѣлалося въ Мстиславлѣ сего 1720 года, февраля въ 12 день, съ воли господина Линдорфа, старосты Мстиславскаго, который церковь св. Николая въ замкѣ Мстиславскомъ на унію превратить тщался, и уже ксендзы ихъ римскіе со всякими орудіями, т. е. органами и проч. вступили было. О семъ Вашему Царскому Величеству донося, прибѣгаемъ: ежели въ нынѣшнее время Величество Ваше, какъ собственный по Бозѣ праведный оборонитель свободъ вѣры святой, изъ сей непріятелей нашихъ не воздвигнетъ насъ погибели, и на предбудущемъ сеймѣ особливымъ домогательствомъ чрезъ посла у Рѣчи Посполитой сего предупреждено не будетъ, дабы древнія конституціи нарушаемы не были, и чтобъ всѣ церкви, которыя на унію отняты, по прежнему были возвращены; то да сохранитъ Богъ православіе отъ слѣдующихъ опасностей.

8) „И хотя не мало отъ Вашего Величества князю Долгору-

---

[1]) Въ такомъ смыслѣ постановлена была въ этомъ (1716) году, вышеприведенная нами, статья IV о Мазовецкихъ диссидентахъ въ трактатѣ, заключенномъ отъ 3-го ноября съ русскимъ правительствомъ.

кову (послу въ Варшавѣ) дано експедиціи къ королю; однако мы никакого на то нарочитаго не получили доселѣ рѣшенія, ни помощи, но еще болѣе за то насъ гонятъ, разоряютъ и къ уніи насильно принуждаютъ; также по воеводствамъ и уѣздамъ чрезъ публичныя грамоты всѣмъ клевещутъ, дая полную мочь митрополиту уніатскому Кишкѣ, дабы насъ насильно всѣхъ въ унію привелъ; и того ради мы не дерзали во время нынѣшняго сейма болѣе просить князя Долгорукова, понеже всѣхъ нашихъ прошеній копіи обрѣтаются у бискупа Куявскаго и у прочихъ министровъ королевскихъ, и насъ въ наибольшемъ подозрѣніи за то имѣютъ не токмо духовныхъ, но и мірскихъ православныхъ; ибо г. Трипольскаго, не вѣдая, что онъ есть православной вѣры, приступили быть посломъ, а потомъ хотѣли было онаго отставить; а иныхъ нашихъ православныхъ прилѣжно смотрѣно, дабы не были послами на сеймѣ.

9) „Не престаетъ по сей день въ слезныхъ молитвахъ къ вышнему престолу о благополучныхъ его Царскаго Величества поступкахъ прошеніе въ малѣйшемъ семъ собранія православнаго останкѣ, купно и вящшее изъ сего вѣчнаго мира съ Рѣчью Посполитою быть можетъ содержаніе, когда не токмо шляхта въ православіи обрѣтающаяся при всякихъ достоинствахъ и чести своей, наипаче же вольностяхъ безъ всякаго препятствія соблюдена будетъ, но и мѣщане православные въ городахъ королевскихъ въ чины магистратскіе равно съ уніатами допущены будутъ; а притомъ и епископство Бѣлорусское оставшееся, дабы такимъ же было предохранено способомъ.

10) „Дабы церкви и монастыри православные, въ Литвѣ и Польши обрѣтающіеся, чрезъ насильство или непостоянство игуменовъ на унію съ 1700 г. превращенные, были вновь въ расположеніе православное отданы съ тѣмъ, что уже оттуду никакою мѣрою принуждены быть и отойти не имѣютъ; и потому кто бы отъ сего времени изъ игуменовъ вѣры православной похотѣлъ сдѣлаться уніатомъ своею собственною волею, дабы маетности, имѣнія, церкви и монастыри за нимъ въ унію емлемы не были.

11) „Дабы взаимно вольность была римлянамъ и уніатамъ по званію быть и принимать православіе безъ всякаго штрафа, въ правахъ описаннаго, и помѣшательство бы въ моленіяхъ и порядкахъ греко-россійскихъ не чинилось съ презрѣніемъ или руганіемъ ду-

ховныхъ особъ; ибо такіе штрафованы быть имѣютъ по праву, о убійцахъ и насильникахъ описанному; а ежели бы кто къ православнымъ особамъ о чемъ ни есть имѣлъ требованіе, тогда предъ судомъ королевскимъ по указу вѣдаться долженъ, уничтожая всѣ прошенія, прежде и послѣ въ иныхъ сужденіяхъ на письмѣ сдѣланныя и полученныя.

12) „Маетности епископства Бѣлорусскаго, также монастырей и церквей въ Литвѣ и Польшѣ обрѣтающихся, отъ всякихъ отягченій солдатскихъ и податей особливыхъ по праву, о имѣніяхъ земскихъ шляхетскихъ писанному, дабы освобождены были.

13) „Соборы духовные и мірскіе, для удержанія интересовъ православныхъ собирающіеся, вольные да будутъ, и коммисаровъ православныхъ какъ въ маетностяхъ королевскихъ, такъ и земскихъ дабы принимать, оставляя всѣ пункты конституцій противныхъ вѣрѣ православной, что оныя вредительны быти не имѣютъ; епископомъ же православнымъ имѣть въ сенатѣ сидѣніе съ вольною дѣльностію было бы позволено.

14) „Просятъ нижайше чинъ шляхетскій, купеческій и духовный православный Вашего Царскаго Величества милости, помощи и протекціи, дабы подъ присягою подтвержденнымъ древнимъ съ Рѣчью Посполитою трактатомъ въ конференціи съ нынѣшнимъ Рѣчи Посполитой посломъ сіи пункты могли быть предложены и описаны для конституціи впредь будущаго сейма. Понеже нынѣ римляне, видя благополучныя и счастливыя Его Царскаго Величества поведенія, не смѣютъ насъ публично вдругъ искоренить: но однакожъ частно насъ гонятъ, устрашаютъ и при судахъ приватныхъ въ дѣлахъ разныхъ доводятъ, что конституція сейма Варшавскаго во время конфедераціи о диссидентахъ сдѣланная, и до насъ надлежитъ, въ которой всѣ давнія конституціи о аріанахъ и еретикахъ, прежде сего постановленныя, поновляютъ. Чего ради мы нижайше просимъ, дабы сія статья прошенія нашего въ тайнѣ канцелярія Вашего Царскаго Величества сохранила“[1]).

Вслѣдствіе этой жалобы преосвященнаго Государь по всѣмъ статьямъ ея поручилъ Мазовецкому воеводѣ, Хоментовскому, бывшему тогда въ Россіи посломъ отъ Рѣчи Посполитой, домогаться

[1]) Бан.-Кам., Ист. изв. о уніи, стр. 150—154. Сб. док. лат.-польск. проп., вып. 2-й, № XXXI.

удовлетворенія у своего правительства; русскому же послу въ Варшавѣ, князю Долгорукову, особымъ рескриптомъ отъ 24 іюля того же (1720) года повелѣно было сдѣлать на предстоящемъ сеймѣ сильныя представленія о всѣхъ гоненіяхъ и обидахъ епархіямъ, монастырямъ и церквамъ греческаго исповѣданія съ тѣмъ, чтобы на будущее время всѣ они, согласно договорамъ между россійскою имперіею и польскимъ королевствомъ, свободны были отъ всякаго утѣсненія. При этомъ Хоментовскому для представленія своему правительству вручень былъ пространный меморіалъ о несносныхъ притѣсненіяхъ и обидахъ православнымъ Польши и Литвы[1]). Въ меморіалѣ послѣ указанія на вѣроломство Польши, поправшей договоръ 1686 г. насильственнымъ совращеніемъ въ унію не только церквей и монастырей, но и цѣлыхъ епархій, исчисляются тѣ доподлинно извѣстныя русскому правительству отнятія церквей на унію и гоненія, которыя въ недавнее время (особенно за послѣднее пятилѣтіе, съ 1715 по 1720 г.) потерпѣла и единственная, оставшаяся въ православіи, епархія Бѣлорусская, „чему въ примѣръ объявляются токмо нѣкоторыя, а имянно“[2]):

4) »Съ 1715 по сей 1720 годъ въ Бѣлорусской епархіи въ разныя времена отъ разной шляхты, ксендзовъ и уніатовъ превра-

---

[1]) Бан.-Кам., тамъ же, стр. 155 и дал.

[2]) Изъ *десяти* пунктовъ первой половины меморіала мы приводимъ только 4-й, прочіе же пункты: 1)—объ отнятіи католиками на унію „предъ 25 годами“, т. е. въ 1795 г., мужескаго монастыря *Міорскаго*, приписаннаго къ Оршанскому Кутеинскому, 2)—объ истязаніи въ 1714 г. священника села Шамова, Мстиславскаго воеводства, шляхтичемъ Шишлевскимъ, 3)—о захватѣ на унію въ 1715 г. княземъ Лукомскимъ въ Оршанскомъ повѣтѣ монастыря *Лукомскаго*, истязаніяхъ братіи этого монастыря и игумена, отъ которыхъ онъ скончался, 5)—объ отнятіи *церкви св. Николая въ Гомелѣ* мачихою старосты Краснинскаго, 6)—о притѣсненіяхъ тяжкими денежными налогами (см. жалобу преосв. Сильвестра Петру В., п. 4-й), 7)—о захватѣ у преосв. Сильвестра дачи Печерска (тамъ же п. 3-й), 8)—о нападѣ старосты Линдорфа на *церковь св. Николая въ Мстиславлѣ* (тамъ же, п. 7-й), 9)—о насильственномъ обращеніи православныхъ въ унію уніат. митроп. *Кишкою* (тамъ же, ср. п. 8-й), и, наконецъ, 10)—о лишеніи православныхъ всѣхъ сословій разныхъ правъ, которыми пользуются въ государствѣ латиняне (тамъ же, ср. п. 8, 9, 13 и друг.),—всѣ эти пункты меморіала мы опускаемъ, такъ какъ въ нихъ говорится о такихъ фактахъ насилія, которые были уже приведены выше въ разныхъ мѣстахъ и документахъ нашей статьи (особенно въ жалобѣ преосв. Сильвестра Петру I). Для избѣжанія повторенія мы будемъ опускать также и въ послѣдующихъ документахъ тѣ факты насилія, о которыхъ было уже говорено въ документахъ вышеприведенныхъ.

щено насильно церквей на унію: въ маетностяхъ княгини Нейбургской въ мѣстечкахъ *Невль*, *Себѣжъ*, *Копыси* и въ селахъ *сорокъ* церквей;—въ экономіи Могилевской въ селахъ *Гладковъ*, *Куровщизнѣ*, *Благовичахъ*, *Прудку*, *Плещицахъ пять* церквей;—въ маетностяхъ каштеляна Витебскаго *Оршанскаго*, въ селахъ *Микулинѣ*, *Лiознѣ*, *Врулѣ*[1]) и въ волости *Любавицкой пять* церквей;—въ повѣтѣ *Оршанскомъ* въ разныхъ шляхетскихъ маетностяхъ *двадцать* церквей. Священники же тѣхъ церквей греческаго исповѣданія, которые не похотѣли уніи принять, отогнаны прочь, а иные, не хотя лишиться домовъ своихъ и пропитанія, принуждены отъ великаго насилія противъ воли своей принять унію, и при тѣхъ церквахъ остались.“ Къ перечисленію обидъ и насильственныхъ захватовъ на унію, *извѣстныхъ* русскому правительству, въ меморіалѣ добавлено: *„Сверхъ сего есть и иныя многія* греческаго исповѣданія монастырямъ, церквамъ и людямъ *гоненія сему подобныя*, которыхъ и описать не можно, и *о чемъ здѣсь подлинно извѣстія не имѣется.*“ Въ заключеніе, меморіалъ соотвѣтственно всему вышеизложенному въ немъ и согласно съ содержаніемъ жалобы преосвященнаго Сильвестра предлагаетъ напяснѣйшей Рѣчи Посполитой для удовлетворенія въ 10-ти пунктахъ рядъ требованій о возвращеніи православнымъ отнятыхъ на унію епархій, монастырей и церквей,—о полной равноправности православнаго населенія съ прочими жителями королевства и о немедленномъ назначеніи отъ его королевскаго величества коммиссіи „для лучшаго освидѣтельствованія помянутыхъ обидъ и возвращенія отнятыхъ насильемъ епископовъ, монастырей и церквей, при чемъ Его Царское Величество желаетъ, дабы при той коммиссіи и Его коммиссаръ былъ, чтобъ о томъ подлинная инквизиція, и о всемъ совершенное удовольство, по силѣ мирныхъ договоровъ, учинено было“[2]).

Настойчивость и сильныя представленія русскаго правительства предъ польскимъ, на этотъ разъ, повидимому, произвели желаемое дѣйствіе. Для удовлетворенія неотступныхъ требованій

---

[1]) С. И. Соколовъ, бывшій преподаватель Могил. дух. семинаріи, приводя этотъ меморіалъ въ статьѣ своей: „Историческіе матеріалы о православной Церкви въ Могилевской губерніи“, напечатанной въ Могил. Губ. Вѣд. за 1846 и 1847 гг.,—подъ Куровщизной разумѣетъ *с. Коровчино*, а подъ Врулей—*с. Рудню*.

[2]) Бант.-Кам., тамъ же, докум. сп. 1-я, на стр. 155—163.

Россіи польскій король въ ноябрѣ того же 1720 года вынужденъ былъ издать въ защиту оставшейся Бѣлорусской епархіи и Литовскихъ монастырей и церквей, „къ оной епископіи принадлежащихъ“, слѣдующую привиллегію: „Объявляемъ симъ нашимъ нынѣшнимъ привиллегіемъ всѣмъ обще и каждому особно всякагожъ достоинства какъ духовнаго, такъ и мірскаго чина Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго и всѣхъ къ онымъ принадлежащихъ провинцій людямъ, кому о томъ вѣдати надлежитъ и надлежати будетъ: что Мы, слѣдуя пресвѣтлѣйшихъ предковъ нашихъ королей Польскихъ и великихъ князей Литовскихъ, наипаче же содерживая данные отъ нихъ дипломы о свободности содержанія закона церкви старо-греческой... въ своей важности и силѣ, и по обыкновенной нашей Королевской милости желая имѣть ненарушенныя права ихъ и всякія обыкновенныя церемоніи, прерогативы противу древняго употребленія и обычности, духовнымъ и мірскимъ людямъ принадлежащія, какъ генерально всѣмъ, такъ и каждому партикулярно, а именно: Епископію *Бѣлорусскую, Мстиславскую, Оршанскую и Могилевскую* съ двумя главными Епископскими церквами, въ Мстиславлѣ *Святой Троицы*, въ Могилевѣ *Святаго Спаса*, со всѣми церквами во всемъ княжествѣ Литовскомъ, *къ оной епископіи принадлежащими*, особливо же монастыри Ставропигіальные и прочіе противъ правъ и привиллегій имъ данныхъ... такожъ монастырь *Кутеинской Оршанской* Богоявленія Господня съ прочими монастырями, къ оному принадлежащими; *Могилевской* Братской Богоявленія Господня; *Марковской* Св. Троицы въ Витебскомъ воеводствѣ съ церквами, къ оному принадлежащими; *Буйницкой* Св. Духа; *Тупичевской* Мстиславской Св. Духа“... Далѣе въ привиллегіи въ числѣ прочихъ православныхъ монастырей упоминаются мужскіе монастыри: *Шкловскій, Борисовскій, Невельскій, Охорскій* (въ подлинникѣ: Вохорской), и женскіе: *Оршанскій-Кутеинскій, Барколабовскій,* два Могилевскіе—*Братскій*[1]) и *Никольскій, Мазоловскій, Шкловскій* и *Костюковскій*. О всѣхъ этихъ и прочихъ православныхъ монастыряхъ Бѣлорусскихъ и Литовскихъ въ при-

[1]) Женскій Братскій монастырь, упраздненный въ 1798 г. по представленію Могилевскаго преосвященнаго Аѳанасія Волховскаго, находился на Шкловской улицѣ противъ мужскаго Братскаго монастыря; помѣстье его отдано было въ пользу духовной семинаріи, а теперь передано епархіальному духовенству подъ предположенную постройку на немъ дома общежитія для воспитанниковъ семинаріи.

виллегіи заявлялось: „апробуемъ и ратификуемъ всякія ихъ прерогативы, увольненія, церемоніи церковныхъ таинствъ, такожъ на каждомъ мѣстѣ и больнымъ посѣщеніе и погребеніе умершихъ. Маетности же ихъ монастырскія, всякія земли и поселенныя усадьбы и людей, въ оныхъ живущихъ, при вольномъ содержаніи закона и безопасности ни отъ кого помѣшательства противу правъ, привиллегій и конституцій и древнихъ обыкновеній во всемъ содержати хощемъ; и все то, что отъ пресвѣтлѣйшихъ предковъ нашихъ и Рѣчи Посполитой къ безопасному отправленію церковныхъ таинствъ, къ цѣлости ихъ доходовъ и къ вольности духовнымъ особамъ греческаго древняго закона въ обществѣ и принадлежности есть позволено, все то въ непарушимой силѣ содержать желаемъ и нынѣшнимъ согласнымъ дипломомъ Нашимъ утверждаемъ, о чемъ дабы всѣмъ было извѣстно всякихъ чиновъ Нашихъ людямъ повелѣваемъ, дабы подтвердительно сей нашъ дипломъ вездѣ принятъ былъ къ записанію въ книги (изъ которыхъ екстрактомъ былъ бы выданъ), которой подписавъ рукою Нашею, печатью Великаго Княжества Литовскаго утвердить повелѣли Мы“[1]).

По обнародованіи этой привиллегіи русское правительство могло надѣяться, что наконецъ-то многолѣтнія и многочисленныя представленія его предъ правительствомъ Польши въ защиту православныхъ подданныхъ ея достигнутъ своей цѣли; православные же Бѣлоруссіи и Литвы, обрадованные такою милостію короля, благодарили канцлера графа Головкина, содѣйствовавшаго дарованію привиллегіи и, выставляя выказанныя въ этомъ дѣлѣ заслуги и усердіе переводчика при русскомъ посольствѣ въ Варшавѣ, Игнатія Рудаковскаго, который „денно и нощно во время нынѣшняго сейма Варшавскаго прилѣжнѣйшимъ стараніемъ домогся наконецъ и исторгнулъ отъ короля помянутую привиллегію, каковой отъ многихъ лѣтъ они получить не могли“,—просили назначить Рудаковскаго коммиссаромъ или резидентомъ, „дабы онъ могъ не токмо пріѣзжать для осмотра благочестія святаго въ Польшѣ и Литвѣ обрѣтающагося, и не допускать до отнятія насильно церквей благочестивыхъ и превращенія оныхъ на унію, но и заступать благочестивыхъ въ трибуналахъ и судахъ духовныхъ“. Просьба эта была уважена[2]).

[1]) Бан.-Кам., тамъ же, докум., сп. 1, стр. 163—165.

[2]) Бант.-Кам., стр. 165—166 и Чистов., Оч. Ист. З.—Р. Ц., II, 56.

Скоро событія показали, что надежды русскаго правительства на удовлетвореніе требованій своихъ отъ правительства Польши въ дѣлѣ защиты православныхъ и радость этихъ послѣднихъ о привиллегіи были напрасны. Какъ извѣстно, въ томъ же 1720 году, мѣсяца за три до изданія привиллегіи, на соборѣ въ Замостьѣ, происходившемъ съ 26 августа по 17 сентября, унія провозглашена была единственною законною греческою церковію въ Польшѣ; всѣ епархіи, монастыри и церкви, захваченныя уніатами, объявлены законно принадлежащими уніи, въ отношеніи же епархіи Бѣлорусской, а также монастырей и церквей, остающихся внѣ уніи, положено было принять мѣры къ обращенію на унію. И дѣйствительно, съ этого времени гоненія еще болѣе усиливаются. „Послѣ 1720 года, говорится въ „Историч. извѣстіи о возникшей въ Польшѣ уніи“[1]), ксендзы и шляхта *паче и паче возъяряся* не малое число благочестивыхъ церквей отобрали на унію, со многою православнымъ обидою и напастьми“. Несомнѣнно, что обиды и напасти эти еще болѣе и раньше того усилились бы, если бы за единовѣрцевъ своихъ не вступалось русское правительство, которое хотя и не достигало у Рѣчи Посполитой исполненія своихъ требованій на дѣлѣ, тѣмъ не менѣе, какъ правительство сильнаго государства, не могло не внушать преслѣдователямъ боязни, сдерживающей до нѣкоторой степени ихъ пылъ. Свидѣтельствомъ этому можетъ служить, напримѣръ, слѣдующая характерная жалоба, посланная Рудаковскому, отъ 21 іюля 1721 г., игуменомъ Невельскаго монастыря: „Мы духовные и весь городъ нижайше просимъ, изволь подать намъ бѣдствующимъ совѣтъ и помощь и защитить насъ отъ льва рыкающаго, и денно и нощно поглотити насъ умышляющаго, который ежели укрощенъ не будетъ, то впредь не токмо имѣній, но и имени нашего не останется, *и сіе давно бы уже сдѣлалося, ежели бы не опасались имѣющей быть* (по настоянію русскаго правительства) *коммиссіи*, которой мы всеохотнѣйше ожидаемъ, дабы могли вѣдать, жить ли намъ или уходить отъ такого дѣннаго и нощнаго мученія“...[2])

Побуждаемые постановленіемъ Замостьскаго собора и воодушевленные идеями полонизма, выраженными въ извѣстномъ іезуит-

[1]) Бант.-Кам., Прилож., стр. 264.

[2]) Бант.-Кам., Историч. изв., стр. 166.

скомъ проэктѣ, латиняне съ 1720 г. съ особеннымъ усиліемъ направляютъ преслѣдованія свои на Бѣлорусскую епархію, какъ на единственную православную епархію Польши, стараясь уничтожить ее совращеніемъ въ унію. Фанатизмъ преслѣдователей доходитъ до такой степени, что въ 1721 г. въ самомъ центрѣ епархіи, Могилевѣ, іезуиты съ своими студентами, войдя въ Братскую Богоявленскую церковь во время отправленія вечерни, избили монаховъ и, разсыпавши въ алтарѣ запасную евхаристію, ругались надъ Святыми Тайнами [1]). Въ прочихъ мѣстахъ епархіи разные шляхтичи и уніатскіе попы, причиняя православнымъ всевозможныя несправедливости и жестокости, принуждали ихъ идти въ свои суды, гдѣ, осудивши по своей волѣ, ставили приговоры: „ловить и убивать до смерти“ [2]).

Наряду съ мірянами и духовенствомъ, претерпѣвшими насильственное отнятіе имущества, заключеніе въ тюрьмахъ, побои, раны и даже смерть [3]), латиняне не щадили имущества и самаго преосвященнаго Сильвестра и даже стали посягать на жизнь его. Изъ жалобы преосвященнаго Петру Великому, мы уже видѣли, что архіерейская дача Печерскъ была отнята у него еще до 1720 г. Въ 1722 году начальство Могилевскаго замка, обративши на унію церковь въ селѣ Мошенакахъ (въ 25 в. отъ Могилева), вмѣстѣ съ тѣмъ и фольваркъ, принадлежащій архіерейскому дому, съ крестьянами, землею, засѣвомъ, скотомъ и прочимъ имуществомъ отобрало себѣ, не смотря на привиллегіи королей польскихъ, „издревле Бѣлорусскимъ епископамъ наданныя на ту церковь и фольваркъ съ землею, въ осьми волокахъ состоявшею, съ которыхъ волокъ оные епископы Бѣлорусскіе въ казну Рѣчи Посполитой подымное и прочіе подати ежегодно оплачивать принуждены были съ своихъ денегъ.“ Одновременно съ тѣмъ и загородный домъ въ томъ же селѣ, лично принадлежавшій преосвященному Сильвестру, съ крестьянами, которые ему и предкамъ его пожалованы были отъ королей польскихъ, „безъ позыву суда и безъ опредѣленія, съ переписными книгами и

---

[1]) Тамъ же, Прилож., стр. 364; Вилен. Арх. сб., V, стр. 84.

[2]) Баит.-Кам., Прилож., стр. 359.

[3]) Факты этихъ насильственныхъ дѣйствій видны будутъ изъ ниже приводимыхъ документовъ.

со всѣмъ движимымъ имѣніемъ насильственно отнять“[1]). Постановляя въ судахъ своихъ смертные приговоры православнымъ мірянамъ и простому духовенству епархіи, латиняне сдѣлали то же и въ отношеніи къ Преосвященному, чему подалъ поводъ слѣдующій случай. Когда Сильвестръ намѣревался освятить новую церковь, построенную въ имѣніи княгини Нейбургской, то уніаты выхлопотали въ Литовскомъ трибуналѣ декретъ, „дабы онаго епископа, поймавъ, убить“[2]). Съ этого времени начинаются покушенія на жизнь Сильвестра. Заручившись такимъ декретомъ, какъ-бы обезпечивающимъ безотвѣтственность со стороны юридической, враги православія не замедлили приступить къ осуществленію его на дѣлѣ. Воспользовавшись пріѣздомъ Сильвестра въ село Дубровну для освященія вновь построенной церкви, они во главѣ съ управителями помѣстій Сапѣги ворвались въ квартиру епископа и „едва его, спасшагося бѣгствомъ, до смерти не убили“[3]). Въ томъ же 1722 г. съ Преосвященнымъ произошелъ столь дерзкій и опасный случай, что заставилъ его ѣхать въ Москву, чтобы лично просить бывшаго тамъ Государя о заступничествѣ. Виновникомъ этого случая былъ шляхтичъ Петръ Свяцкій, подвергшій православнаго священника своей вотчины въ Оршанскомъ повѣтѣ за несогласіе на унію истязанію нѣсколькими стами палочныхъ ударовъ. Сильвестръ, встрѣтившись съ Свяцкимъ на дорогѣ вблизи Могилева, сталъ дружески говорить ему о жестокомъ поступкѣ съ священникомъ; тогда Свяцкій, вмѣсто отвѣта, бросился на епископа съ саблею и нанесъ ему двѣ раны въ руку[4]). Донеся лично Государю о такомъ оскорбленіи, Сильвестръ, кромѣ того, представилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ длинный списокъ обидъ и притѣсненій, претерпѣваемыхъ отъ латинянъ его паствою[5]).

---

[1]) Бант.-Кам., грам. Петра В., п. 20 и 21 на стр. 210 и Прилож. II, стр. 379.

[2]) Тамъ же, Прилож. I, стр. 358.

[3]) Тамъ же, стр. 359.

[4]) Тамъ же, см. въ документахъ на стр. 177, 184 и Приложеніе I, стр. 357, въ которомъ сказано: „сіе происходило въ 1719 г.;“ но едва ли это вѣрно, потому что трудно допустить, чтобы о такомъ необыкновенномъ случаѣ преосвященный Сильвестръ ничего не упомянулъ въ жалобѣ своей отъ 1720 г. Петру Великому, а русское правительство—въ меморіалѣ и представленіяхъ своихъ этого года къ польскому правительству.

[5]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XVIII, стр. 80.

Узнавши о поступкѣ Свяцкаго съ преосвященнымъ Сильвестромъ, а также о насиліяхъ и обидахъ, претерпѣваемыхъ всею Бѣлорусскою паствою, Петръ I въ томъ же 1722 г. приказалъ своему министру въ Варшавѣ, князю Сергѣю Григорьевичу Долгорукову, послать въ Могилевъ къ епископу Бѣлорусскому комиссара Рудаковскаго и поручить ему изслѣдовать о всѣхъ обидахъ и гоненіяхъ для доказательствъ при комиссіи или гдѣ потребно будетъ, а отъ польскаго правительства требовать немедленнаго назначенія комиссіи и высылки ея на границу для разслѣдованія обидъ людямъ греческаго исповѣданія[1]); при чемъ комиссару этому особенно вмѣнялось въ обязанность, чтобы онъ, пребывая въ Могилевѣ и переѣзжая въ другія мѣста, „прилѣжно предостерегалъ, чтобъ людямъ этимъ какъ во отправленіи вѣры, такъ и въ пребываніи ихъ никакого помѣшательства, обидъ и гоненій болѣе чинено не было“, въ потребныхъ же случаяхъ онъ долженъ „именемъ Его Императорскаго Величества и Правительства заступать за нихъ и протестаціи чинить въ судахъ и гдѣ надлежитъ. А когда къ поправленію онаго опредѣлятся отъ короля и отъ Рѣчи Посполитой комиссары, тогда бы онъ Рудаковскій былъ при нихъ, и онымъ всѣ обиды греческаго исповѣданія представлялъ, доказывалъ, и старался, дабы отнятыя епископіи, монастыри и церкви паки благочестивымъ привращены, и безъ всякихъ обидъ оныя содержаны были“. Въ помощь Рудаковскому, чтобы православные Польши и Литвы могли тверже держаться своего исповѣданія, приданъ былъ изъ Московскаго Заиконоспасскаго монастыря „тамошнихъ школъ учитель“ іеромонахъ Іустинъ Рудинскій. Отъ себя же русскій Государь отъ 2 мая того года послалъ королю грамоту, въ которой послѣ предварительнаго сообщенія о насильственномъ, вопреки договору 1686 года, обращеніи въ унію „не токмо церквей и монастырей, но и цѣлыхъ епископствъ“, изъ коихъ (четырехъ) одинъ только Бѣлорусскій епископъ, князь Четвертинскій, остался, „и то епископство Бѣлорусское такожде въ великомъ гоненіи и почитай во узахъ отъ католиковъ и уніатовъ обрѣтается“—писалъ ему: „хотя Мы о семъ Вашему Королевскому Величеству какъ чрезъ грамоты Наши, такъ и чрезъ министровъ Нашихъ представленія чинили, прося Ваше Королевское Величество дружебно, дабы по договорамъ вѣчнаго мира духовнымъ и мірскимъ

[1]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XVIII, стр. 81.

греческаго исповѣданія людямъ въ Польшѣ и Литвѣ гоненіе и обиды чинить запрещено было: но однакожъ католики и уніаты не токмо отъ тѣхъ своевольствъ никогда не престали, но вящше оное гоненіе и обиды греческаго исповѣданія людямъ усугубили и продолжали. И для того Мы въ бытность при Нашемъ Дворѣ въ 1720 году Вашего Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой чрезвычайнаго и полномочнаго посла воеводы Мазовецкаго г. Хоментовскаго повелѣли министрамъ Нашимъ ему сообщить письменно о помянутыхъ гоненіяхъ и обидахъ...; притомъ же оному послу Вашему дано еще извѣстіе, какія великія обиды приключены подданнымъ Нашимъ порубежныхъ городовъ и мѣстъ отъ жителей Короны Польской и Великаго Княжества Литовскаго... И понеже помянутый посолъ также предлагалъ о обидахъ жителямъ Рѣчи Посполитой отъ Нашихъ подданныхъ; того ради по Нашему указу министры Наши съ нимъ, посломъ, тогда въ конференціяхъ согласились, чтобъ для розыску о вышеозначенныхъ обидахъ и учиненіи въ томъ удовлетворенія, учредить съ обѣихъ сторонъ коммиссаровъ въ трехъ мѣстахъ, а именно отъ стороны Кіева, Смоленска и Пскова, снабдя оныхъ довольными инструкціями; о чемъ вышеупомянутый чрезвычайный посолъ вашъ, по прибытіи своемъ въ Польшу, безъ сомнѣнія донесъ Вашему Королевскому Величеству и Рѣчи Посполитой; и тако мы ожидали въ томъ отъ Вашего Королевскаго Величества благосклоннаго удовольствія. Но, къ великому Нашему удивленію, не токмо онаго не воспослѣдовало, но паче принуждены Мы, къ немалому Нашему сожалѣнію и прискорбію, слышать по получаемымъ вѣдомостямъ изъ Польши и Литвы, какія тамо греческаго исповѣданія духовнымъ и мірскимъ людямъ чрезвычайно великія и несносныя гоненія, обиды и принужденія въ унію происходятъ; и уже не только въ прошедшихъ лѣтѣхъ, но въ настоящемъ 1722 году многіе монастыри и церкви въ ту унію насильно отняты и претерпѣваютъ при томъ оные греческаго исповѣданія люди не токмо мірскіе, но и духовные знатные особы отъ католиковъ и уніатовъ различныя безчестія, мученія, побои и раны, чѣмъ и епископъ Бѣлорусскій, князь Четвертинскій, не обойденъ. Ибо его въ повѣтѣ Оршанскомъ одинъ шляхтичъ, именуемый Петръ Свяцкій, когда оный епископъ ему сталъ говорить за одного попа греческаго исповѣданія, котораго онъ, Свяцкій. принуждая къ уніи жестоко

палками билъ, безъ всякой причины съ саблею атаковалъ и дважды оною въ руку ранилъ...“ Далѣе, указывая на тотъ фактъ, что даже и для русскихъ порубежныхъ (пограничныхъ) подданныхъ обиды отъ жителей польскихъ „не токмо не прекращаются, но часъ отъ часу болѣе происходятъ“, отъ чего они „великое разореніе претерпѣваютъ“, Государь *дружебно*, *братски* просилъ короля: „да соизволите Ваше Королевское Величество повелѣть... во всѣхъ учиненныхъ обидахъ какъ греческаго исповѣданія людямъ въ Польшѣ и Литвѣ духовнымъ и мірскимъ, такъ и подданнымъ нашимъ порубежнымъ жителямъ надлежащее удовольствіе и къ ихъ свободному впредь пребыванію и безпомѣшательному отправленію вѣры греческаго исповѣданія поправленіе, и гонителямъ ихъ, чтобъ оные отъ того престали, крѣпкое запрещеніе учинить...“ Для прекращенія же съ обѣихъ сторонъ жалобъ на обиды и гоненія и происходящаго отъ того безпокойства Государь предлагалъ: „наилучшій и справедливый къ тому способъ быти можетъ, когда Ваше Королевское Величество, ради освидѣтельствованія вышеозначенныхъ обидъ и учиненія въ томъ удовольствія, и возвращенія отнятыхъ насиліемъ епископствъ, монастырей и церквей, опредѣлите немедленно нарочныя коммиссіи, при которыхъ, дабы и Наши коммиссары присутствовать могли, чтобъ чрезъ то о всемъ ономъ подлинное разсмотрѣніе и совершенное, по договорамъ вѣчнаго мира, исполненіе учинено было. И уже отъ Насъ, извѣщалъ Государь, опредѣленъ коммиссаръ Игнатій Рудаковскій, и съ нимъ одинъ монахъ, которымъ Мы повелѣли жить въ Могилевѣ...; а и другіе коммиссары съ Нашей стороны по полученной вѣдомости о назначеніи Вашихъ коммиссаровъ немедленно опредѣляется и на границу присланы будутъ. Буде же паче чаянія, заключалъ эту грамоту Государь, по сему Нашему представленію и прошенію удовольствія по силѣ договоровъ не воспослѣдуетъ, то принуждены мы будемъ... сами удовольствія искать[1])“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ русскій Императоръ, желая, чтобы о гоненіяхъ, претерпѣваемыхъ православными Польши зналъ самъ верховный понтифексъ латинства, римскій папа, и принялъ бы зависящія отъ него мѣры къ прекращенію ихъ,—повелѣлъ канцлеру графу Головину сообщить объ этомъ въ Римъ первенствующему кардиналу

[1]) Бант.-Кам. Истор. изв. объ уніи, стр. 174—181.

Спинали для представленія папѣ. „Его Императорское Величество, говорилось въ письмѣ канцлера, слыша о такихъ поступкахъ и соболѣзнуя повелѣлъ писать, дабы вы представили верховнѣйшему Понтифексу со обстоятельнымъ разсужденіемъ о семъ дѣлѣ, и убѣдили бы его, чтобъ онъ для доброй склонности Его Императорскаго Величества соизволилъ по вышней своей надъ католиками власти отправить не токмо свои грамоты въ Польшу и Литву къ прелатамъ (архіереямъ) и къ прочимъ въ духовныхъ дѣлахъ управителямъ подъ крѣпкимъ указомъ, дабы они тамо греческаго исповѣданія людямъ духовнымъ и мірскимъ, въ противность договоровъ, гоненія и обидъ чинить и къ уніи насильно принуждать не велѣли; но чтобъ самому Его Корол. Величеству и Рѣчи Посполитой Польской чрезъ грамоты обо всемъ потребныя представленія учинить. Ибо Его Императорское Величество, хотя и никакимъ подобной матеріи договоромъ не обязанъ, однакожъ въ своей имперіи не допускаетъ чинить никакого препятствованія во отправленіи духовнымъ римскаго исповѣданія, паче же имъ позволяетъ всякую свободность и костелы. А ежели католики польскіе и литовскіе не престанутъ такое гоненіе чинить христіанамъ греческаго закона, принуждая ихъ съ такимъ непристойнымъ наспѣемъ къ уніи, то Его Императорское Величество принужденъ будетъ противъ своего намѣренія повелѣть въ репрессалію онаго духовнымъ латинскаго закона, въ Россіи обрѣтающимся, отправленіе того закона запретить...[1]). Къ этому письму приложенъ былъ краткій перечень гоненій, изъ которыхъ, кромѣ извѣстныхъ уже, приведенныхъ нами выше, прописаны были слѣдующія, происшедшія въ Могилёвской епархіи.

„Въ воеводствѣ Мстиславскомъ Соборной церкви намѣстнику, отцу *Виктору Подольскому*, шляхтичъ *Шафранскій*, схизматикомъ онаго называя, три пальца саблею на рукѣ отрубилъ;—шляхтичъ *Петровичъ*, управитель Крычевскій, за благочестіе попа три четверти года въ тюрьмѣ держалъ, а потомъ вонъ выгналъ;—*Валожичу* попу шляхтичъ пальцы отрубилъ.

„Въ *Зимницѣ*, въ графствѣ Быховскомъ, управитель тамошній, принуждая священника до уніи, веревкою за шею зацѣпя, три мили при лошади гналъ его.

---

[1]) Тамъ же, стр. 181—183.

„*Соколинскій*, бискупъ Смоленскій, въѣхавъ въ епархію воеводства Мстиславскаго, многія церкви благочестивыя на унію отобралъ и несносныя чинилъ обиды благочестивымъ.

„Каштелянъ Витебскій *Огинскій*, чиня гоненіе на монастырь *Марковскій*, согласился съ архіепископомъ уніатскимъ мѣщанамъ Витебскимъ, подъ смертною казнію, въ монастырь приходъ запретить, и церкви запечатать; но едва откупился, обѣщая ему по всѣ годы давать по 30 ефимковъ.

„По приказанію езуитовъ *Оршанскихъ*, тамошніе студенты (на) монастырь *Кутеинскій* дѣвичій нашли многолюдно, кричали, стрѣляли и монастырь зажгли было, хотя насильствомъ чудотворную икону пресвятыя Богородицы къ себѣ взять“[1]). Между тѣмъ Рудаковскій по поводу назначенія своего въ Бѣлоруссію извѣщалъ Императора о препятствіяхъ, ожидающихъ его въ дѣлѣ исполненія порученной ему коммиссіи, о которой уже заговорили, что будто это новость, чрезвычайно вредная государству, и Русскій государь хочетъ самовластью повелѣвать въ государствѣ вольномъ; кромѣ того „римскій клиръ, писалъ Рудаковскій, всячески будетъ стараться какъ бы мнѣ повредить или обнести меня у двора Вашего Величества, ибо, видя мое неусыпное стараніе, предполагаетъ, что если я буду жить въ Литвѣ, то всѣ ихъ надежды на превращеніе православныхъ въ унію исчезнуть; можетъ быть и нашихъ заставятъ мнѣ вредить, особенно тѣхъ, которые противны вѣрѣ нашей благочестивой. У всѣхъ Римлянъ то намѣреніе, чтобы небольшимъ удовлетвореніемъ Вашихъ требованій усыпить дворъ Вашего Величества и тѣмъ удобнѣе впослѣдствіи искоренять греческое исповѣданіе въ здѣшнихъ краяхъ“[2]).

На грамоту свою къ королю Императоръ въ томъ же 1722 году получилъ отвѣтъ, въ которомъ король въ оправданіе себя прежде всего дѣлаетъ слѣдующее заявленіе: „извѣстно есть не токмо Вашему Царскому Величеству, но и всему свѣту, какъ предки Наши, такъ и Мы съ Нашей стороны *свято содержали всѣ заключенные союзы* какъ съ Вашимъ Царскимъ Величествомъ, такъ и съ Предками Вашими; и что однажды постановленные заключенныхъ союзовъ артикулы, считая отъ 1686 года даже до нынѣшняго времени, *неру-*

[1]) Тамъ же, 183—186.

[2]). Соловьевъ, Ист. Россіи, XVIII, 83.

мимо Короли Предки Наши и Рѣчь Посполитая содержали и Мы содерживаемъ", чему „явнымъ доказательствомъ" служитъ то, что онъ, король, въ защиту обиженныхъ издалъ уже указы, призывающіе виновныхъ къ суду[1]). Затѣмъ въ отношеніи отнятія епископій, „въ грамотѣ изображенныхъ", оправдывая себя тѣмъ, что при самомъ вступленіи своемъ на престолъ „засталъ эти епископіи съ Римскою вѣрою при собственномъ ихъ произволеніи соединенныя", король съ явнымъ неудовольствіемъ, а за посольство коммиссара и монаха въ Могилевъ даже съ тономъ выговора, писалъ Императору: „А о другихъ обидахъ и принужденіяхъ къ уніи никто прежде сего ниже епископъ Бѣлорусскій, о которомъ въ грамотѣ своей Ваше Царское Величество воспоминаете, предъ Нами, какъ надлежало бы, не жаловался и защищенія и покровительства не просилъ. Довольно же Ваше Царское Величество извѣстенъ, что, для не состоявшихъ и разорванныхъ нѣсколько сеймовъ, не токмо о послѣднемъ посольствѣ вельможной воевода Мазовецкій, но и о древнѣйшихъ посольствахъ не возмогъ дѣйствительно учинить донесенія. По выслушаніи же, дастъ Богъ, на близко наступающемъ сеймѣ тѣхъ донесеній, первѣйшее будетъ стараніе, дабы ненарушимая въ совершенствѣ и достоинствѣ договоренныхъ артикуловъ между Нами и Рѣчью Посполитой и Вашимъ Царскимъ Величествомъ содержана была дружба, и въ то время назначены будутъ коммиссары, уполномоченные для учиненія обиженнымъ справедливости, и для упокоенія всякихъ съ обѣихъ сторонъ претензій. И тако до того времени какъ ненадобное и мало пристойно изволитъ Ваше Царское Величество признать назначеніе и посланіе коммиссара своего съ монахомъ въ Могилевъ; понеже и Мы съ Рѣчью Посполитою таковыхъ мимо трактатовъ посылокъ въ государства Вашего Царскаго Величества коммиссарей не претендовали и не претендуемъ, убѣгая, дабы не подать наименьшей причины къ неудовольствованію Вашего Царскаго Величества"[2]).

---

[1]) Декреты эти изданы были собственно вслѣдствіе жалобы королю, поданной въ 1721 г. игуменами монастырей Пинскаго и Купятицкаго, на Пинскаго уніатскаго біскупа Феофила Годебскаго, который, „имѣя много господъ, шляхетства и полкъ регулярный", насильно присоединилъ эти монастыри и церкви ихъ къ уніи со всѣми окрестными жителями вѣры греческой, „билъ поповъ и монаховъ оныхъ монастырей и церквей, отнялъ у нихъ всѣ пожитки и выгналъ нагихъ изъ жилищъ ихъ..." (Бан.-Каменскій, 186 и 187).

[2]) Бан.-Кам., стр. 189, сн. 1-я.

Что же касается письма канцлера Головкина къ кардиналу Спиноли, то въ началѣ только 1724 года іезуитъ Джанпріамо, чрезъ котораго переслано было это письмо къ кардиналу, отвѣчалъ русскому канцлеру, что кардиналъ Спиноли писалъ къ папскому нунцію въ Польшѣ Сантини съ требованіемъ подробнаго изложенія дѣла. Сантини отвѣчалъ, что въ Римѣ желаютъ имѣть подробнѣйшія свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что изъ Польши извѣщаютъ, что русскій Государь уже заявилъ свои требованія польскому двору; но въ этихъ требованіяхъ многіе пункты невѣрны, и въ Римѣ ждутъ изъ Польши вѣрныхъ извѣстій для окончанія дѣла[1]).

Обѣщаніе короля Августа II приложить первѣйшее стараніе на близко наступающемъ сеймѣ о ненарушимомъ сохраненіи дружбы между двумя сосѣдними государями, т. е. войти въ изслѣдованіе насилій, причиненныхъ православнымъ подданнымъ его, и принять въ предотвращеніе ихъ дѣйствительныя мѣры,—по обыкновенію осталось безъ исполненія; ни на сеймѣ, ни на сенатусъ-консиліумѣ, бывшихъ въ слѣдующемъ 1723 году, никакихъ подобныхъ мѣръ не было предпринято, и хотя по неотступному домогательству русскаго посла кн. Долгорукаго опредѣлены были суды, а потомъ даны декреты о возвращеніи православнымъ взятыхъ на унію монастырей и церквей, но все это было только на бумагѣ, въ дѣйствительности же гоненія продолжали усиливаться.

Коммиссаръ Рудаковскій, посланный изъ Варшавы для защиты православныхъ, на пути въ Могилевѣ принялся за исполненіе порученія своего съ энергіею и успѣхомъ[2]); но настойчивыя и на первое время успѣшныя дѣйствія русскаго коммиссара еще болѣе

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, XVIII, 91 и слѣд.

[2]) Въ Пинскѣ онъ торжественно, въ сопровожденіи 12 іеромонаховъ, прибывшихъ изъ разныхъ монастырей, и болѣе тысячи жителей города со звономъ по церквамъ во всѣ колокола,—привелъ въ исполненіе королевскій декретъ о возвращеніи православныхъ церквей ихъ, захваченныхъ уніатами. И хотя ксендзы, изумленные такимъ дѣйствіемъ коммиссара и вопили, для возбужденія народа противъ православныхъ, „яко бѣснующіе: *обратимся въ страну и въ небезопасть живота нашего: лучше бы намъ было имѣть въ церквахъ турковъ или жидовъ, нежели проклятыхъ схизматиковъ*“, а католическій епископъ Руцевскій грозилъ проклятіемъ всѣмъ католикамъ, присутствовавшимъ при отобраніи церквей, но старанія эти были напрасны,—противодѣйствія никто не оказалъ. Въ Минскѣ Рудаковскій спасъ одного мѣщанина, котораго католики хотѣли сжечь за то, что онъ насильно обращенный въ католицизмъ, возвратился въ православіе (Бан.-Кам., стр. 195, сн. 1-я).

возбудили фанатизмъ католиковъ и уніатовъ къ разнымъ насиліямъ и поруганію надъ православными.

Особенную ревность къ преслѣдованію православныхъ показали въ это время въ Бѣлорусской епархіи королевскій коммиссаръ г. Могилева Осолинскій и уніатскій Смоленскій епископъ Друцкій-Соколинскій. Живя въ помѣстяхъ своихъ въ Бѣлоруссіи, Соколинскій нападалъ на православныя церкви и насильственно обращалъ ихъ въ унію, желая этимъ способомъ увеличить свою крайне малочисленную уніатскую паству. Преслѣдованія этихъ лицъ вынудили преосвященнаго Сильвестра въ началѣ 1723 г. отправить отъ 25 марта къ русскому Государю іеромонаха своего Антонія Денисовича съ слѣдующею жалобою на нихъ:

„Трудно выговорить, а паче изобразить, какія въ здѣшней сторонѣ приходятъ мнѣ отъ гонителей вѣры православной утѣсненія! Оныя съ кротостію претерпѣвая, пріемлю дерзновеніе не единократно, со всенижайшею покорностію, толкати въ двери Вашего Императорскаго Величества и приносить жалобное прошеніе, сколько я, возвращаясь въ епархію свою[1]), понесъ обиды отъ присланнаго въ Могилевскую экономію королевскаго коммисара *Осолинскаго*, а именно превращеніе святой Церкви на унію, изгнаніе презвитеровъ православныхъ къ принятію вѣры Римской по наущенію нѣкоторыхъ и отобраніе маетностей, издавна до епископіи надлежащихъ. О сихъ обидахъ подалъ я пункты предъ наступающимъ сеймомъ чрезъ коммисара Рудаковскаго помянутому Осолинскому, который, по прочтеніи оныхъ, сказалъ, что то все успокоено будетъ по времени. Между тѣмъ нападаютъ здѣсь на насъ, якоже на небезстрашныхъ и права неимѣющихъ, уничтожая наши документы и привиллегіи, данныя отъ королей польскихъ. И нынѣ вновь въ Мстиславлѣ 20 мая бискупъ Смоленскій *Соколинскій* со шляхтою церкви насильствомъ отняли, людей побили, изувѣчили, и въ такой своей упрямой злобѣ донынѣ быть не престаютъ, не смотря на достойное чести дѣйствіе, учиненное въ Пинску, при обращеніи церкви отъ уніятовъ на православную, и проч.“[2]).

[1]) Точнѣе сказать: по возвращеніи въ епархію свою,—вѣроятно изъ Москвы, куда онъ ѣздилъ вскорѣ послѣ дерзкаго нападенія на него со стороны Свяцкаго, чтобы лично просить Государя о защитѣ себя и всей Бѣлорусской паствы своей отъ невыноснмаго преслѣдованія латинистовъ.

[2]) Бан.-Кам., стр. 192—3.

Пріѣхавшій въ Могилевъ коммиссаръ Рудаковскій, съ своей стороны также доносилъ Петру о Соколинскомъ, что бискупъ этотъ, „будучи въ совѣтѣ съ другими, наѣхалъ вооруженною рукою на двѣ благочестивыя церкви въ Мстиславлѣ, ввечеру яко тать, и боронящихъ оныя церкви, тирански и смертно билъ". Кромѣ того коммиссаръ жаловался на него уніатскому митрополиту Кипкѣ. Даже и митрополитъ этотъ, „самъ глава буйнаго уніатскаго раскола", не одобрилъ дѣйствій своего епископа. „Жалуется на преосвященство ваше, писалъ митрополитъ Соколинскому, вельможный г. Рудаковскій, чиномъ и достоинствомъ своимъ довольно извѣстный, и сверхъ сего охраняющій святую справедливость: что преосвященство ваше вѣрныхъ неуніятскаго греческаго исповѣданія людей всякими ненадлежащими угрозами къ своему принуждаешь послушанію. Но понеже вѣра есть даръ Божій, которая послушанію, а не насильствію повинуется; того ради прошу, дабы преосвященство ваше тѣ свои дѣйствія оставить изволилъ. Ибо и самъ Богъ какъ до вѣры, такъ и до добрыхъ дѣлъ не принуждаетъ, но далъ намъ волю держаться огня или воды. О семъ и паки прошу, дабы преосвященство ваше того болѣе дѣлать удержался: понеже кровію апостольскою возрасте Церковь привращающихся, а не тѣхъ, которые привращаютъ, по свидѣтельству Писанія Божественнаго: *никтоже прійдетъ ко Мнѣ, аще не Отецъ Мой привлечетъ его.* Единымъ словомъ: спасеніе наше Божіей подлежитъ волѣ, которая не есть отъ хотящаго, ниже отъ слѣдующаго, но отъ милующаго Господа[1])".

Побывши въ Могилевѣ и осмотрѣвшись, Рудаковскій въ письмѣ къ Государю предлагалъ для уничтоженія преслѣдованій отъ латинянъ слѣдующія мѣры: „Для прекращенія здѣшнихъ гоненій на церковь восточную два способа легкихъ: первый способъ—шляхтича Соколинскаго, какъ самаго свирѣпаго гонителя церкви восточной, живущаго въ двухъ миляхъ отъ русской границы, схватить и увезти въ Россію подъ предлогомъ, что титулуется незаконно архіепископомъ Смоленскимъ и Сѣверскимъ. Второй способъ—схватить и вывезть въ Россію Линдорфа, старосту Мстиславскаго[2]), живущаго

[1]) Тамъ же, стр. 199.

[2]) Того самаго, на буйныя дѣйствія котораго преосвященный Сильвестръ жаловался въ 1720 г. Петру Великому (жалоба п. 7-й). Въ меморіалѣ, врученномъ русскимъ правительствомъ польскому послу Хоментовскому (п. 8-й), о дѣйствіяхъ Линдорфа сказано подробнѣе, а именно: въ февралѣ 1720 г. ксендзы подъ

также на границѣ, подъ предлогомъ, что въ прошлыхъ годахъ грабилъ казну Вашего Величества близъ Борисова: отъ этихъ тяжкихъ гонителей церковь восточная не иначе можетъ освободиться; другіе же, увидавъ это, всѣ скроются и исчезнетъ память ихъ съ шумомъ; покричатъ поляки по обычаю своему, и тотъ часъ же замолчатъ. А если такимъ пугаломъ не постращать, то трудно будетъ съ ними справляться; такъ и теперь въ Пинскѣ я отобралъ церкви, а за убытки и разореніе гдѣ взять? Обратиться въ Римъ, гдѣ правды нѣтъ? легче выпить воду въ морѣ, чѣмъ найдти справедливость въ Римѣ. Мы будемъ искать своего судомъ, а враги церкви въ другихъ мѣстахъ будутъ грабить и дѣлу конца не будетъ; а когда эти двѣ особы будутъ схвачены, то сейчасъ прекратятся всѣ обиды. А что епископъ Бѣлорусскій Вашему Величеству доносилъ о гоненіяхъ на церковь восточную, то все правда, развѣ что забылъ написать[1])".

Но вскорѣ самъ предлагавшій эти мѣры противъ гонителей восточной церкви и вмѣстѣ съ нимъ преосвященный Сильвестръ подверглись страшному оскорбленію отъ своихъ православныхъ монаховъ, въ которомъ участвовали также и латиняне. Въ мартѣ 1723 г. епископъ пригласилъ Рудаковскаго ѣхать вмѣстѣ съ нимъ въ Кутеинскій Оршанскій монастырь для освидѣтельствованія жизни тамошнихъ, сильно волновавшихся, монаховъ, между которыми были и такіе, что заявляли о своей готовности принять унію. Разсказъ о столь печальномъ событіи подробно излагаетъ потерпѣвшій, преосвященный Сильвестръ, въ „слезномъ" письмѣ своемъ, посланномъ съ мѣста происшествія изъ-подъ стражи къ русскому Государю отъ 31 марта съ просьбою о помощи. „По отправленію къ Вашему Императорскому Величеству отъ 25 марта съ іеромонахомъ Антоніемъ Денисовичемъ экспедиціи, поѣхалъ я, писалъ Преосвященный, въ Кутеинскій монастырь благочестивый, для неединократнаго та-

---

предводительствомъ старосты этого, при помощи людей его и многочисленной шляхты, желая обратить на унію въ Мстиславлѣ замковую церковь св. Николая, отбивъ двери, ворвались въ нее со всѣми принадлежностями римскаго костела, и „во оной съ престола сосуды церковные съ запасною Евхаристіею и прочую святыню *рунательски сбросили*, и начали тамо учрежденіе чинить по своему обыкновенію"; но сбѣжавшійся къ церкви православный народъ выгналъ изъ нея латинянъ „по многомъ сопротивленіи".

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, XVIII, 84—85.

мошнихъ монаховъ прошенія, дабы между оными разорвать происшедшія ссоры, упрося съ собою и г. коммиссара Рудаковскаго. Приближаясь къ монастырю, послалъ я своихъ служителей извѣстить о нашемъ пріѣздѣ; но монахи едва не убили посланныхъ. Какъ скоро въѣхалъ я въ самый монастырь, тогда по наученію монаха Михаила Кобрынца, обступила шляхта и военная команда; ворота выломали, и необычайнымъ и страшнымъ насильствомъ нападши на меня и на г. коммиссара, били насъ саблями плашмя, стрѣляли изъ пистолетовъ и изъ ружей, а слугъ нашихъ кольями и каменьями на смерть били, и всѣхъ игуменовъ и монаховъ, при мнѣ бывшихъ, разогнали, а насъ обоихъ подъ саблями 14 часовъ держали; не смотря на протестацію мою и г. коммиссара, защищавшагося именемъ Вашего Императорскаго Величества, дабы отъ такой необычайной на насъ ярости унялись; но ничто не помогло. Ибо, какъ скоро насталъ день, вызвались съ тѣмъ, что-де оное чинится по письмамъ, которыя я писалъ въ Москву, и вывели предъ меня съ поруганіемъ посланнаго священника, до смерти изувѣченнаго и сидѣвшаго въ погребу, у котораго однако никакихъ писемъ не нашли. Ибо, когда онъ еще не былъ взятъ, отдалъ отправленную экспедицію въ Москвѣ, за что и былъ пойманъ по обнесенію *чернецовъ, которые обьщали передъ Стеткевичемъ,* хоронжимъ Оршанскимъ, *унію принять,* толькобъ меня къ нимъ не допустить ихъ бездѣльство успокоить; и тѣ письма, которыя посланы въ Москву, обѣщали, принявъ, ему отдать, съ которыми онъ хотѣлъ показаться передъ шляхтою, чего Богъ не допустилъ. Со всѣмъ тѣмъ безъ всякаго доказателяства меня и г. коммиссара взяли тогда же подъ стражу, не допуская къ намъ никакого священника, ниже нашихъ слугъ, и весь нашъ екипажъ пограбили; изъ сего заключенія мнѣ и г. коммиссару, безъ особливой помощи Вашего Императорскаго Величества, трудно выйти. А сіе все учинилось ради невоздержанія тѣхъ монаховъ, которые себѣ, гдѣ захотятъ пастырей находятъ, о принятія посвященія листы подтвердительныя выправляютъ, а отъ пастыря дѣйствительнаго отбываютъ, чрезъ что сіе убогое епископство весьма во всемъ обнищало; поелику до онаго со всего свѣта христіанскіе пастыри и православные, и римскіе и уніяты интересуются, отвсюду грабя чрезъ непристойную власть. Чего для со всенижайшимъ моимъ прошеніемъ отправилъ я игуме-

новъ Мстиславскаго и Буйницкаго (понеже прежде посланный въ монастырѣ Кутеинскомъ едва не на смерть убитъ, и ожидая послѣдняго часа, въ заключеніи стонетъ) учинить милосердіе надо мною отвсюду изгнаннымъ; ибо не имѣю по Бозѣ иной надежды, токмо на Ваше Императорское Величество, отъ котораго ожидаю разсмотрѣнія и помощи; понеже приходитъ уже мнѣ безъ времени душу испустить по однимъ только слухамъ, которые нѣкогда постигли праведнаго Іова. Тамъ бьютъ, на другомъ мѣстѣ церкви отъемлются, слугъ увѣчатъ, лошадей, рухлядь, доходы грабятъ, а наконецъ и самаго меня съ опредѣленнымъ ради защищенія г. коммиссаромъ въ заключеніи держатъ. Того ради слезно прошу показать надъ бѣднымъ милосердіе и помощь, отмстить обидамъ непріятелей нашихъ, да не рекутъ языцы: гдѣ есть Богъ ихъ? Кутеинскихъ же монаховъ бунтовщиковъ и со шляхтою, которые меня и г. коммисара держатъ подъ стражею, за такой дерзкой и безбожной поступокъ, градскому суду надлежалобъ отдать. Стеткевича же и иныхъ разбойниковъ въ твою Монаршескую отдаю волю, чего они годны за столь страшную и неслыханную отъ вѣковъ въ Польшѣ учиненную обиду, насильство и разбой, въ которой моей невинности ссылаюсь на отправленныхъ отсюду игуменовъ[1])".

Рудаковскій, донося Императору объ этой, происшедшей съ нимъ и епископомъ, „трагедіи", писалъ: „Во всемъ виноваты русскіе архіереи, которые своими благословительными грамотами вмѣшиваются въ эту епархію, освобождая посвященныхъ ими здѣшнихъ іеромонаховъ отъ подчиненія епископу Бѣлорусскому. Можно ли епископу Ростовскому вмѣшиваться въ епархію Кіевскую и архіепископу Кіевскому въ епархію Новгородскую? Это не позволяется, только въ одну епархію Бѣлорусскую чуть не всѣ епископы вмѣшиваются и тянутъ къ себѣ благословительными листами; а чрезъ это гинетъ здѣсь вѣра наша православная, ибо монахи, имѣя благословительные листы, живутъ непотребно въ пьянствѣ и всякомъ развратѣ, а когда епископъ Бѣлорусскій захочетъ ихъ смирить, то они объявляютъ, что зависятъ отъ Кіевскаго архіерея, и своею праздѣльною жизнію возбуждаютъ только насмѣшки враговъ церкви, которые были въ большомъ страхѣ послѣ отобранія церквей въ Пинскѣ, а теперь подняли головы. Повели, Государь, чтобъ Кіев-

[1]) Бан.-Кам., 193—195; ср. Соловьевъ, Исторія Россіи, XVIII, 85.

скій архіерей не вмѣшивался въ эту епархію и чтобъ Св. Синодъ всѣ прежде данныя благословительныя грамоты уничтожилъ; истинно, Государь, *здѣсь и безъ этихъ благословительныхъ грамотъ тошно*, ибо всѣ единодушно желаютъ вѣру благочестивую искоренить, и православные находятся въ болѣе унизительномъ положеніи, чѣмъ жиды, а благословительные листы собственныхъ дѣтей противъ пастыря своего поднимаютъ, и въ несогласіи вѣра наша гинетъ. Епископъ, князь Четвертинскій, слезно проситъ Ваше Величество, чтобъ вы позволили ему зависѣть единственно отъ Св. Синода“ [1]).

Въ Могилевѣ католики, не обращая вниманіе на пребываніе въ немъ Рудаковскаго, не упускали случая оскорбить православныхъ: въ свой праздникъ Тѣла Господня они „противъ государственныхъ и древнихъ правъ и обычаевъ,“ потребовали, чтобы во всѣхъ православныхъ церквахъ города и за четверть мили за городомъ былъ звонъ въ колокола; когда же епископъ при церкви своей звонить запретилъ, то „римляне своихъ людей прислали съ цѣху и звонили, а въ костелахъ ихъ, у бернардиновъ и кармелитовъ, не звонили[2])“. Мѣста же епархіи отдаленныя и глухія еще болѣе давали тогда простора фанатизму латинянъ для обидъ и поруганій надъ православными, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ, характерные факты насилія, описанные въ слѣдующемъ донесеніи священниковъ мѣстечка Любавичъ, посланномъ Рудаковскому для отправленія къ русскому Государю: „Въ 1719 году, мѣсяца мая 2, шляхтичъ Казимиръ *Корницъ*, по своему гнѣву на святую православную вѣру, произвелъ изъ Смольянъ въ протопопа уніятскаго, съ которымъ хотѣлъ привратить до уніи церкви *Любовицкія* такимъ же образомъ, какъ прежде сего въ *Рудню*, *въ Ложномъ*, *въ Городищу*, *въ Погостью*, *Зачерничью*, *въ Бабиновичахъ*, *въ Шкловъ и въ Олисовъ*. Помянутому *Корницу*, протопопу и ихъ людямъ Любовицкіе жители, охраняя церковь, насильствія чинить не дали; и того для отмщенія *Карлъ Залусскій*, Великаго Княжества Литовскаго кухмистръ, сего 1723 года мая въ 30 день велѣлъ забрать лучшихъ десять человѣкъ мѣщанъ Любовицкихъ, и ихъ приковавъ къ стѣнѣ цѣпьми желѣзными, а ноги забивъ въ колодки, по палача послалъ въ Оршу, ради мученія и послѣдней экзекуціи исполненія, взявъ

[1]) Соловьевъ, XVIII, 85—86.

[2]) Бан.-Кам., сноска на стр. 197.

при томъ съ нихъ 560 ефимковъ. Сверхъ того іюня въ 1 день намъ, священникамъ, приказалъ выходить изъ домовъ своихъ съ такими угрозами: *или будьте уніятами, или все оставя выходите изъ домовъ своихъ;* но мы, повинуяся заповѣдямъ Божіимъ, не предпочтили мірскихъ суетъ паче царствія небеснаго, обѣщаннаго истиннымъ ревнителямъ, вся оставивъ, съ одними душами ушли. На другой день, онъ же *Залусскій*, въ праздникъ Сошествія Св. Духа съ ксендзами и попами уніятскими отворили обѣ церкви *Любовицкія*, и ругался съ посвященія нашихъ пастырей святой Евхаристіи, начали отправлять Мши свои въ присутствіи нѣкоторыхъ людей православныхъ, съ плачемъ на ихъ дѣйствія взирающихъ; и въ тѣхъ церквахъ поданія Россійскихъ Монарховъ досталось уніятамъ: два евангелія въ сребрѣ золоченныя, чаши серебренныя золоченныя съ тарелкою, вѣнцы серебренные на иконахъ, такожъ книгъ и всѣ украшенія церковныя. Того ради мы, изгнанные и разоренные, не имѣя гдѣ главы приклонити, (понеже всѣ наши пожитки достались разорителямъ нашимъ, а сверхъ того и о житіи нашемъ пребываемъ отчаянны, ибо не токмо въ мѣстечкѣ помянутый Залусскій приказалъ насъ ловить, но по дорогамъ и деревнямъ не имѣемъ безопаснаго прибѣжища, ухраняяся отъ его людей, ради убіенія нашего высланныхъ), всепокорнѣйшаго просимъ милосердія отъ Пресвѣтлѣйшаго Императора, вѣры православной заступника“[1]). Трудно было Русскому правительству, помимо польскаго, удержать отъ такихъ дѣйствій людей, подобныхъ Залусскому, которые считали средствомъ ко спасенію души нанести обиду православному или протестанту. Рудаковскій предлагалъ своему правительству сдержать пановъ, отличавшихся особенною ревностію въ преслѣдованіи православія, посредствомъ конфискаціи товаровъ ихъ въ Ригѣ. Значительнѣйшіе изъ Русскаго духовенства въ Бѣлоруссіи предлагали Рудаковскому другое средство: поднять простой народъ и перебить всѣхъ католиковъ и уніатовъ, потому что, говорили они, простой народъ весь пойдетъ за нами не только тѣ, которые еще остались въ православіи, но и тѣ, которые силою совращены въ унію. Рудаковскій отвѣчалъ имъ, чтобы позабыли и думать объ этомъ; а дожидались бы покровительства Русскаго Императора, который уже прислалъ его, Рудаковскаго, для защиты православной церкви. Ду-

[1]) Тамъ же, стр. 197—198.

ховенство со слезами отвѣчало, что имъ въ такомъ адскомъ тиранствѣ жить невозможно, если не будетъ скорой помощи отъ Его Императорскаго Величества[1]).

Съ усиленіемъ фанатизма враговъ всего православнаго и русскаго становилось опаснымъ пребываніе въ Могилевѣ самаго Рудаковскаго „какъ проклятаго Москаля схизматика“[2]). Въ донесеніи отъ 9 сентября 1723 г. Рудаковскій писалъ Государю изъ Могилева: „сентября 5 числа, прибывшій сюда изъ Мстиславля одинъ ксендзъ кармелитанъ искалъ способа меня застрѣлить, и не обрѣтши случая того, ворвался въ домъ одного мѣщанина, людей всѣхъ разогналъ и дворовую собаку на цѣпи шпагою искололъ, крича: *такъ Коммисара москаля колоть будемъ*. О чемъ увѣдавъ, я въ не маломъ страхѣ нахожуся... боюся, дабы какой злой человѣкъ убивства мнѣ не учинилъ. Прошу убо о присылкѣ для охраненія моего трехъ человѣкъ драгунъ; понеже оные злобятся на меня за то, что я не допущаю греческаго исповѣданія людей утѣснять и восточную церковь защищаю[3])“.

Непріятность положенія Рудаковскаго усиливалась еще нерасположеніемъ къ нему русскаго посла въ Варшавѣ кн. Сергѣя Долгорукаго, впослѣдствіи повлекшемъ за собою вызовъ его изъ Бѣлоруссіи. Послу казалось, что православные сами нерѣдко подаютъ поводъ къ нареканіямъ на себя и обидамъ. Жалобы большею частію шли изъ Бѣлоруссіи, куда назначенъ былъ Рудаковскій коммиссаромъ. Находя, что все это происходитъ, будто бы, отъ вмѣшательства коммиссара въ дѣла, не касавшіяся столкновенія русскихъ людей съ католиками и уніатами, Долгорукій неблагопріятно

---

[1]) Соловьевъ, Ист. Россіи, т. XVIII, 86—87.

[2]) Пропикнутые нетерпимостію ко всему русскому, фанатическіе латиняне не стѣснялись выражать свою ненависть публично не только къ Рудаковскому, но и къ самому русскому Императору. Минскій игуменъ Гедеонъ Шишка въ донесеніи своемъ Рудаковскому, жалуясь на ксендза Любенецкаго за побои, грабежъ, безчестіе вѣры христіанской „паче нежели жидовской“, писалъ далѣе, что ксендзъ этотъ, „не удовольствуяся тѣмъ, самаго Пресвѣтлѣйшаго Императора сими поносными бранилъ словами: *Ваше-де царь Московской мужикъ, грубіянинъ; Москаль; я докажу, на котораго ты надѣешся, а и Коммисара (котораго ты имѣешъ за покровителя) я имѣю за бездѣлицу, и не боюсь онымъ шельмомъ*... При которомъ мерзкомъ дѣлѣ были старицы и много шляхетства; чего мы утаить не можемъ: понеже опая тиранская акція *публично* отправлялась“ (Бан.-Кам. стр. 202).

[3]) Тамъ же, стр. 198.

отзывался Государю о Рудаковскомъ, и притомъ обвинялъ самаго преосвященнаго Сильвестра. По дѣлу въ Кутеинскомъ монастырѣ онъ писалъ Государю, что князь Четвертинскій поступилъ неправильно, ибо Кутеинскій монастырь находится подъ вѣдомствомъ Кіевскаго архіерея. Рудаковскій получилъ изъ Петербурга приказаніе не вмѣшиваться въ дѣла православнаго духовенства и ограничиться только наблюденіемъ, чтобы католики и уніаты не притѣсняли православныхъ[1]).

Въ слѣдующемъ 1724 году Долгорукій прямо написалъ Петру обвинительное письмо о Рудаковскомъ. „Здѣсь, писалъ онъ, безпрестанныя жалобы на переводчика Рудаковскаго; думаю на сеймѣ не малыя неудовольствія и жалобы будутъ на его недискретные съ ними поступки, притомъ *мьшается въ дьла ему не порученныя*, извольте его ему высокимъ своимъ указомъ запретить и повелѣть дискретно съ тамошними жителями обходиться; потому что могутъ недискретно съ нимъ поступить, что высокому гонору Вашего Величества противно, ибо его уже не честно трактовали за его насильственные и неучтивые поступки". Вслѣдствіе этого донесенія Рудаковскому присланъ былъ новый выговоръ за недискретные поступки и кромѣ того выговоръ за дурной языкъ его донесеній: „Въ реляціяхъ твоихъ употребляешь ты зѣло многія польскія и другія иностранныя слова и термины, за которыми самаго дѣла выразумѣть невозможно: того ради впредь тебѣ реляціи свои къ намъ писать всѣ россійскимъ языкомъ, не употребляя иностранныхъ словъ и терминовъ". Рудаковскій отвѣчалъ: „Враги церкви усиливаются повредить мнѣ и обнести меня невиннаго предъ вашимъ величествомъ (а отъ князя Сергѣя Григорьевича Долгорукаго ни я, ни епископъ не получаемъ въ обидахъ нашихъ никакого отвѣта), потому что неусыпное мое стараніе о врученныхъ мнѣ интересахъ очень имъ непріятно, когда происходятъ не бывалыя въ этихъ краяхъ дѣла... Очень мнѣ горько, что обвиненіямъ на меня, ни въ чемъ не виноватаго, дается вѣра; очень мнѣ чувствительно и то, что министръ вашего величества, пребывающій въ Варшавѣ, зная самъ очень хорошо о всѣхъ здѣшнихъ притѣсненіяхъ православнымъ, изволитъ вѣрить ложнымъ донесеніямъ, а истиннымъ съ нашей стороны не вѣрить и дурно пишетъ обо мнѣ. Получилъ я извѣстія изъ Варшавы, что все рим-

[1]) Соловьевъ, XVIII, 87.

ское духовенство и люди ихъ закона (въ которомъ и изъ нашихъ нѣкто обрѣтается) хлопочутъ изо всѣхъ силъ, чтобъ меня и порученное мнѣ дѣло ниспровергнуть[1])".

Между тѣмъ Петръ Великій сильно заботясь объ участи православныхъ въ Польшѣ отправилъ отъ 6 августа 1724 г. грамоту по этому дѣлу къ королю Августу, послѣднюю въ своей жизни. Съ сожалѣніемъ и скорбію писалъ онъ въ этой грамотѣ: „Мы по справедливости причину имѣли уповать, что наши дружебно-сосѣдскія ревностныя представленія надлежащее и пожеланное дѣйство (будутъ) имѣть, и отъ Вашего Королевскаго Величества такія учрежденія учинены будутъ, дабы греческаго и протестантскаго исповѣданія обыватели[2]) при своихъ церквахъ, монастыряхъ и епархіяхъ и при всѣхъ своихъ благоосновапныхъ правахъ и преимуществахъ отъ всякаго неправеднаго нарушенія и обиженія, по силѣ между нами и Вашимъ Королевскимъ Величествомъ и Рѣчью Посполитою обрѣтающагося вѣчнаго договора, защищены и содержаны быть могли. Но понеже до сего времени, къ великому нашему прискорбію, сіе не воспослѣдовало, и тѣ *гоненія и преслѣдованія не токмо не престаютъ, но еще съ часу на часъ горчае становятся*, и тѣхъ бѣдныхъ людей конечное разореніе надъ ихъ головами уже носится; того ради не можемъ Мы оставить оныя Наши о тѣхъ противно правамъ чинящихся жестокихъ гоненіяхъ Вашему Королевскому Величеству учиненныя представленія ревностно и наиприлѣжнѣйшимъ образомъ чрезъ сіе повторить... Ваше Королевское Величество и рѣчь Посполитую наиприлѣжнѣйше просимъ вящше не допустить, дабы тѣ, какъ нашего греческаго, такъ и протестантскаго исповѣданія обыватели преслѣдованію и гоненію нѣкоторыхъ частныхъ особъ подвержены не были, и на наступающемъ Сеймѣ такія мѣры взять, дабы оные при тѣхъ своихъ правахъ и преимуществахъ впредь покойно оставлены, и въ томъ ни отъ кого какое утѣсненіе, обиды и гоненія понести болѣе не были бъ принуждены. Мы такъ наипаче надѣемся, что сіе наше прилѣжнѣйшее прошеніе и справедливое желаніе отъ Вашего Королевскаго Величества и Рѣчи Посполитой въ наллежащее уваженіе взяты

[1]) Тамъ же, 87—88.

[2]) За протестантовъ, гонимыхъ въ Польшѣ, Петръ принялъ на себя обязанность ходатайствовать предъ польскимъ правительствомъ по просьбѣ о томъ Прусскаго короля (Чистов. Оч. ист. З.-Р. Ц., 11, 57).

будутъ; понеже, чаемъ, Вашему Королевскому Величеству самому не безызвѣстно, что и иныя разныя высокія протестантскія державы за тѣхъ диссидентовъ сильно заступаютъ и интересуются; да и *продолженіе* тѣхъ *гоненій* не инако, какъ *къ многимъ непріятнымъ сльдованіямъ причину и поводъ подавать можетъ*“[1]).

Для болѣе сильнаго воздѣйствія на короля и побужденія его къ исполненію просьбы Императора повелѣно было русскимъ посламъ въ Варшавѣ, князьямъ Василію и Сергѣю Долгоруковымъ, въ дополненіе къ Императорской грамотѣ подать записку съ обстоятельнымъ изложеніемъ обидъ, понесенныхъ православными отъ латинянъ, и съ указаніемъ церквей, забранныхъ на унію. Въ запискѣ этой представленной королю и Рѣчи Посполитой во время конференціи въ Варшавѣ 27 ноября 1724 года, приведены слѣдующіе факты насилія надъ православными Бѣлоруссіи—

въ 1723 году:

„Двѣ церкви въ городѣ *Любавичахъ* въ праздники Успенія Пресвятыя Богородицы и св. Николая, да двѣ церкви въ селахъ *Шитовъ* и *Волищевой* слободѣ шляхтичъ Залусскій, кухмистръ Великаго Княжества Литовскаго, превратилъ на унію, и четырехъ священниковъ, обравъ у нихъ все, выгналъ...[2]). На сіе смотря и другіе повѣта обыватели въ томъ же году двѣ церкви отняли въ *Буновичахъ* и въ *Зачерть*, откуда, такимъ же образомъ, священниковъ выгнали, которые принуждены по міру волочиться[3])“.

„Соколинскій архіепископъ Смоленскій уніятской съ Иллиничемъ стольникомъ Мстиславскимъ церковь св. Иліи въ городѣ *Мстиславль*, наѣхавъ ночнымъ временемъ, отняли на унію, а людей православныхъ, которые просили о той церкви, саблями рубили, а по другихъ стрѣляли; по утру же на другой день, забравъ множество тамошнихъ обывателей, до езуитскаго монастыря загнали и тамо ихъ палками до смерти били, отъ чего студенты, пришедъ въ

[1]) Бан.-Кам., стр. 203, сн. 1-я.

[2]) Далѣе о дѣйствіяхъ Залусскаго приводятся здѣсь почти всѣ тѣ подробности, какія приведены въ жалобѣ Любавицкихъ священниковъ, посланной Рудаковскому для представленія Императору (Жалоба эта приведена нами выше).

[3]) С. И. Соколовъ въ ст. своей: „Историческіе матеріалы о Православной Церкви въ Могилевской губерніи (Могил. Губ. Вѣд. за 1840-е годы), подъ Шитовомъ разумѣетъ село *Шилово*, подъ Волищевой Слободой—с. *Алексѣевку*, а подъ Буновичами—*Бабиновичи*.

ярость, не спускали и священникамъ, по улицамъ, бросая на нихъ каменьемъ, а съ чернецовъ камилавки сбрасывали, ругаясь вѣрою, и нападеніе на оныхъ не какъ на людей, но какъ на звѣрей чинили, тяжкія и несносныя дѣлаютъ имъ ругательства, и похваляяся, что сего де года всѣхъ ихъ искоренятъ[1]).

„По первомъ отнятіи въ *Головчинѣ* одной церкви нынѣ двѣ отняли: св. Троицы и св. Николая, изъ которыхъ церквей одинъ священникъ уступилъ, а другой сталъ уніятомъ, не захотѣвъ быть безъ мѣста.

„Попъ прихода *Журинскаго*, уніятъ, православному Совѣтнику Голошовскому, въ графствѣ Шкловскомъ обрѣтающемуся, на вольной дорогѣ голову порубилъ, бороду и усы выбрилъ; а приведши въ свой домъ съ урядникомъ г. Поплавскаго, до смерти билъ палками, а потомъ четыре дня въ темномъ хлѣву его держалъ, который оттуда спасся уходомъ.

„Ксендзъ Францискъ Чернявскій, архидіаконъ Бѣлорусскій римской вѣры, прислалъ объявленіе съ полученнаго декрета въ трибуналѣ, дабы церковь въ городѣ *Оршѣ*, которую уже заложили, не строили, съ такимъ объявленіемъ: или велѣть оную разорить, или въ уніятскую обратить. Тотъ же помянутый архидіаконъ наступаетъ и зѣло старается, дабы въ *Шкловѣ* и въ *Дубровнѣ* всеконечно унія была; а о гоненіи чрезъ онаго православнымъ трудно и описать.

„Священника *Мулатицкаго*[2]) тамошній ксендзъ доминиканъ пріоръ, безъ всякой причины, ѣдущаго въ дорогѣ велѣлъ поймать; которыи священникъ, бѣгая отъ него, кинулся отъ страха въ прудъ, откуда вытащивъ его, отвели въ монастырь доминиканскій, гдѣ били его по щекамъ, и за волосы драли и зѣло непристойно святую вѣру ругали; а потомъ, онъ же пріоръ принесъ розги и кошки, и хотѣлъ его бить, но едва упросили случившаяся тутъ шляхта, дабы, ради священническаго чина, ему здравіе даровалъ, и такъ помянутый священникъ выгнанъ.

---

[1]) Фактъ отнятія Соколинскимъ въ Мстиславлѣ церкви св. Иліи нами приведенъ уже въ своемъ мѣстѣ выше, но здѣсь сообщается о немъ съ большими и, притомъ, характерными подробностями.

[2]) У С. И. Соколова въ процитованной ст. его—*Малятицкаго*.

Въ 1724 году:

„Ксендзъ Гиндорфъ, пріѣхавъ изъ Могилева къ Сапѣгѣ въ *Быховъ*, велѣлъ всѣхъ священниковъ, въ тамошнемъ графствѣ обрѣтающихся, въ городъ собрать, держалъ ихъ чрезъ весь великій постъ, и мучилъ, принуждая къ принятію уніи; не допущалъ прихожанъ до исповѣди, и церковнаго пѣнія отправлять имъ не позволилъ, что съ не малою сердечною болѣзнію православныхъ было, когда въ такіе святые дни не имѣли они исповѣди, ниже церковнаго пѣнія слушать могли; смотря же, что благочестивые твердо въ вѣрѣ стоять, въ праздникъ освободилъ отъ такого мученія.

„Онъ же ксендзъ Гиндорфъ, не удовольствуясь первымъ гоненіемъ бѣдныхъ священниковъ, послѣ отъѣзда Сапѣги изъ *Быхова*, наговорилъ Бучинскаго управителя *Нововыховскаго*, который мучительски поступилъ съ тамошнимъ священникомъ, но ничего себѣ въ пользу не учинилъ; а потомъ на другаго священника *Зимницкаго*, коего изъ села отъ церкви выгналъ и весь его пожитокъ отнялъ, а его билъ и мучилъ, и на мѣсто его растригу, который только что унію принялъ, поставилъ.

„Въ *Литвиновичахъ* новопостроенной церкви, за внушеніемъ того же ксендза Гиндорфа, г. Завиша, староста Минскій не позволилъ освятить, о которой слезнымъ рыданіемъ тамошніе прихожане просили, дабы не была превращена на унію. Однимъ словомъ: помянутый ксендзъ Гиндорфъ такія несносныя православнымъ тягости чинитъ, что и въ свѣтѣ подобныхъ быть не можетъ.

„Въ *Гомлю* ксендзъ тамошняго прихода запрещаетъ церковь строить каменную, которая имѣла строиться, по данной привилегіи отъ князей Нейбургскихъ.

„Шляхтичъ Юзефовичъ священниковъ *Святошицкихъ*, которые съ великою трудностію въ налогахъ пребываютъ, не отступая однако же отъ вѣры, съ великимъ поношеніемъ и самой особы пастырской, вездѣ ругаетъ.

„Поповича *Стефановича* (который у Могилевскаго архіерея печати укралъ, ложно подъ руку епископскую подписывался, и въ разныя мѣста писалъ, за что достоинъ по гражданскому суду смертію казненъ быти, или руки отсѣченіемъ) защищая тамошній ксендзъ плебанъ Казимиръ Волчекъ, велѣлъ епископскихъ людей ловить и бить, и самъ такожъ не стыдясь по улицамъ за ними гонялся, и

30 сентября епископскаго слугу влекъ къ себѣ на смертное убивство, котораго собравшіеся люди отняли; однако же похваляется онъ исполнить впредь свое намѣреніе. Другіе же, которые того вора *Стефановича* имѣютъ въ своей протекціи, также грозятъ; и опасно, дабы и самому епископу Могилевскому тогожъ не было; а монахи и слуги архіерейскіе хотятъ всѣ прочь отъити, опасаяся насильственнаго нападенія отъ непріятелей и на самый дворъ архіерейскій.

„Тотъ же ксендзъ Плебанъ въ день Пасхи запретилъ, дабы по церквамъ прежде не звонили, пока не начнетъ онъ свою церковную службу, и благочестивымъ въ церковь идти не велѣлъ, пока онъ свое пѣніе не отправитъ, чего прежде сего никогда не слыхано.

„Шляхтичъ *Яблонскій* священника *Шадоровскаго* всего ободралъ, домъ разграбилъ, церковь запечаталъ, самаго его взялъ въ свой дворъ, гдѣ оковавъ цѣпью за шею, чрезъ три недѣли держалъ, а потомъ на ноги колодки набивъ, привезъ въ Могилевъ.

„Церковь въ *Мошонакахъ* насильствомъ превращена на унію, и къ крайнему наругательству такой поставленъ попъ, который нѣсколько разъ перемѣнилъ вѣру на уніятскую, и которой за перемѣну оныхъ достоинъ былъ публичной казни, но вмѣсто оной, въ награжденіе дана ему вышепомянутая церковь, откуда выгнавъ онъ священника православнаго, обобралъ у него все его имѣніе, такъ что ниже дали ему сестру свою погребсти, которая въ то время умерла. Изгнанный же сей православный священникъ самъ съ женою, съ матерью и братьями отъ села таскаяся, не имѣлъ, гдѣ главу приклонити; ибо запрещено мужикамъ, подъ жестокимъ наказаніемъ, дабы его никто въ домъ свой не принималъ.

„Церковь и той церкви священника въ *Чернковѣ* королевская коммиссія на унію обратила; и отъ сего обратившагося на унію священника брать сего родной и православной вѣры священникъ же не имѣетъ покоя чрезъ всегдашнія ругательства.

„Всѣмъ благочестивымъ священникамъ подтверждено декретомъ коммиссіи генеральной, исключая уніятовъ, которые въ равенствѣ мѣшаются въ той же экономіи Могилевской, дабы доходами, за вѣнчаніе и похороны, подаяніемъ довольствовались, чего прежде сего никогда не бывало; а то чинять того ради, дабы, не имѣя принадлежащихъ доходовъ скорѣе сдѣлались уніятами; и сіе чинится противу конституціи 1639 г.

„Перевозъ на рѣкѣ Днѣпрѣ отъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ о томъ права свидѣтельствуютъ, надлежащій къ каѳедральной Могилевской Спасской церкви, отъ оной нынѣ отнятъ.

„Звонить по церквамъ повелѣно во время отправляющейся римской всякой процессіи и въ день празднованія св. Троицы, чего прежде сего не бывало и быть не надлежитъ въ противность конституціи 1639 года.

„Привиллегію короля Владислава IV на церковь св. Николая отнялъ подскарбій; оною позволялось судить священниковъ и старицъ за преступленіе самому епископу по его епископской должности, а нынѣ противу конституціи 1659 года судили епископа Бѣлорусскаго съ старицами чего мірскимъ чинить не надлежитъ, кромѣ реляційныхъ судовъ королевскихъ.

„Землю въ городѣ *Могилевѣ* ксендзы езуиты Могилевскіе, чрезъ уговоръ подскарбія, давъ въ замѣну каменныя палаты, отняли, за которую православные принуждены платить противъ присяги Могилевскихъ дымовъ пятнадцатую долю.

„У *Лабоновскаго* священника въ той же экономіи Могилевской отнялъ нынѣ церковь уніатъ Чериковской.

Въ *Головчинѣ* одна только осталась церковь православная, и тую прошлой зимы отняли.

„Священника въ *Орши* намѣстникъ хоронгви гусарской, стольника Сапѣги, бралъ и мучилъ и палками едва не до смерти билъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ процессъ предъ судомъ Оршанскимъ.

Священника *Бабенницкаго* въ графствѣ Копыскомъ управитель тамошній, что онъ по письменному его повелѣнію не снялъ вора съ висѣлицы, мучительски велѣлъ бить.

Шляхтичъ Хотяковской съ ксендзами кармелитами Могилевскими въ трехъ миляхъ отъ *Могилева* напалъ на священника благочестивой вѣры, и всю его рухлядь, и что имѣлъ при себѣ, такожъ церковную утварь силою отнялъ, священника выгналъ, и церковь обратилъ на унію“ [1]).

На грамоту Петра I отъ 6 августа 1724 года и записку его

[1]) Записка эта не вся приведена здѣсь: тѣ пункты ея, въ которыхъ говорится о насиліи надъ православными Польши въ мѣстахъ не принадлежащихъ теперь Могилевской епархіи, нами опущены.

министровъ съ подробнымъ перечисленіемъ обидъ, понесенныхъ отъ латинянъ православными Бѣлоруссіи, король Августъ II отъ 13 декабря того же года отвѣчалъ, что ни православные, ни люди другихъ исповѣданій (диссиденты) никакихъ обидъ и притѣсненій въ Польшѣ не терпятъ, перечисленныя же въ запискѣ обиды православнымъ онъ считаетъ измышленіемъ людей злоумышленныхъ, которые, завидуя доброму согласію обоихъ государей, „разсѣваютъ таковыя, съ правдою не согласующіяся, вѣдомости“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ русскаго посла кн. Долгорукова польскіе министры требовали, чтобы Рудаковскій, который уже два года живетъ въ Могилевѣ и неизвѣстно почему называется коммиссаромъ его царскаго величества, былъ отозванъ; онъ мѣшается въ дѣла духовныя, нарушаетъ миръ между католическимъ духовенствомъ и диззунитами, противными своими и лживыми реляціями можетъ на гнѣвъ привести его царское величество: „поэтому мы требуемъ, писали министры, чтобы этотъ резидентъ былъ отозванъ, ибо не помнимъ, чтобъ когда-либо прежде подобные коммиссары жили въ земляхъ нашихъ и вмѣшивались въ дѣла духовныя [2])“.

Рудаковскій, не смотря на такое положеніе дѣлъ, неблагопріятное для православныхъ и для него самого, продолжалъ свою миссію въ Могилевѣ, и въ слѣдующемъ 1725 г., когда въ Бѣлоруссіи стали ходить слухи о смерти Петра Великаго, онъ отъ 24 февраля написалъ еще на имя Петра любопытное письмо: „Въ здѣшнихъ краяхъ отъ злоковарственныхъ и злозамышляющихъ враговъ публикуются сердце и утробу мою проникающія вѣдомости, что будто Ваше Величество изволилъ преселитися въ небесные чертоги, чему я рабъ вашъ, не имѣя извѣстія отъ двора Вашего Величества, весьма вѣры дать не могу. Слыша объ этомъ, мухи мертвыя (т. е. шляхта) носъ поднимать начинаютъ, думаютъ, что русская имперія уже погибла, всюду радость, стрѣльба и попойки, и мнѣ отъ ихъ похвальбы изъ Могилева выѣзжать нельзя, и въ Могилевѣ жизнь моя не безопасна“. Вскорѣ слухи о кончинѣ Петра Великаго подтвердились, пришло также извѣстіе о восшествіи на престолъ русской имперіи супруги его Екатерины Алексѣевны. Из-

---

[1]) Отвѣтная королевская грамота у Бант.-Кам., стр. 211, сн. 1-я.

[2]) Соловьёвъ, XVIII, 91.

вѣстіе о спокойномъ воцареніи Екатерины вывело Рудаковскаго изъ тяжелаго положенія; онъ въ свою очередь ободрился и началъ толковать, что новая императрица не оставитъ своимъ попеченіемъ восточную церковь и будетъ всѣми силами оборонять ее, какъ единая благочестивая государыня и протекторка святаго благочестія. Донося о слухѣ, что будетъ война между Польшею и протестантскими державами, Рудаковскій писалъ: „Смѣху достойна отвага здѣшняго народа, у котораго нѣтъ ни денегъ, ни магазиновъ, ни войска, ни пушекъ, ни мелкаго оружія, который надѣется на одни свои сабли, да и тѣ уже очень позаржавѣли; правда, мелкая шляхта сядетъ на коней, но не для сопротивленія непріятелямъ, а только для грабежа и разоренія своего отечества. Если этотъ огонь загорится, то ни я, ни князь Четвертинскій, епископъ Бѣлорусскій, не можемъ оставаться здѣсь спокойно; да хотя бы огонь и не загорѣлся, то мнѣ безъ отряда русскихъ воинскихъ людей оставаться здѣсь нельзя, потому что многіе изъ шляхты присягнули лишить меня жизни; особенно враждебенъ мнѣ за мою горячность къ восточной церкви шляхтичъ Петръ Свяцкій". Вѣроятно, тотъ самый фанатикъ, который года три тому назадъ ранилъ преосвященнаго Сильвестра саблею въ руку.

Чрезъ два мѣсяца по воцареніи Екатерины посланъ былъ (отъ 10 апрѣля 1725 г.) епископу Могилевскому, князю Четвертинскому, рескриптъ, повелѣвающій, находящагося въ Могилевѣ для защиты людей греческаго исповѣданія отъ обидъ, коммиссара Игнатія Рудаковскаго отправить въ С.-Петербургъ для обстоятельнаго донесенія о дѣлахъ, касающихся до врученной ему коммиссіи. Потому случаю канцлеръ писалъ преосвященному Сильвестру, чтобы онъ не сомнѣвался относительно этого вызова: императрица не оставитъ православныхъ безъ защиты и какъ скоро Рудаковскій дастъ отчетъ о подлинномъ состояніи православныхъ въ Польшѣ, то или онъ возвратится, или кто-нибудь другой будетъ отправленъ на его мѣсто. Въ отвѣтъ на это увѣдомленіе Сильвестръ написалъ императрицѣ: „Отзывъ Рудаковскаго сильно опечалилъ церковь Божію и меня съ православными, какъ корабельщиковъ на морѣ, при усилившихся жестокихъ вѣтрахъ. Слезно прошу, да изволите подать руку помощи мнѣ, окруженному отовсюду смертными злоключеніями и немедленно отправить къ намъ какую-нибудь особу, дабы заступалъ

насъ, какъ господинъ коммиссаръ, здѣсь обрѣтавшійся, или его же самого, потому что онъ знаетъ здѣшній край и его обычаи, стоялъ за правду и не молчалъ противъ враговъ нашихъ [1])".

Удаленіе Рудаковскаго изъ Могилева являлось слѣдствіемъ опасенія со стороны русскаго правительства, чтобы коммиссаръ этотъ крайнею энергіею, или вмѣшательствомъ въ дѣла, не касающіяся его, не усилилъ еще болѣе тамъ вражды латинянъ къ православнымъ и тѣмъ не вызвалъ бы непріятнаго дипломатическаго осложненія въ сношеніяхъ съ Польшей. Виновникомъ и поддержкою этого взгляда на дѣятельность Рудаковскаго въ Бѣлоруссіи былъ русскій посолъ въ Варшавѣ князь С. Г. Долгорукій, который, какъ извѣстно, былъ не расположенъ къ нему и домогался этого удаленія. Между тѣмъ, положеніе Могилевскаго епископа и паствы его въ борьбѣ съ латинянами дѣлалось печальнѣе и необходимость въ сторонней помощи еще болѣе увеличивалась для нихъ. Послѣ вызова Рудаковскаго въ Петербургъ обиды православнымъ умножались съ каждымъ днемъ и опасность для жизни епископа увеличилась настолько, что у него, въ случаѣ отказа ему русскимъ правительствомъ въ присылкѣ новаго коммиссара, является даже мысль оставить церковное правленіе и удалиться изъ епархіи. Отъ 10 іюня того же 1725 года онъ писалъ императрицѣ: 1) „По отъѣздѣ онаго Рудаковскаго, двухъ служителей моихъ въ замковую тюрьму коммиссары (польскіе) посадили, безъ всякой причины, и сковавъ имъ руки и ноги, стоящихъ къ стѣнѣ за шею приковали, которыхъ чрезъ шесть уже недѣль голодомъ морятъ; на сіе прочіе духовные и мірскіе люди смотря, разбѣжалися, таковой опасаяся неволи и тиранскаго мучительства, и оставя самаго меня съ однимъ священникомъ въ такомъ страхѣ, что и въ церковь едва дерзаю ходити. *И ежели въ скоромъ времени отъ Вашего Величества не получу помилованія въ присылкѣ коммиссара; то принужденъ буду и церковное оставить правленіе;* понеже остался я въ убогомъ домѣ моемъ, какъ узникъ, а не хозяинъ и управитель въ епархіи.

2) „Пріѣхавъ сюда недавно, мѣщане *Бешенковицкіе* (Полоцкаго воеводства) жаловались мнѣ, что православный священникъ оттуда изгнанъ (гдѣ въ скоромъ времени всѣ принуждены будутъ быть уніатами); а церковь тамошняя, при самомъ Государѣ Импе-

[1]) Тамъ же, XIX, 35, 36.

раторѣ Петрѣ I[1] для благочестивыхъ созданная, обращена въ унію; и когда я о возвращеніи оной домогался, тогда въ отраду мнѣ сказано: *берегись, дабы и своего престола церкви не потерять.*

3) „Шкловскіе монахи доносятъ: что чрезъ грабительство ксендза *Чернявскаго*, бискупа Виленскаго архидіакона, у купцовъ Шкловскихъ, за построенную на колокольнѣ главу, 300 ефимковъ пропадаетъ; и что тотъ же архидіаконъ выправилъ декретъ на трибуналѣ, дабы церкви православныя большею вышиною отъ школъ жидовскихъ не были, по которому декрету запрещено въ Оршѣ каменныя церкви строить, а частныя обиды дѣлаются православнымъ каждый день.

4) „Землю и перевозы къ Бѣлорусской епископіи принадлежащія, изъ которыхъ я имѣлъ пропитаніе, коммисары польскіе отобрать стараются, а другое уже и отобрали“ [1]).

Въ слѣдующемъ (1726 году) преосвященный Сильвестръ отправилъ къ императрицѣ Екатеринѣ I еще двѣ жалобы съ просьбою о помощи и защитѣ. Описывая обиды православнымъ съ указаніемъ тѣхъ церквей епархіи, изъ которыхъ однѣ подверглись нападеніямъ отъ латинянъ, а другія совсѣмъ отняты на унію, онъ въ первой изъ этихъ жалобъ, отъ 10 іюня, писалъ: „Видя себя ежедневно гоненіемъ утружденнаго и въ крайней бѣдѣ сущаго, ради содержанія вѣры православной восточной, для которой многіе, неувядаемый вѣнецъ въ будущемъ житіи получить надѣяся, страдать благоволили; тако и я всякихъ временныхъ благополучій недостойный, благонамѣренной древней послѣдуя пользѣ, ничего инаго не желаю, токмо да буду совокупленъ со всѣми, благочестіе святое сохраняющими. Однакожъ въ томъ обнадеживаніи сумнѣваюсь быть воздаянія вѣчнаго совершенно достойнымъ; понеже вся епископія Бѣлорусская во всеконечное разореніе при моемъ пребываніи приходитъ, за что предъ всемогущимъ Богомъ должно мнѣ отвѣтствовать; ежели умедлю Вашему Императорскому Величеству донесть о обидахъ Церкви Божественной, несумнѣнно надѣяся со всѣми православными здѣшняго государства покровительство, помощь и милосердіе вѣрѣ святой отъ Вашего Императорскаго Величества получити.“

[1]) 1) Бан.-Кам., 215—216.

„О прочихъ же епископіяхъ не предлагаю. Извѣстно Вашему Императорскому Величеству, что оныя прошлыхъ временъ насильственно на унію отняты, бывъ вѣчнымъ договоромъ отъ Россійской Имперіи утверждены. Что такожде и съ *Бѣлорусскою* епископіею, во многихъ гоненіяхъ обрѣтающеюся, всеконечно учинить намѣреваютъ. Ибо не токмо отнятыхъ церквей и изгнанныхъ и разоренныхъ весьма священниковъ не допускаютъ къ домамъ собственнымъ, но и на самую соборную Могилевскую Св. Спаса Церковь съ великими угрозами письменные подалъ подскарбій надворной коронной *Оссолинскій* Россійскому въ Польшѣ министру князю *Василію Лукичу Долгорукову* пункты, объявляя, что не иное-де учинить надлежитъ, токмо взявъ отъ епископа все его имѣніе и позволенную отъ пресвѣтлѣйшихъ королей Польскихъ привиллегіями власть отнявъ, выгнать съ безчестіемъ съ епископіи за то, что при соборной я обрѣтаюсь церкви, которая якобы на унію заложена была. Но имянно въ конституціяхъ показано, такожъ и въ вѣчномъ договорѣ означено, что благочестивому епископу быть должно. Такожде и на иныя многократныя публичныя статьи, прежде сего Сенату Польскому поданныя, такое же какъ и нынѣ вышло рѣшеніе. Ибо на сеймъ отлагая не дѣломъ, но надеждою токмо исполняется обѣщанное. Въ скорости же, приватно всѣ отнявъ церкви и я рабъ Вашего Величества изгнанъ буду, какъ и въ нынѣшній годъ недавныхъ чиселъ двѣ церкви отняты; а имянно: въ городѣ *Новомъ Быховѣ* церкви Успенія Пресвятыя Богородицы, и въ *Таймановѣ* Сошествія Св. Духа. Въ селѣ же *Вичичахъ*, въ Могилевской экономіи, управитель тамошній, называемой *Войткевичъ*, принялъ священника уніятскаго и все имѣніе, къ церкви надлежащее, отнялъ и отдалъ оному уніятскому священнику; прихожанъ же тамошнихъ, нехотящихъ принять уніи, бьетъ и чреаъ разное нападеніе принуждаетъ на унію, которые люди слезно мнѣ о своемъ ругательствѣ доносятъ. Но что я могу чинить, ежели Вашего Императорскаго Величества не получу милосердія, о которомъ, надъ предъ престоломъ Вашего Величества, со слезами прошу? Ибо такія безмѣрныя нападенія происходятъ, какъ и въ недавныя времена ксендзы кармелиты землю, къ епископіи Бѣлорусской надлежащую, насильственно отняли, которою и по нынѣ владѣютъ; такожде и послѣдній дворецъ, именуемый *Печерское*, отнять намѣре-

вая. Самъ Богъ вѣдаетъ, какимъ бы я образомъ онаго нападенія возмогъ избѣжать, ежели милости Вашего Императорскаго Величества не получу. Такожде и о изгнанныхъ священникахъ всенижайше прошу, а наипаче о тѣхъ, которыхъ въ *Любавичѣ Залуской* кухмистръ княжества Литовскаго выгналъ, которые ежедневно ко мнѣ приходятъ и со слезами помощи просятъ; и въ семъ превеликая обида является, что оффиціялы архіепископа *Полоцкаго*, именно: *Деревецкой* и *Водарской*, съ протопопами своими непрестанно ко всѣмъ священникамъ ѣздятъ, стращаютъ, бьютъ и разоряютъ имѣніе, принуждая оныхъ на унію и проч.“.

Во второй жалобѣ, отъ 4 августа того года, преосвященный Сильвестръ доносилъ императрицѣ: „По сіе время утверждающая церковь евтую свѣтую, въ премногомъ гоненіи въ здѣшнемъ государствѣ пребывающую и всѣхъ православныхъ несумнѣнную надеждою содержащая, была десница Вашего Императорскаго Величества; а нынѣ я съ прочими оставленъ. Понеже полномочной Вашего Величества министръ изъ Королевства Польскаго отозванъ; и того ради, въ опасеніи пребывая, не вѣдаю, какимъ образомъ возмогу лишенъ быти многобѣдственнаго житія моего, *надѣяся на всякъ часъ смертнаго случая купно съ пребывающими со мною монахами*, изъ которыхъ прочіе прежде обѣщанную видя отраду, въ дѣйство не произведенную, въ разныя стороны разойтись принуждены были, опасаясь, дабы во всеконечное не пришли страданіе: а я безъ помощи Вашего Императорскаго Величества не дѣйствителенъ обрѣтаюся; такожде и священники въ приходскихъ церквахъ пребывающіе, не надѣются болѣе со мною здѣсь быти, токмо до означеннаго сейма. Но и прежде начатаго онаго сейма да соблаговолитъ Ваше Императорское Величество обнадежить меня, раба своего, и прочихъ епископіи *Бѣлорусской* православныхъ жителей, дабы возможно было намъ чрезъ посла Вашего Императорскаго Величества о своихъ нуждахъ предложить, а имянно: о нарушеніи правъ; о привиллегіяхъ, кои нѣкоторые вельможи отняли; о свободномъ отправленіи церковныхъ требъ; о привращеніи церквей, наспльственно на унію отнятыхъ; о принуждаемыхъ на унію священникахъ; о небезопасности напрасной смерти и о прочихъ гоненіяхъ: инако же всѣ разойдутся оставя домы свои, а прочіе всеконечно привратятся къ уніатамъ. Однако же всепокорнѣйше прошу, дабы сія *Бѣлорус-*

ская епископія, по сіе время Россійскимъ утверждаемая престоломъ, оставлена не была, паче же, дабы подъ покровительствомъ Вашего Императорскаго Величества всегда пребывать возмогла, чтобъ уніятской біскупъ оною епископіею не управлялъ. Еще же и о семъ доношу: что протопопъ *Быховской* уніять церковь, въ городкѣ *Дашковкѣ* стоящую, насильственно отнять хотѣлъ на унію; однакожъ священникъ тамошней церкви, собравъ православныхъ людей, не допустилъ ему намѣренное исполнити дѣло. И сіе токмо на время учинено; понеже какъ прибудетъ стольникъ *Сапега*, то не токмо помянутая оная въ графствѣ Быховскомъ стоящая церковь, но и вездѣ на унію всѣ церкви отняты будутъ, ежели милостивое Вашего Императорскаго Величества призрѣніе не будетъ. Самъ же я весьма противитись не возмогу; понеже и безъ всякой моей показанной противности въ прошломъ году ксендзъ плебанъ *Могилевской*, именуемой *Волчекъ*, взявъ старца моего священника, велѣлъ его связать и привесть къ себѣ, и держалъ его въ темной тюрьмѣ, подъ костеломъ обрѣтающейся, пять недѣль; о чемъ я писалъ до біскупа *Виленскаго*, которой не безъ ижданія нашего присылалъ въ *Могилевъ* для розыска каноника своего, и потомъ хотѣлъ послать суффрагана своего судить дѣло оное; однакожъ и по сіе время никакая справедливость не учинена. Плебанъ же помянутый паки въ нынѣшнемъ году іюня 2 дня съ великою силою своею въ ночное время напалъ на дворъ мой, *убить меня намѣревая*, однакожъ Богъ ему не допустилъ; понеже бывшіе въ то время въ домѣ моемъ православные люди предпріятому умыслу его противостояли; и для того ни служитель, ни старецъ изъ дому моего выйти не дерзаетъ; понеже оной плебанъ всякаго ловитъ и смертно бьетъ. О таковомъ же безсовѣстномъ случаѣ въ *Невлѣ* писали ко мнѣ священники и жители тамошніе: что, въ нынѣшнія времена плебанъ *Невельской Давидовичъ* съ оффиціаломъ архіепископа Полоцкаго, наѣхавъ на дворъ священнической въ селѣ *Картаѣ*, въ графствѣ *Невельскомъ*, принуждалъ онаго священника на унію; и какъ не возмогъ принудить, то билъ его не щадно, и руки и ноги сковавъ, отвезъ въ дворъ свой, а потомъ отдалъ его оффиціалу, которой 60 верстъ онаго священника везъ съ собою, и не могучи его принудить на унію, билъ до полусмерти и въ лѣсу бросилъ, а коня священническаго взялъ къ себѣ и Богъ вѣдаетъ, ежели тотъ священникъ живъ обрѣтается.

„Желалъ бы я на слѣдующій сеймъ кого отъ себя послать, но никакого человѣка не пропустятъ; и ксендзъ *Гинтофъ* езуитъ, великой православныхъ обидитель, съ ксендзомъ плебаномъ Могилевскимъ всеконечно намѣрили убить того, кто бы отъ меня посланъ былъ въ дѣлѣ церковномъ. О прочихъ же нуждахъ писалъ я пространно къ князю Долгорукову, которой явственно могъ видѣть нужды и бѣдства православныхъ, каковыя отъ ксендзовъ уніятовъ и отъ нѣкоторыхъ шляхтичевъ чинятся, что какъ поручикъ *Милашевичъ*, въ нынѣшнемъ году опредѣленный, такъ и коммисаръ *Рудаковской*, чрезъ три года здѣ пребывая, ежедневно за Церковь Божію смертно страдалъ. Еще же и сіе Вашему Императорскому Величеству доношу: что, во время отправляемаго въ Мстиславлѣ сеймика намѣрила шляхта нѣкоторая съ уніятами, сверхъ отнятой церкви св. пророка Иліи, двѣ еще отнять; а имянно, церковь св. Спаса и Успенія Богоматери, которыя въ самомъ городѣ Мстиславлѣ обрѣтаются; что и учинено въ скорости будетъ, ежели не получу помощи отъ Вашего Императорскаго Величества. Тамъ же, въ Мстиславлѣ, *Суходольскій* подстароста Мстиславской послѣ прошлогодняго, чрезъ служителей своихъ учиненнаго людямъ моимъ на Днѣпрѣ разбоя, повторительно на монастырь Мстиславской Троицкой насылалъ много шляхты и людей своихъ насильственнымъ образомъ и сверхъ того на меня и на людей моихъ декретъ одержалъ съ великими угрозами многихъ денегъ, отъ которой напасти житія моего не надеженъ обрѣтаюсь“.

По поводу этихъ жалобъ императрица Екатерина I приказала послу своему генералъ-поручику Ягужинскому, отправлявшемуся на сеймъ въ Гродно, ходатайствовать за православное населеніе Польши предъ правительствомъ ея; въ отвѣтъ на ходатайство это польскіе министры (20 апрѣля 1727 г.) заявили Ягужинскому, что „обиженные должные относиться въ ассесорскіе суды и трибуналы [1])“.

Послѣднюю жалобу свою на гоненія отъ латинянъ преосвященный Сильвестръ прислалъ императору Петру II въ началѣ 1728 года. Подробно описавши въ ней бѣдствія, которымъ подверглась его епархія послѣ отзыва Рудаковскаго, и предчувствуя близость смерти, онъ писалъ императору: „Повелѣно было моему смиренію доносить о своихъ нуждахъ князьямъ Долгорукимъ, Василью Лу-

[1]) Бан.-Кам., 216—221. т

кичу и Сергію Григорьевичу, бывшимъ тогда при польскомъ дворѣ; они старательно предлагали королю и Рѣчи Посполитой, чтобъ насъ оставили въ покоѣ, но ничего не воспослѣдовало, только одни декларацiи. На сеймѣ 1726 года генералъ Ягужинскій прилагалъ неусыпный трудъ, чтобъ православнымъ была отрада, и получилъ декларацію, что наше дѣло должно окончиться на конференціяхъ. Теперь министръ Бестужевъ также всячески старается о насъ, но получаетъ одинъ отвѣтъ, что дѣло рѣшится на сеймѣ, а на сеймѣ о немъ ни полслова, отлагаютъ до конференцій. Прежде всего прошу, чтобъ г. Бестужевъ исходатайствовалъ позволеніе управлять по моей смерти Бѣлорусскою епархіею назначенной отъ меня особѣ до тѣхъ поръ, пока изберутъ другаго епископа, ибо многіе уніаты уже теперь стараются получить привилегію и восхитить престолъ Бѣлорусскій; чтобъ выданъ былъ королевскій универсалъ, запрещающій обижать православныхъ и отбирать у нихъ церкви, пока не назначатъ къ сейму коммиссаровъ для разсмотрѣнія обидъ; прошу о присылкѣ въ Могилевъ русскаго коммиссара, потому что прежній былъ великою помощію для православныхъ; прошу дать указъ изъ Св. Сунода, чтобъ архіепископъ кіевскій не вступался въ мою епархію, равно какъ и другіе архіереи [1])".

Предчувствіе смерти скоро сбылось: въ томъ же 1728 году февраля 13 дня преосвященный этотъ кончилъ скорбную жизнь свою въ Могилевѣ [2]) и погребенъ былъ, вѣроятно, въ склепѣ каѳедральной Спасской церкви, по примѣру предмѣстника своего Серапіона Полховскаго [3]).

Въ борьбѣ съ врагами православія духовенство и паства преосвященнаго Сильвестра Четвертинскаго были достойными слугами и дѣтьми своего архипастыря [4]): проникнутые любовію и ревностію къ вѣрѣ своихъ предковъ, они уступали только силѣ и принужденіямъ, которыхъ не возможно было преодолѣть. Обращенные въ

---

[1]) Соловьевъ, XIX, 218.

[2]) Тамъ же и Оч. лет. З.-Р.-Ц. Чистовича (ч. II, стр. 259), по которому Сильвестръ скончался 14 февраля.

[3]) Тѣло епископа Серапіона только предположено было погребсти въ склепѣ этой церкви: вмѣстѣ съ церковію оно, какъ извѣстно, сгорѣло во время случившагося тогда пожара, не дождавшись погребенія.

[4]) Особенное исключеніе изъ этого представлялъ архидіаконъ епископа Заленскій; о дѣйствіяхъ его будетъ сказано ниже.

унію насильно, новые уніаты въ душѣ долго оставались православными, до тѣхъ поръ, пока поневолѣ не свыкались съ новою вѣрою. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вблизи находились православные монастыри и церкви, они продолжали посѣщать ихъ, считаясь уніатами только по имени. Подтвержденіемъ этого явленія того времени служитъ вызовъ на судъ воеводы, отъ 20 апрѣля 1721 г., около 50 лицъ Витебскихъ мѣщанъ по обвиненію ихъ въ томъ, что „въ явное презрѣніе св. уніи, прикрываясь однимъ лишь именемъ уніатовъ, ходятъ въ уніатскія церкви только для поруганія хвалы Божіей, тогда какъ *въ годовые праздники и воскресные дни, для исповѣди и причастія, посыщаютъ Марковъ благочестивый монастырь, гдѣ исполняютъ свои схизматицкіе обряды, и другихъ людей, истыхъ уніатовъ, привлекаютъ и подговариваютъ къ дизуніи, соблазняя этихъ набожныхъ и правыхъ уніатовъ своимъ примѣромъ*“ [1]). Если же въ этой борьбѣ православнымъ представлялась возможность дѣйствовать силою, то ею немедленно пользоваться и для возвращенія своихъ правъ переходили иногда изъ положенія оборонительнаго въ наступательное. О такихъ фактахъ времени епископствованія Сильвестра Четвертинскаго свидѣтельствуетъ судебный процессъ (съ 27 октября 1720 г. по 29 мая 1723 г.) Полоцкаго уніатскаго архіепископа Флоріана Гребницкаго и подвѣдомственныхъ ему уніатскихъ священниковъ Невельскаго и Себежскаго уѣздовъ съ православными Невельскими священниками и мѣщанами, а также съ княземъ и княгинею Дешульбахъ - Нейбургскими, вызванный жалобою Гребницкаго. По жалобѣ этой происшествіе состояло въ слѣдующемъ. Подъ предводительствомъ князя и княгини Дешульбахъ-Нейбургскихъ и экономовъ ихъ имѣній, Невельскіе священники Николай Критскій и Каллиникъ Крушина; бургомистры: Антонъ Супроновичъ, Ѳеодоръ Жданка и Иванъ Камковичъ; ратманы: Петръ Быховецъ, Максимъ Борисовичъ и Николай Жданка; лавники: Иванъ Минничъ, Иванъ Жданка, Семенъ Жданка, Ѳедоръ Камковичъ, Семенъ Смолякъ; мѣщанинъ Василій Камковичъ и другіе Невельскіе православные мѣщане 6 октября 1720 г. напали съ толпою народа, вооруженною разнымъ оружіемъ, на приходскія церкви Невельскаго уѣзда—Порѣчьевскую, Комшанскую и Дубянскую, обращенныя въ унію 8 апрѣля того же года, и для возвращенія этихъ

[1]) Витебская Старина, т. V, докум. № 163.

церквей православію „насильно отняли ихъ и переосвятили, съ постановкою на нихъ новыхъ крестовъ". Священниковъ этихъ церквей — Комшанской Константина Блюдуху послѣ побоевъ утопили въ водѣ, Дубянской — Льва Колачевскаго побоями и угрозами лишить жизни заставили возвратиться къ православію, Порѣчьевскій же, Стефанъ Журавскій, послѣ сильныхъ побоевъ „едва могъ спасти жизнь свою изъ рукъ ожесточенныхъ". Въ числѣ виновниковъ этого происшествія Гребницкій на первомъ мѣстѣ поставилъ „такъ называющагося преосвященнаго Сильвестра, князя Святополка Четвертинскаго, владыку Себежскихъ и Могилевскихъ дизунитовъ". Главный трибунальный судъ вел. кн. Литовскаго въ Вильнѣ всѣхъ поименованныхъ лицъ, неявившихся въ этотъ судъ по обвиненію въ насиліи, причиненномъ означеннымъ уніатскимъ церквамъ Невельскаго уѣзда и ихъ священникамъ, а также и преосвященнаго Сильвестра, какъ „именующаго себя начальникомъ (Starszym) надъ дизунитами Невельскими и Себежскими", осудилъ на изгнаніе, безчестіе и смерть, со взысканіемъ съ имущества ихъ штрафа въ 2000 польскихъ злотыхъ [1]).

Послѣдніе годы бѣдственнаго епископствованія Сильвестра Четвертинскаго омрачены еще были столкновеніемъ его съ Могилевскимъ Богоявленскимъ Братствомъ и безпорядками въ самой паствѣ его. Борьба съ Братствомъ доведена была до крайности вслѣдствіе вмѣшательства въ нее архидіакона епископа, Каллиста Заленскаго, по прозванію, Оловяшки. Этотъ архидіаконъ былъ причиною и безпорядковъ въ епархіи. Пользуясь въ то время сильнымъ вліяніемъ на Сильвестра, бывшаго въ преклонныхъ лѣтахъ и ослабѣвшаго силами подъ игомъ управленія епархіею при весьма тягостныхъ обстоятельствахъ, Заленскій готовъ былъ изъ за личныхъ интересовъ погубить дѣло православія въ Бѣлоруссіи.

[1]) Тамъ же, № 161, стр. 326—333.—Когда, для исполненія этого постановленія суда, градскій судья Витебскаго воеводства Мартинъ Казиміръ Гурка явился съ генералами и понятыми въ г. Невель, то княгиня Дешульбахъ-Нейбургская съ экономами имѣній своихъ и съ не малымъ числомъ вооруженныхъ людей прогнала его и тѣмъ воспрепятствовала исполненію судебнаго постановленія (тамъ же, VI. стр. 332). Такого рода дѣйствія со стороны магнатовъ и владѣтельныхъ лицъ были обыкновеннымъ явленіемъ въ своевольной и безурядной Рѣчи Посполитой, въ которой физическая сила часто царила надъ юридическимъ правомъ.

Стремясь въ борьбѣ съ латинствомъ сосредоточить силы православія въ своемъ лицѣ, преосвященный Сильвестръ хотѣлъ подчинить своей власти Могилевское Братство, пользовавшееся правами ставропигіи. Поводъ къ этому данъ былъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Около 1725 года Братство избрало для монастыря своего игуменомъ Климента Пигаревича, но Сильвестръ, не признавая Климента, хотѣлъ назначить игуменомъ своего кандидата и, стараясь достигнуть этой цѣли, а чрезъ то подчинить Братство своему вѣденію, сталъ чрезъ подчиненныхъ ему лицъ притѣснять братчиковъ съ ихъ семействами и дѣлать разныя угрозы; архидіаконъ Заленскій отличался въ этомъ особымъ усердіемъ. Епископу помогалъ и назначенный отъ Русскаго двора для защиты православныхъ коммиссаръ Игнатій Рудаковскій, такъ какъ и онъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ отношеніе къ мѣстной епископской власти ставропигіальныхъ монастырей и братствъ считалъ не нормальнымъ. На дѣйствія епископа Братство подало жалобу королю, отъ котораго 18 октября 1725 г. послана была къ Сильвестру грамота съ такимъ содержаніемъ: „Возлюбленному въ Богѣ отцу Сильвестру, князю Четвертинскому, наша королевская милость. Ваше Преосвященство! Господа совѣтники наши, состоящіе при нашей особѣ представили намъ смиренную жалобу благороднаго Георгія Лешкевича, нашего Могилевскаго войта, и другихъ братчиковъ всего Могилевскаго Православнаго ставропигіальнаго Братства,—жалобу состоящую въ томъ, что, хотя Могилевская Ставропигіальная церковь и находящееся при ней Братство, привилегіями августѣйшихъ нашихъ предшественниковъ и конституціями, данными Польшѣ и В. К. Литовскому, изъяты изъ вѣденія Вашего Преосвященства, и на этомъ основаніи Братство само всегда избирало для себя игуменовъ, не смотря однако на это, Ваше Преосвященство, присвоя себѣ незаконно власть въ назначеніи игуменовъ для монастыря при помянутой церкви, не хочешь оставить въ покоѣ и признать избранія благочестиваго Климента Пигаревича, избраннаго въ игумена единогласно всѣмъ помянутымъ Братствомъ, вышепомѣненованнымъ Могилевскимъ войтомъ и прочими братчиками; не смотря на ихъ сопротивленіе, опирающееся на нашихъ законахъ и привилегіяхъ, хочешь насильственно подчинить ихъ своей мнимой юрисдикціи, дѣлаешь имъ, сговорившись съ графомъ Рудаковскимъ, разныя уг-

розы и вступаешъ съ этою цѣлію въ воспрещенную законами переписку съ посторонними людьми. Вслѣдствіе ходатайства нашихъ совѣтниковъ и чиновниковъ мы приняли въ уваженіе поданную намъ просьбу вышепомѣнованнаго благороднаго Лешкевича, нашего Могилевскаго войта, всего церковнаго Могилевскаго Братства и благочестиваго Климента. А вслѣдствіе этого напоминаемъ Вашему Преосвященству и строго приказываемъ настоящею нашею оберегательною грамотою ни лично, ни чрезъ подвластныхъ Вамъ людей не дѣлать никакихъ безпокойствъ и притѣсненій вышепомѣнованнымъ просителямъ, ихъ женамъ, дѣтямъ, челяди, равно и благочестивому Клименту Пигаревичу, законнымъ порядкомъ избранному Братствомъ въ игумена. Желая видѣть это непремѣнно исполненнымъ, назначаемъ ослушнику (этой грамоты) штрафъ въ четыре тысячи Литовскихъ копъ, изъ которыхъ одна половина безъ всякаго отлагательства должна быть внесена въ нашу казну, а другая отдана и уплочена обиженной сторонѣ“ [1]).

Но королевское запрещеніе борьбы не прекратило. Не обращая на него никакого вниманія, архидіаконъ епископа продолжалъ притѣсненія братчиковъ и довель до того, что Братство на дѣйствія его вынуждено было обратиться съ жалобою къ Кіевскому митрополиту, уполномочивши для этого изъ среды своей старостъ Якова Куцевича и Ивана Козловскаго. Жалоба послѣдовала вскорѣ послѣ смерти Сильвестра, именно 16 іюня 1728 г. Двѣнадцать пунктовъ этой жалобы съ подписью 26 лицъ наиболѣе видныхъ въ городѣ: войтовъ, бургомистровъ, радцевъ, лавниковъ и старостъ почти всѣхъ Могилевскихъ градскихъ церквей, отлично выясняютъ, что за человѣкъ былъ архидіаконъ Заленскій и какіе творилъ онъ безпорядки въ епархіи, начавшіеся еще при жизни преосвященнаго Сильвестра:

1) „По своему нерасположенію къ намъ, жаловались братчики, архидіаконъ этотъ еще при жизни въ Бозѣ почившаго Бѣлорусскаго епископа своими совѣтами причинялъ ущербъ основнымъ, дарованнымъ намъ, правамъ, а теперь вредитъ намъ еще болѣе къ уменьшенію славы Божіей. Питая сильное нерасположеніе къ братской церкви, онъ отмѣнилъ крестный ходъ на Іордань въ день Богоявленія Господня, между тѣмъ какъ прежде на этомъ крестномъ

[1]) Вилен. арх. сб. докум., II, № 68, стр. 102—103.

ходѣ присутствовали всѣ предшественники блаженной памяти упомянутаго епископа и со всѣмъ духовенствомъ для болѣе торжественнаго прославленія имени Божія, и самъ епископъ Бѣлорусскій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ присутствовалъ на немъ вмѣстѣ съ духовенствомъ. Равнымъ образомъ онъ отмѣнилъ торжественный крестный ходъ въ день явленія Чудотворной иконы Божіей Матери, который положено совершать уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ съ участіемъ въ немъ всего духовенства и съ колокольнымъ звономъ во всѣхъ церквахъ; а нѣсколько лѣтъ тому назадъ архидіакономъ не только запрещено духовенству присутствовать на этомъ крестномъ ходѣ, но и звонить въ колокола въ этотъ праздникъ. Онъ отмѣнилъ и всѣ другіе крестные ходы, совершавшіеся въ дни праздниковъ въ братской церкви, и этимъ нанесъ значительный ущербъ славѣ Божіей.

2) „Для обогащенія себя онъ завелъ при Могилевской каѳедрѣ такія правила, которыхъ здѣсь никогда не существовало. Именно: въ былыя времена, если кто вступалъ въ бракъ, тотъ за вѣнчаніе платилъ нѣсколько злотыхъ, а люди богатые — битый талеръ. Нынѣ же, подъ предлогомъ построенія каѳедральнаго собора, онъ бралъ по сту и болѣе, по восьмидесяти, по пятидесяти, словомъ бралъ столько, сколько могъ взять при своемъ вымогательствѣ; а это причинило не маловажный уронъ людскому достоянію. А другіе, не будучи въ состояніи удовлетворить такимъ вымогательствамъ, принуждены были вѣнчаться на сторонѣ, у уніатовъ. Собравши такимъ не законнымъ образомъ, нѣсколько тысячъ, онъ между тѣмъ не сдѣлалъ ничего для каѳедральнаго собора, а только самъ обогатился.

3) „Серебряную утварь Спасской каѳедральной церкви онъ перелилъ въ слитки безъ вѣдома старостъ и ключарей, затѣмъ продалъ и вырученныя деньги взялъ себѣ. Затѣмъ онъ насильственно отобралъ колокола въ различныхъ приходскихъ Могилевскихъ церквахъ и объявилъ прихожанамъ, что онъ эти колокола употребитъ на каѳедральный колоколъ для того, чтобы въ каѳедральной церкви былъ хорошій звонъ; а кончилъ все это тѣмъ, что для своей потѣхи вылилъ изъ колоколовъ маленькія пушки. Въ 1718 году онъ собралъ деньги со всѣхъ церквей и монастырей подъ тѣмъ предлогомъ, что поѣдетъ на сеймъ въ Городну, а потомъ не поѣхалъ туда и деньги присвоилъ себѣ.

4) „Изъ донесеній первыхъ нашихъ депутатовъ мы узнали, что ваше преосвященство выразили свое неудовольствіе на то, почему мы не жаловались прежде. Это отъ того, что мы опасались безпокоить почившаго въ Бозѣ епископа, боялись того, чтобы онъ не лишилъ насъ своего благословенія по ненависти къ намъ архидіакона. Мы терпѣливо должны были переносить все это, опасаясь не столько потери временнаго нашего имущества, сколько гибели душъ христіанскихъ. А какъ страсти архидіакона ведутъ людей къ вѣчной гибели, это видно изъ примѣра Могилевскаго бургомистра Даніила Сапоцки: насидѣвшись въ тюрьмѣ въ оковахъ у архидіакона, Сапоцко давалъ, пока было что давать, а когда уже нечего было давать, то архидіаконъ довелъ его до погибели, введши въ отчаяніе: онъ проклялъ его безъ всякой вины со стороны послѣдняго, изъ за наслѣдства, доставшагося ему, Сапоцко. Сынъ его Яковъ и г. Иванъ Антушкевичъ, Могилевскій райца, преданные вмѣстѣ съ нимъ, Сапоцко, проклятію, впавши въ отчаяніе, подвергались той же участи, пока не откупили себя у архидіакона отъ проклятія. Дѣло это съ подачками для умилостивленія архидіакона стоило имъ, какъ они сами свидѣтельствуютъ, по крайней мѣрѣ четыре тысячи.

5) „Короче, былъ бы только какой-нибудь поводъ, тотчасъ по желанію архидіакона налагаемо было запрещеніе на невинныхъ и самыхъ достойныхъ людей, какъ то: на гг. войтовъ Павла Лапицкаго, Георгія Лепкевича, на двухъ радцевъ: Петра Ракузу и Самуила Лепкевича, изъ коихъ трое съ великимъ трудомъ и то едва получили благословеніе еще при жизни епископа, а Самуилъ Лепкевичъ и теперь подъ запрещеніемъ, хотя былъ ни въ чемъ не виноватъ. Онъ архидіаконъ и теперь не оставляетъ гнѣва: отправленныхъ нами въ первый разъ къ вашему преосвященству нашихъ пословъ: Ивана Козловскаго, Могилевскаго радцу, и Ивана Ярошевича, нашихъ старостъ, онъ приказалъ приходскимъ священникамъ не допускать ни къ исповѣди, ни къ св. Причастію, что и было исполнено, не смотря на данное имъ благословеніе вашего преосвященства, и все это было сдѣлано имъ за то, что они отправлялись послами.

6) „Когда нечаянно утонулъ Иванъ Каскевичъ, отецъ котораго оказалъ большія благодѣянія Божіимъ церквамъ и монастырямъ во всемъ В. К. Литовскомъ, то епископъ, въ отсутствіе архидіакона,

велѣлъ звонить во всѣхъ церквахъ и похоронить его надлежащимъ образомъ. Но какъ только пріѣхалъ архидіаконъ, онъ все это перемѣнилъ, запретилъ звонить и хоронить его, незаконно требуя значительной взятки.

7) „Архидіаконъ дозволялъ расторженіе брака безъ всякой на то причины, безъ доказательствъ и безъ свидѣтельствъ. Такъ онъ дозволилъ нѣкогда разводъ Корнею Щербаку и послѣдній довелъ себя до нищеты подачками архидіакону. Равнымъ образомъ въ 1727 году архидіаконъ дозволилъ незаконно разводъ дочери г. Корабаньки, Могилевскаго бургомистра, выданной въ замужество за г. Полуневича.

8) „По смерти его преосвященства епископа всѣ мы хлопотали о томъ, чтобы права, привилегіи и всякаго рода документы, относящіеся къ Бѣлорусской епископіи, были до времени положены въ братскій сундукъ. Не смотря на свои неоднократныя обѣщанія, онъ (архидіаконъ) не отдалъ намъ этихъ документовъ и до сихъ поръ держитъ ихъ у себя, Богъ знаетъ для чего. А между тѣмъ эти акты всегда, при всѣхъ предшествовавшихъ епископахъ, не иначе гдѣ либо хранились, а единственно въ братствѣ. Это возбуждаетъ въ насъ сильное опасеніе того, чтобы архидіаконъ не сдѣлалъ чего-либо противнаго нашей Св. Вѣрѣ, отъ чего Боже сохрани.

9) „Имѣя съ давняго времени что-то противъ Богоявленской братской церкви и монастыря, онъ непрестанно всячески притѣсняетъ находящихся въ послѣднемъ иноковъ такъ, чтобы прекратилось Богослуженіе въ упомянутой церкви. Нѣкоторыхъ монаховъ онъ разослалъ въ другія мѣста; а на другихъ безъ всякой причины наложилъ запрещеніе. А теперешняго братскаго игумена, отца Сильвестра Цареградскаго, единодушно избраннаго нами съ разрѣшенія покойнаго епископа, безъ всякой причины перечислилъ въ епархію Черниговскаго епископа, лишилъ его права священнослуженія и велѣлъ объявить объ этомъ въ одинъ воскресный день во всѣхъ приходскихъ церквахъ отъ имени Черниговскаго епископа, не показывая никому самаго подлинника запрещенія.

10) „Излагая жалобы на все это, мы покорнѣйше просимъ ваше преосвященство, нашего милостиваго владыку и благодѣтеля, совершенно воспретить вашею пастырскою властію такое своеволіе архидіакона, для предупрежденія дальнѣйшихъ раздоровъ и несо-

гласій между православными сынами. Кромѣ того просимъ вразумить также властію и внушеніями вашего преосвященства и всѣхъ тѣхъ, которые держатся его образа мыслей и дѣйствуютъ по его совѣтамъ, какъ то: Даніила Янушкевича Воскресенскаго священника, Исидора Церкевича Покровскаго священника (послѣдній овдовѣлъ уже десять лѣтъ тому назадъ), Симеона Гайлевича священника Ближней Воскресенской церкви; равнымъ образомъ мы просимъ ваше преосвященство избавить ставропигіальную братскую Богоявленскую церковь вмѣстѣ съ монастыремъ и всѣмъ братствомъ отъ таковыхъ насилій и утвердить за ней права и фундуши, пожалованныя августѣйшими монархами, ихъ королевскими милостями, утвержденныя и благословенныя святѣйшими патріархами и блаженной памяти Кіевскимъ митрополитомъ Петромъ Могилой; вмѣстѣ съ тѣмъ просимъ утвердить благословенною грамотою избраніе нашего отца игумена.

11) „Тотъ же архидіаконъ, избравши по своему желанію Минскаго игумена преподобнаго отца Гедеона Шишку намѣстникомъ, а себя главноуправляющимъ, заставилъ духовенство дать ему на это формальное свое согласіе. Отецъ Протопопъ Копыскій воспротивился этому и уѣхалъ. А когда избранный намѣстникомъ отецъ Шишка, пробывъ нѣсколько недѣль при каѳедрѣ, также уѣхалъ въ свой монастырь и, Богъ знаетъ, когда опять прибудетъ къ намъ, то архидіаконъ сталъ употреблять всевозможные способы и устраиваетъ выборы въ г. Мстиславлѣ безъ благословенія вашего преосвященства и безъ вѣдома православныхъ братствъ, находящихся въ В. К. Литовскомъ, между тѣмъ какъ эти выборы производились всегда въ узаконенномъ мѣстѣ, т. е. при Могилевской каѳедрѣ въ королевскомъ городѣ Могилевѣ. Мы просимъ ваше преосвященство остановить замыслы отца архидіакона и не давать ему на это, вмѣстѣ съ его сторонниками, вашего архипастырскаго благословенія.

12) „Наши фундуши, привилегіи и благословенныя грамоты побуждаютъ насъ искать покровительства вашего преосвященства. При этомъ мы покорно просимъ ваше преосвященство: благоволите прислать въ нашъ братскій монастырь подъ милостивой защитой вашей архипастырской власти двухъ іеромонаховъ и одного діакона, потому что здѣшніе монахи не могутъ жить въ нашемъ братскомъ монастырѣ вслѣдствіе архидіаконскихъ интригъ и насилій [1])".

[1]) Вил. арх. сб., 11, № 69, стр. 140—141.

Могилевскіе граждане жаловались на Заленскаго и въ Синодъ, называя этого архидіакона волкомъ въ овчей кожѣ и приписывая ему то, что священники, угнетаемые имъ, обращаются въ унію и что церковь каѳедральная, сдѣланная изъ досокъ, гніетъ, тогда какъ онъ на ея строеніе собираетъ большія деньги съ вѣнечныхъ памятей [1]).

Самоуправствомъ архидіакона Оловяшки, бывшимъ причиною столь печальныхъ явленій во внутренней жизни епархіи, оканчивается бѣдственное епископствованіе Сильвестра князя Четвертинскаго. Преосвященный этотъ, хотя и имѣлъ недостатки своего времени (выразившіеся въ рѣзкомъ нарушеніи правъ не подвѣдомственныхъ ему ставропигіальныхъ монастырей и братствъ Слуцкаго, Полоцкаго и Могилевскаго), а подъ старость, ослабѣвши силами и довѣрившись своему архидіакону, допустилъ безпорядки въ епархіи, тѣмъ не менѣе, отличаясь ревностію къ православной Церкви, онъ, при покровительствѣ единовѣрной Россіи, твердо выдержалъ борьбу съ врагами православія,—перенесъ разныя козни отъ нихъ, оскорбленія, обиды, раны, не однократное покушеніе на самую жизнь его, и тѣмъ оказалъ великую услугу дѣлу православія въ Бѣлоруссіи.

---

[1]) Соловьевъ. XIX, 219. Послѣ этихъ жалобъ Кіевскій митрополитъ донесъ въ Синодъ, что Заленскій хочетъ похитить Могилевское епископство и отступить отъ православія, при чемъ многіе знатные особы изъ католиковъ и шляхты стоятъ за него (Тамъ же). Вслѣдствіе этого Св. Синодъ постановилъ разслѣдовать о дѣйствіяхъ Заленскаго чрезъ довѣренное лицо, но архидіаконъ, лично явившись въ Москву, поставилъ дѣло такъ, что Синодъ, хотя и удалилъ его изъ Бѣлоруссіи для прекращенія смутъ, тѣмъ не менѣе назначилъ архимандритомъ Кіевскаго Межигорскаго монастыря, настоятель котораго Арсеній Берло опредѣленъ былъ на каѳедру Бѣлорусскаго епископа. Когда же Заленскій и изъ Межигорья продолжалъ интригами своими возмущать Бѣлорусскую епархію, замышляя передать ее на унію, тогда по разслѣдованіи всѣхъ его дѣйствій, лишенный сана и должности, онъ простымъ монахомъ сосланъ былъ въ Сибирь, гдѣ и умеръ (Чистовичъ II, 259 и слѣд.).

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
4	4—5 св.	войы	войны
5	2—3 „	„ихъ отъ несноснаго платежа“	ихъ „отъ несноснаго платежа“
10	12 сн.	въ предъид. №№ 5—6, ч. неоф. стр. 10	2-е, на стран. 6-й
18	6 св.	предместье	предмѣстье
32	1 сн.	взимая	взимаемая
37	6 св.	процвѣтаетъ	процвѣтетъ
37	14 сн.	Тадухинскомъ	Тадулинскомъ
59	14 св.	претерпѣвшими	претерпѣвавшими
63	10 сн.	опредѣляетья	опредѣлятся
63	1 „	Головину	Головкину
64	1 св.	Спинали	Спиноли
65	17 „	Самовластью	самовластно
66	3 „	Королъ	король
66	6 сн.	пристойно	пристойное
75	7 „	повлекшемъ	повлекшимъ
75	4—5 сн.	имѣешъ	имѣешь
76	6 св.	ограничиться	ограничиваться
82	18 „	Лабоновскаго	Лобановскаго
84	12 сн.	Потому	Поэтому
87	11 „	Лукучу	Луквчу
87	5 сн.	надъ	надъ
88	13 св.	сѣтую	святую
88	14 сн.	несумнѣнную	несумнѣнною
95	6 св.	вслѣдсввіе	вслѣдствіе